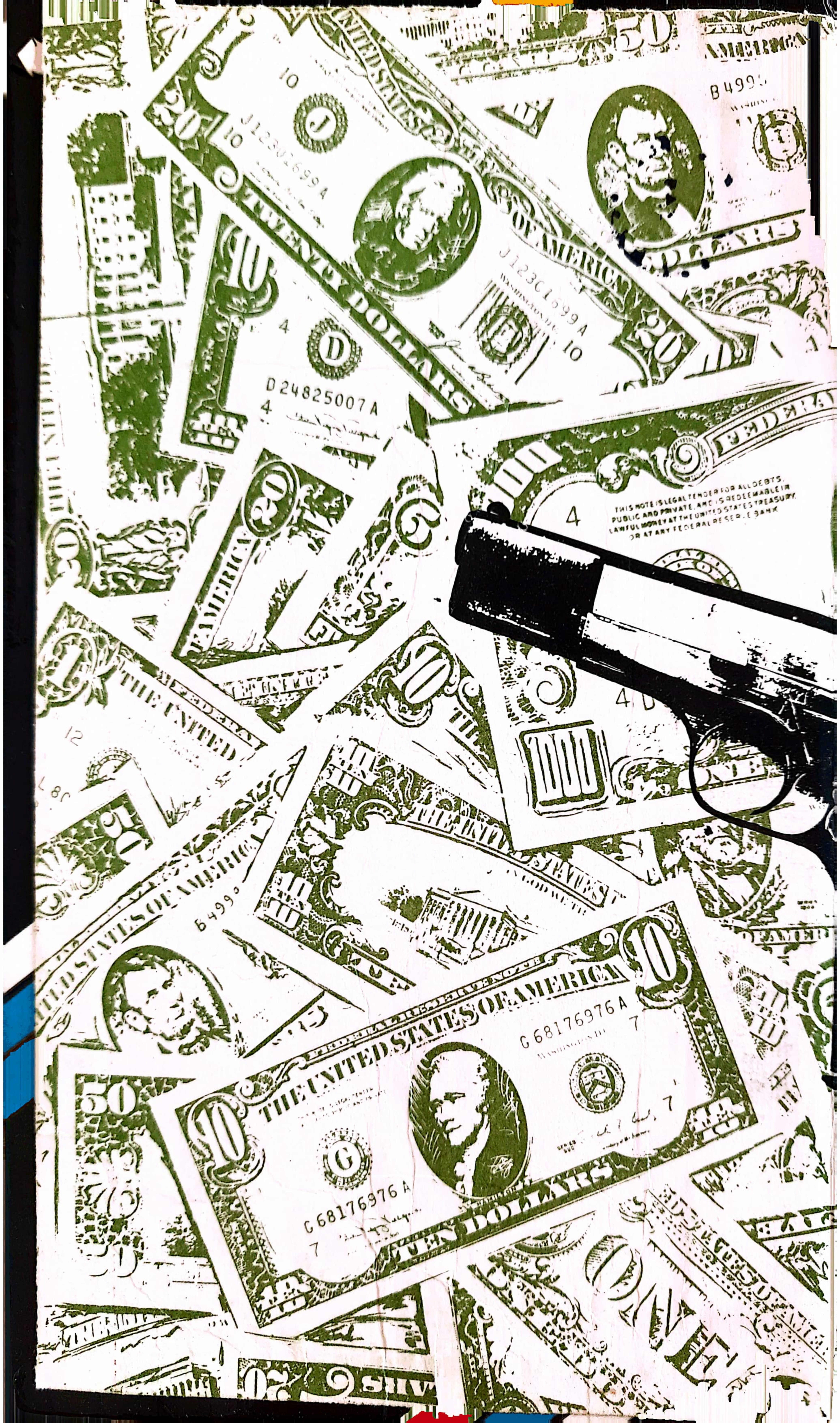

КОГДА ВНАС
ЛЕОНИД СЛОВИН
СТРЕЛЯЮТ

СОВРЕМЕННЫЙ
РОССИЙСКИЙ
ДЕТЕКТИВ

**СОВРЕМЕННЫЙ
РОССИЙСКИЙ
ДЕТЕКТИВ**

ЛЕОНИД СЛОВИН

КОГДА В НАС СТРЕЛЯЮТ

СП «КВАДРАТ»
МОСКВА 1994

1

Словно жестоккрылый жук-носорог из спичечного коробка, на полу, у кровати, негромко протарахтел телефон.

Игумнов — тридцатичетырехлетний крутой начальник вокзального уголовного розыска — еще во сне подхватил трубку. Взглянул на часы.

Было начало четвертого. Звонил дежурный.

— Приказано срочно прибыть в отдел!

— Что-нибудь случилось?

— Проверка готовности! Перед съездом!

— Вас понял!

Игумнов беззвучно выматерился.

Близко, на лоджии, обмерали голуби. Они прилетали поздно, когда все спали, и исчезали утром, оставляя вещественные знаки ночной миграции.

Жена лежала с закрытыми глазами. Но Игумнов знал: она не спит. Он и сам плохо спал в ее огромной квартире на Тверской-Ямской.

Он быстро оделся.

За голубями, по другую сторону улицы, в двенадцатиэтажке, окна были темны. Рядом с аркой, внизу, крутилась подозрительная пара. В доме жил вновь назначенный Первый секретарь МГК.

— Вызывают? — жена не открыла глаза.

— Спи...

Он положил ладонь ей на затылок.

Высокая голова патрицианки. Классически правильные черты. Ясность и полное отсутствие двоемыслия.

Высшей номенклатуре в своих семьях удавалось иногда выращивать по-настоящему совершенные экземпляры.

Когда они поженились, ее родня была буквально в трансе от этого выбора и продолжала оставаться все это время.

— Я пошел!

Дом был необычный. Лестничный вестибюль напоминал пустой огромный вольер.

«XVII Съезду любимой Партии — энергию и жар сердец» — встретило рукописное уже в подъезде.

В переулке было пусто. Транспорт не работал. Несколько пожарных машин впереди развешивали наглядную агитацию:

«Наш курс — ускорение», «Встретим Съезд новыми трудовыми...»

Окончание Игумнов не рассмотрел, двинулся к стоянке такси. Там тоже все было красно от транспарантов.

Знобкая февральская изморозь, казалось, усилилась.

На Тверской разгорался скандал: автобус вломился в фургон аварийной помощи с предсъездовским оформлением.

«Встретим...» «Добьемся...»

Призывы валялись вдоль тротуара. Гаишники ночной смены, переругиваясь, замеряли тормозной путь.

«Совсем заколебали со своим съездом...» — подумал Игумнов.

Смердов — зам по розыску 33-го — сорокалетний, одетый во все штатское красивый мужик — ждал Люську в ее кабинете.

Люська вернулась расстроенная. Поправила юбку.

— Там Сергей Джабаров внизу. Требуется, чтобы я обслужила клиента...

— Сказала, что у тебя гость?

— Он знает. Просто хочет, чтобы ты его попросил!

Смердов приехал поздно. «Аленький цветочек» уже закрыли, оставались одни завсегдатаи. Для них работало маленькое варьете. Люська Джабарова в нем значилась дежурным администратором.

Сергей Джабаров был хозяином заведения, он выступал также в роли Люскиного мужа де-юре.

Брак их был фиктивным.

За кругленькую сумму приехавший с Кавказа мафиози получил прописку и трехкомнатную квартиру в Плотниковом переулке. В центре Арбата.

— Ну, обошлось? — спросил Смердов.

— Обошлось. Понял, что не пойду. Сразу пристал: «Когда выпишешься из квартиры?»

Смердов и Джабарова сидели в ее служебном кабинете. Кроме письменного стола с телефоном и настольной лампы, в помещении стояло еще огромное мягкое кресло.

Любовникам не раз уже случалось им пользоваться.

— Это его Нинка крутит! — Нинка была новой пассией Джабарова. — Не терпится стать хозяйкой в моем доме!

Сама Люська с детьми ютилась у матери.

— Что ты ответила? — Смердов усмехнулся. Он устроил этот брак.

— Как учил! «Пойми: сначала мы должны с тобой развестись официально, Джабаров...»

— Умница.

Смердов хотел привлечь ее к себе, но она увернулась, подошла к двери. Прислушалась.

Наиглавнейшей обязанностью ее было — гасить вспыхивавшие скандалы между посетителями.

Внизу было тихо. Джабарова заперла дверь, сняла деловой из красного твида пиджак — атрибут ее исполнительной власти, принялась стягивать юбку.

— ...«Пойми, — я ему говорю, — меня уже вызывали на Петровку. Интересовались! Никто так не делает, Джабаров! Мы должны пробыть в браке уж никак не меньше года...»

— Иди сюда...

Она волновала его — зовущая, в тесной юбке, демонстрировавшей мясистую упругость плоти, с выпирающим из-под ткани вздыбленным лобком, с крутыми сосками под полупрозрачной кофточкой.

— Сейчас...

Она выскользнула из юбки, прижалась. Смердов опрокинул ее в кресло.

Она успела договорить:

— А то еще посылает меня к клиентам, сволочь! — у нее были горячие руки. — Где ты?

Он уже брал ее. Шепнул, задыхаясь:

— Насчет Джабарова я уже решил с кем следует. Не беспокойся!

У дома на Плотниковом «Москвич-427» с визгом затормозил. Снег полетел комьями из-под колес, никого не задел. Милицейский лейтенант — голубоглазый, с пшеничной копной под фуражкой — выбрался из «Москвича», подождал, пропуская крутую сипатичную телку.

— Какие женщины! И без охраны! Может, проводить?
— Где же ты раньше был? Радость моя... — девица хмуро взглянула на него. Прошла мимо.
— И тут опоздал!..

Волоков — он же Волок — с ленцой направился к подъезду.

Голицын — за рулем — коренастый, в пуловере и галстук — развернул сложенную вчетверо газету; ознакомился с заголовками:

«...Информация Лигачева о работе III съезда Кубы...»
«Пленум избрал т. Ельцина кандидатом в члены Политбюро...» «Бригада дает наказ депутату...» За месяц до Съезда-то!»

Он прислушался.

Громыкнула дверца лифта. Вздогнув, толчками, пошла вверх кабина. Маршрут внутри здания был обозначен звуками в пустоте лестничного колодца.

На пятом Волоков снова прогремел лифтом. Вышел. Нашел стальную дверь, укрытую дерматином. Нажал на звонок.

Произошло помутнение дверного глазка. Потом загревели запоры.

Волокова в квартире и на этаже знали — он уже дважды приходил — отбирал объяснения. Соседи склонны были рассматривать брак Джабаровых как сделку, скрывавшую продажу жилплощади.

— Опять? — Сергей Джабаров, сорокалетний, неохватный в талии мужик, с крупной головой, с отвисшими брезгливыми губами, открыл дверь.

— Опять, — подтвердил Волоков.

— Проходи... — ладонь, сжимавшая газовый баллончик, скользнула в карман. У мафиози были все основания считать лейтенанта неопасным, купленным на корню.

— Чего им неймется?! — Сергей на кухне жарил яичницу со свежими помидорами и смотрел телевизор.

Квартира была трехкомнатная, с двумя туалетами и лоджиями. Новые эти дома на Арбате строили отменно, потрафляя вкусам партийно-государственной элиты. Кухня тоже была огромная.

По телевизору шла утренняя мура — мультики-реклама. Кавказец, как и предполагалось, был один.

— Твоя жена у начальника управления, — доложил Волоков, — Ты им нужен. Они хотят поговорить сразу с вами обоими...

Джабаров покривился.

— Скоро должны паркетчики придти.. — он растащил личницу и помидоры по сковородке. — Привести все в божеский вид.

Квартира была полупустой, купленная новая мебель стояла нерасобранной.

— ...И машину я отослал. Муса поехал. — он имел в виду своего телохранителя из картежников-катал — Хоть бы заранее предупредили!

«Еще чего!..» — подумал Волоков. Сказал:

— Машину я достал. Надо ехать. Начальство решило наконец поставить точку

— Черт бы их побрал..

Волок кивнул: это было само собой разумеющимся.

— Насчет строительного вагончика ничего не удалось? — спросил Джабаров.

Он давно уже искал домик, чтобы поставить у себя на участке. Волок как-то сказал, что попробует помочь.

— Нет! Я всех спрашивал.

— Мне обещали. Но — через полгода!

«Значит, никогда!» — подумал Волок.

На правах домашнего лейтенант прошел во вторую комнату, там тоже работал японский телевизор с дистанционным управлением. Передавали испанский язык. Волок переключил программу, вернулся к мультикам — сразу ушел в передачу Типичный неслух, тип милицейского второгодника с последней парты

Мафиози не принимал его всерьез.

— Выпьешь? Там, в баре, виски «Белая лошадь».

— Самую малость.

— Ну что ж.. — Джабаров выключил плиту — Если ненадолго...

— Ненадолго.

Волок подошел еще к гантелям в углу Поднимать не стал.

Джабаров был мужиком солидным — килограммов на сто двадцать — мастер спорта — и вес тягал соответственный. Команду свою — катал и наперсточников — тоже набирал из бывших спортсменов.

— Я готов.

Мафиози снял с гвоздика у двери, где висели ключи, верхнюю пару.

Он уже пожалел, что согласился.

Визит в райуправление не вписывался в его распорядок. В «Аленьком цветочке» предстояла днем небольшая разборка, там же был намечен обед с человеком из прокуратуры, депутатом Моссовета.

«Ладно! Успею».

Они спустились в подъезд.

Увидев их, Голицын свернул газету, включил зажигание.

Джабаров снова вспомнил о телохранителях: любой из них был бы сейчас кстати.

— Это вы на таких машинах теперь ездите? — он оглянулся на Волока. Лейтенант развел руками.

— И таких нет. Еле выпросил!

— Бензина мало, — оборвал Голицын. — Если по дороге не заправимся, не доведу.

— Заправимся, — беспечно сказал Волок. — У меня есть один на примете. Заправит прямо в гараже.

— Далеко? — спросил Голицын.

— Рядом.

Лейтенант хотел сесть с водителем, но раздумал. Устроился вместе с мафиози сзади. Сидения были новые, по-хозяйски укрытые целлофаном.

— За гаражами. Сейчас направо!

Объяснять не пришлось. Голицын представлял район, с хода вписался в поворот к мрачноватому ряду гаражей.

— Дальше?

— Направо! И прямо!

Волок дотянулся, включил радио:

— ...Всего декада отделяет нас... — фальшиво обминая, завел диктор, — от того дня, когда в Москву съедутся лучшие представители нашего замечательного рабочего класса...

— Выключи ты эту херню! — потребовал водитель.

— Да ладно!

Они въехали в унылый ряд недостроенных гаражей.

— В конце еще раз направо. И прямо.

— Понял. — Голицын действовал шустро. — Сюда?

Он вогнал «Москвич» в последний тупик. Заметил громко:

— Да здесь целый проспект! Улица Россолимо!

Это был сигнал. Улица Россолимо, названная в честь одного из основоположников советской детской неврологии, была знаменита своим судебным моргом.

Синеглазый Волоков держал оружие наготове. Он выстрелил в упор. Пуля прошла затылок Джабарова, но изменила направление — вошла в плечо.

— А-а!.. Сволочи!

Мафиози оказался живучим — раненым плечом отбил руку Волокова с пистолетом, схватился за дверцу. Навалился всей тяжестью. Ему не хватило секунды.

Голицын перегнулся между сиденьями, ударил его ножом в грудь. Волоков выстрелил еще раз. И еще. Джабаров обмяк, сполз вниз.

— Ну, ты и стрелок, Волоков... — Голицын прижал тело мафиози. — Давай целлофан! Живее!

Учебная тревога на вокзале обернулась очередным Большим Сидением.

— Ну как, друзья? — подполковник Картузов, начальник отдела, маленький, дутый, похожий на перекачанный баллон, тянул время, ожидая высокое начальство. — Обеспечим порядок?

Кроме своего состава в зал согнали «приданных» оперативных работников других дорог, наряды слушателей Высшей школы, солдат внутренних войск.

— Как считаете, друзья?..

— Обеспечим! — Карпец — жуликоватый симпатичный младший инспектор — однофамилец крупного милицейского руководителя — простер руки. — А как же!

Слушатели поддержали:

— Обеспечим!

— Мы обслуживали Двадцать шестой Съезд! А старики помнят и Двадцать пятый! После Московской олимпиады каждый из них получил личную благодарность министра за его подписью...

Игумнов сидел со своими. Цуканов — новый его зам, обрюзгший, с тяжелым животом; оперативные уполномоченные, инспекторы. Не было старшего опера — Борьки Качана — он мотался в районе Арбата. Зато был «МО-14562» — Бакланов, прикрепленный на время специальных мероприятий, рыжий гаишник, не расстававшийся со жвачкой.

— Ерунду говорит, — заметил Бакланов.

Игумнов блеснул верхним — сплошь металлическим — рядом зубов.

— А... Пошли они!..

В прошлые разы гости сами заботились о своем багаже. С Двадцать шестого съезда ввели новшество.

— Делегаты налегке — с сумочками, с портфелями — выходят на платформу. Чемоданы с бирками оставляют в вагонах. Задача — организовать доставку вещей в гости-ницы...

— Товарищи офицеры!.. — пронзительно, точно его резали, заорал от дверей дежурный.

Картузов подхватил:

— Товарищи офицеры... — Все встали.

Начальство уже входило в помещение. Проверяющие, ответственные. Во главе с генералом Скубилиным.

Начальник управления завел сходу:

— Так прорвемся или не прорвемся? Я сейчас еду к заместителю министра внутренних дел генералу Жернакову. Что ему передать?

— Прорвемся!.. — заорали слушатели.

— А ты что скажешь, Картузов? — Скубилин обласкал взглядом прежнего своего любимца. — Ты — старый волк! Лучший начальник отдела на Дороге!

— Ну, артисты... — У Игумнова от злости даже резануло по животу.

Свои все знали: война противоборствующих группировок давно развела генерала и его бывшего личного шофера, Скубилина и Картузова.

По окончании Съезда кого-то из них обязательно должны были убрать.

Начальника управления с заместителем министра Жернаковым или начальника отдела с его новым боссом, с их кентами из Отдела Административных органов ЦК КПСС, перешедшими в МВД на первые роли.

— Могу я от имени коллектива, от вашего имени заверить...

Картузов, как давеча жуликоватый младший инспектор, простер руки:

— Обеспечим! А как же, Василий Логвинович! Какие же мы после этого мужики, коли не справимся! Нам оказана большая честь! И за нее от всех нас великое спасибо Державе...

В центре интриг находилось генеральское кресло, понадобившееся для новоиспеченного начальства. Влиятельные силы, стоявшие за его спиной, не собирались дольше ждать.

— И тебе спасибо, подполковник Картузов... — запел Скубилин. — За честную твою бескорыстную службу!

«Подонки...»

Внезапно Игумнов почувствовал чей-то взгляд, осторожно повернул голову. Среди сопровождавших Скубилина мелькнула рыжая шевелюра.

«Начальник транспортного КГБ Козлов!»

Рыжий не успел отвернуться. В глубине глазниц зеленою сверкнули крохотные зрачки.

За оперативную беспомощность при выявлении вооруженного угонщика самолета в воронежском аэропор-

ту Рыжему объявили неполное служебное, а его шефа — генерала — прогнали на пенсию. Виновным комитетчик считал Игумнова, который задержал бежавшего боевика на вокзале.

«Чао, бамбино! Мы еще встретимся!..» — пообещал комитетчик во время их последней встречи.

«Да хрен с ним, с Козловым!»

Среди «приданных сил» по другую сторону неширокого прохода Игумнов вдруг заметил стриженую светлую головку, китель с майорскими погонами.

Как он мог подумать, что она упустит такой случай — не вызовется дежурить вместе с ним на родном вокзале! Его первая жена!..

Он подошел, едва объявили перерыв:

— Надя!

Бледное, без кровинки, лицо. Вымученная улыбка.

— Я тебя не видела... Как ты?

Недостает, чтобы она заплакала.

— Ничего. Ты — хорошо выглядишь. Наверное, головка болит? — он знал о ней все.

— Болела. Но теперь уже проходит.

Они вышли наружу.

К утру изморозь прекратилась. Молчало перронное радио. От платформы густым потоком двигались пассажиры.

— В деревню давно ездила?

Мать и сестра ее жили в дальнем Подмосковье.

— В воскресенье. Три часа ждали автобуса... — Все это он уже знал. Они словно не расставались. — На все деньги есть. Даже для террористов из Красных бригад! Только не на деревню...

— Куда воткнули твоих слушателей? — она числилась заместителем начальника курса.

— Второе кольцо оцепления... На все время Съезда. А ночуем в поезде. Восьмой вагон... Зайдешь?

— Лучше ты к нам!

В дверях закричали:

— Второе кольцо! На выход!

— Я пошла!

— Аккуратнее!

Он подождал, глядя, как они строятся.

Мудрец сказал: «Есть две вещи, которые ухо не слышит, но чей отзвук разносится от одного конца земли до другого. Это — когда падает срубленное дерево, которое

еще приносит плоды, и когда вздыхает отосланная своим мужем женщина, которая его любит».

Из дежурки позвали:

— Игумнов! Телефон!

Звонил старший опер.

— К аталы! — Качан старался говорить тихо и внятно. — Я их всех сейчас вижу! Между выходом из «Арбатской» и кинотеатром «Художественный»...

— Эдик? Муса?

— Нет! Третий — здесь! Джон! Которого ты двинул об шкаф в гостинице!

— Отлично! Мы едем!

— Игумнов! — предостерегающе начал дежурный. — Генерал Скубилин приказал: «Никому с вокзала!..»

— У нас поручение прокурора!

Троица проходила свидетелями по делу арестованного убийцы — ночного охотника на одиноких женщин. По мнению следователя прокуратуры, дело разваливалось. Жертвы были мертвы; каталы уклонялись от явки, а убийца валил все на своего мертвого подельника, которого при задержании буквально развалила пополам автоматная очередь.

Игумнов бросил трубку.

— Цуканов!.. — его заместитель шел на выход. — Поехали!

— А что начальство?..

— Давай, давай!

Игумнов не очень-то его жаловал. Зам попался хотя и опытный, но не из фанатов. Штрафник. Успел прожечь кафтан. Больше не рисковал, работал с оглядкой.

— Они нам нужны! Если убийцу выпустят, я придушу его своими руками...

— Игумнов!

— Там Качан! Мы погнали. Все!

— Сюда! — показал Качан.

Старший опер работал под крутого арбатского парня. Куртка. Брюки в крупную клетку. Накачанная шея. Очки.

— Вон они! За палатками!

Год этот был обозначен как Год Арбата. Наплыв приезжих, фирмачей, наперсточников. Матрешки. Цветы.

Народ с трудом протискивался в узком проходе, ведущем к метро.

— Сторож у них — в голубой рубашке. Справа...

Спортивного вида кавказец у угла просматривал про-

хожих. Игумнов не встретился с ним глазами и вроде как не засветился.

Шулера работали спокойно. Бригада была сборная — с Кавказа и Средней Азии. Местные менты с Арбата с ними дружили.

— Две красные — проиграл, черная — выиграл... — Банковал Джон — гибкий молодой азиат в армейской сорочке. Перед ним лежала перевернутая картонная коробка из-под сигарет.

— Игра для крутых мужчин... пятьдесят ставишь — сто выигрываешь... Ставишь сто — выигрываешь двести...

Джон бросил карты, смешал, быстро меняя местами.

— Черная выигрывает, две красные проигрывают... Где черная? Кто заметил? Ваше мнение?

Джон ткнул в парня из бригады. Как и у банкомета, у него был такой же южный загар. Нужно было не иметь глаз, чтобы не заметить. Команда, видимо, только вернулась из вояжа по Крыму или Кавказу.

— Тут!.. — парень положил руку на банк, другой — достал деньги. — Ставлю сотню!

Джон перевернул карту.

— Вот и проиграли, молодой человек!

Парень расстался с деньгами легко.

Смешался с толпой. Минут через десять Игумнов с Цукановым знали уже всю бригаду.

Ни Эдика, ни Мусы не было.

— Что делать будем? — Цуканов — брюхатый, с «Правдой», свернутой трубкой — старая ментовская привычка — не смотрел по сторонам.

— Брат! Качан уже снял сторожа...

Джон продолжал раскидывать карты. Из-за толпы он не заметил отсутствие сторожевого в конце аллеи.

Появился Качан.

Не сговариваясь, они разделили команду между собой.

Джон достался Игумнову.

«Газик» пятил кузовом вперед между палатками. Над кабиной неожиданно сверкнула тревожная круговерть огня...

Игумнов и Качан бросились, словно выпущенные из рогатки.

— Быстро в машину!.. Милиция! — «Газик» еще двигался, а они уже вели — каждый двоих. — Быстро! Дорогу! Милиция...

Цуканов прикрыл сзади.

В неразберихе Игумнов лично успел схлопотать по челюсти — честь эту ему оказал Джон.

— Не пожалеешь потом? — Руки Игумнова были заняты.

Катала отвел глаза.

— Едем! — Игумнов захлопнул дверцу

Снаружи кто-то шарахнул еще кулаком по кузову

— Менты проклятые...

Труп мафиози, завернутый в целлофан, вместе с куском ржавого металла, подобранного на обочине, покоился под корягой на дне болота недалеко от Немчиновки.

— Ключи от его квартиры у тебя? — Голицын опять был за рулем

Они возвращались в Москву угрюмым, гудевшим под тяжелым грузовым автотранспортом Минским шоссе.

Волок, не вынимая, пробренчал в кармане джабаровскими ключами

— Искать его будут примерно через год, — заметил Голицын.

Быстро темнело. После обеда пошел снег, мгновенно таявший, касаясь гудрона.

— Почему ты думаешь? — спросил Волок сквозь дрему.

— Люська искать не будет. Их брак — фиктивный.

— А его родители?

— Вряд ли они знают, где он!

— Есть же у него баба! Та же Нинка!

— Чему тебя только учили, Волок! — Голицын хмыкнул. — «Баба есть»! Но от нее же заявления не примут! Кто она ему?

— Соседи?

— Эти могут. Но они первым делом опять же позвонят Люське.

— Они не развелись?

Голицын обогнал караван рефрижераторов. Водители не спешили. Их путь заканчивался у ближайшего поста ГАИ.

— Если бы они сразу развелись, суд вернул бы стороны в первоначальное положение. Смердов все просчитал.

— А что Люська теперь?

— Сдаст квартиру. Потом вернется от матери. Будет жить дальше.

— Ты забыл про телохранителей.

— Эдик? Муса? Эти и знать не будут, откуда ветер! Нам еще долго?

— Езжай...

Москва была уже близко, но справа и слева, вдоль дороги, тянулись угрюмые перелески, сплошь наспигованные воинскими частями, ограждениями, мудреными городками, въезд в которые осуществлялся по особым пропускам.

Впереди показался пост ГАИ. Голицын сбавил скорость. У поста уже стояло несколько рефрижераторов. ГАИ снимало с извоза свою долю.

— Мы-то будем что с Джабарова иметь? — проезжая мимо поста, Волоков помахал ментам. — Жить-то надо!

— Так, на мелкие расходы. Небольшая услуга Смердову.

Голицын рывком обогнал частника впереди, «подрезал», занимая полосу. Сзади отчаянно засигналили.

— Перебьешься, козел...

— А не на мелкие? — Волок хотел ясности.

— Есть одно дело.

— Большое?

— Большое. И дерзкое...

Голицын умышленно принялся тормозить — позади, у частника, снова началась паника.

— Где?

— На вокзале...

Затерроризированный частник сошел с полосы, Голицын поддал скорость.

— Я все продумал... — он наметил на дороге, впереди, очередную жертву. — Приз — миллион. Понадобится «Чайка». В крайнем случае, черная «Волга»... Брать будем во время приезда делегатов!

2

Звонок с Житной застал генерала Скубилина на заседании штаба. Заслушивали линейные подразделения транспортной милиции.

Помощник объявил от входа:

— Товарищ генерал, замминистра генерал Жернаков — на проводе!..

— Перерыв... Скубинин снял трубку, подождал, пока

члены штаба и приглашенные скроются в замаскированной под шкаф двери.

— Борис Иванович! Я на месте. Здравия желаю!

— Сперва давай обстановку!

— Все на ногах! Без выходных-проходных!.. Заслушиваем готовность линорганов к встерече поездов с делегатами. Составлены графики дежурств, закрепления за вокзалами... Все делается!

— Лично проконтролируй, Василий! Убедись... — судьба Жернакова — замминистра, курирующего транспортную милицию, тоже решалась на столичном железнодорожном узле. — Никому не доверяй! На любую провокацию пойдут! Те же Авгуров с Картузовым!

Жернаков что-то знал, звонил не случайно.

Так и оказалось.

— Телега на тебя пришла, Вася... готовься!

Скубилин поджал губы.

— Я не удивлюсь, Борис Иванович! У нас кто больше старается, того и хотят утопить! Взять вас... Кроме вас в министерстве никто из начальства не работает и работать не может. Все это знают! Нормальный юрист, не вечерник, вы там один!

— Я тоже об этом думал. Но что делать?

— Что хоть они пишут там, в жалобе?

Жернаков вздохнул:

— Про дачу!

Это был новый виток: про дачу в управлении никто не знал.

— И куда пошла?

— На самый верх! На Съезд!

— Сила на их стороне!

— Да еще какая!.. — Жернаков не выдержал. — И все потому, что мы ими никогда как следует не занимались. Они нами — да! А мы...

— Мы больше службой, Борис Иванович!

Замминистра не слушал.

— Ни Кублатым! — старику хватило осторожности не назвать Ильина, деятеля МВД «новой волны», привалившего из Отдела административных органов ЦК с командой бывших инструкторов и помощников. — Ни Авгуровым!

Жернаков разошелся: видно, успел поправиться.

— На чем они раньше горели? На чем их можно прижать? Где их родня, жены? Чем занимаются?

Перелет оказался коротким, но утомительным. В отношении делегации советских женщин авиакомпанией «Малев» была допущена явная бестактность — в салоне с посланницами мира из СССР в Израиль летела группа бывших граждан Союза — репатриантов с Северного Кавказа. Их смуглые, с неожиданно светлыми холодными глазами лица пугали злобной непредсказуемостью.

Венгерские стюардессы вхидно переглядывались.

Руководитель делегации — комплексующая блондинка, писательница средней руки глотала валидол.

Делегатки разбились на группы. Ставка принята была на старух — горянок — тем все еще казалось, что прежняя власть имеет над ними силу — по крайней мере в воздухе. Старухи нервничали, не в силах объяснить причин внезапного интереса функционерш.

Контакты мгновенно прекратились, едва шасси коснулись бетона.

Израиль встретил гостей плотным теплом тропической ночи, высоким сводом темного уже неба, мелодией такой знакомой песни, исполняемой на иврите...

«Синий платочек»!

В аэропорту бывших соотечественников сразу отделили. Репатриантов встречали представители израильского министерства абсорбции, какие-то женщины в форме. Стюардессы? Полицейские? Слышались объявления на русском.

Горцы притихли, с опаской вступая в мир, куда их, скорее всего, заманили. Посланницы, напротив, воспряли — в присутствии репатриантов им было нелегко играть свою роль миротворцев,

И тех, и других ждала еще одна — совсем короткая — встреча.

Делегация получила багаж, когда горцы появились снова — новая Родина раздала им первые деньги и теперь развозила по гостиницам.

— Надеюсь, мы не окажемся вместе... — остроносая, семитской внешности дама публично подтвердила свою лояльность. — Я тащусь от этих старух! — Остроносая была похожа на располневшего Буратино.

— Сюда, пожалуйста... — их уже ждали.

Автобус подан был комфортабельный, двухэтажный. Женщина — из встречающих — взяла микрофон.

Традиционное приветствие. Ответное слово руководительницы делегации.

За выступлениями не заметили, как проскочили города-спутники. И вот:

— Мы с вами в Тель-Авиве!

Еще работали магазины. Люди на перекрестках дисциплинированно пропускали автобусы. Светились под ногами квадраты полос безопасности.

Делегатки прильнули к окнам: зелень, черепичные красные крыши..

Женщина называла места, которые проезжали.

В центре, на Площади Царей Израиля, шел митинг. Пришлось двигаться медленно. Потом и вовсе встали. Усиленный мощным динамиком голос очередного оратора был слышен в автобусе.

— По поводу чего собрание? — спросили впереди.

— Митинг проводят правые партии. Цель — невозвращение захваченных арабских территорий. Вон там лозунг на русском. Видимо, кто-то из новых репатриантов...

На огромном плакате было написано:

«У арабов ДВАДЦАТЬ ОДНА страна, у нас — ОДНА!»

Компания израильских солдат — девчонки и мальчишки с автоматами — что-то крикнули водителю: просили подвезти. Водитель развел руками.

Было слышно «русийот...» — «русские»

Одна из девчонок помахала рукой — из автобуса замахали ответно. Девчонка была белобрысая, в веснушках, с беретом, заправленным под погон. Вся своя.

Напряжение в автобусе спало. Дама, похожая на сильно обабившегося Буратино, возникла снова:

— Этично это наше появление на митинге экстремистов?

Ее постарались не услышать.

Остроносая обернулась к женщине, сидевшей сзади.

— Нас расселят в гостинице не подвое? Как вы думаете?

— Думаю, нет

Женщина была одета изысканно просто и дорого. Остроносая еще в самолете положила на нее глаз.

— Слава Богу! Давайте знакомиться: Фрида... — она назвала фамилию известного комментатора по Ближнему Востоку. — Это мой муж.

— Ирина Авгурова...

С Джоном Игумнов разбирался сам.

— Почему по повесткам не являешься?

Игумнов был вроде с Джоном по корешам — металлический ряд во рту блеснул тускло. По-блатному.

Катала разыграл изумление.

— По каким, начальник? Мне никаких повесток не было.

— Выходит, и не знаешь, что ты свидетель, что тебя допросили и ты давал показания... — Игумнов переставил стул ближе, сел рядом с каталой.

— Почему? Я помню... — он предпочел, чтобы мент разговаривал через стол.

— А Эдик и Муса, они тоже помнят?

— Про них не знаю!

Он не забывал, что двинул Игумнова по челюсти и что мент обязательно постарается вернуть долг

— Клянусь!

Он заметно киксовал. Одно дело — отбиваться от конторы на улице — или же остаться потом против тех же ментов одному у них в кабинетах!

— Может, сведешь нас?

— Я не знаю, где они, начальник!

Игумнов апеллировал к Качану и Цуканову:

— Следователь отправил ему гору повесток... А он и в ус не дует... «Какие повестки?!»

Качан и Цуканов издевательски разыграли изумление:

— Только подумайте!

— Не хочет являться — и ничего не сделаешь! Пусть садиста выпускают на свободу, пусть продолжает убивать... — Игумнов не был настроен шутить. — На ментов он плюет! Он покупает нас в проезде у «Художественного» пачками... Так?

— Почему! — наперсточник оглянулся на Качана и Цуканова. Они сидели, сдвинув стулья, голова к голове.

Игумнова уже тащило:

— Вот собственноручное объяснение убийцы! Бетина! «... Остальных убитых нами женщин мне очень жалко, но эту — жену прапорщика — можно было бы удушить еще раз...» Я поклялся. Если Бетина освободят, я его лично уничтожу...

— Давай поедem в прокуратуру, начальник, — Джона не перлъщала перспектива оказаться между прокурорско-милическими жертвами. — Я согласен.

— Ты-то поедешь. Мы тебя отвезем, — сказал Игумнов. — А Муса и Эдик?

— Они теперь редко появляются... — катала заговорил искреннее, это сразу стало заметно. — Я сам их не вижу.

— А чем занимаются?

— Кого-то охраняют...

— Кого?

Джон помялся:

— Я слышал: директора кафе.

— А где?

— Не знаю, начальник.

— Мне нужны Эдик и Муса. Я не хочу, чтобы убийца гулял на свободе.

— Хорошо, — катала кивнул. — Пиши: «Сергей Джабаров, директор кафе...» Они у него работают. Теперь все!

Игумнов взглянул на него.

— А должок?

— Да... — Джон помрачнел.

Игумнов выдернул у Цуканова свернутую трубкой «Правду», с оттяжкой несильно протянул каталу по лицу.

— Живи и помни, Джон! И скажи, если это — несправедливо!

Волока не было.

Голицын обследовал холодильник: в морозилке — заледеневшая бутылка «московской», вторая — начатая — стояла на внутренней стороне дверцы.

Он скинул куртку, прошел в гостиную к тахте. Время еще было. Волок должен был вернуться на «Жигуле». Вместе с замначем 33-го, со Смердовым.

«Если Волок не успеет, появится Виталька Субанеев. Тот тоже на колесах... — На вечер в Столешниковом была назначена встреча с водителем черной «Волги».

Голицын оглядел книжные полки.

Художественной литературы в квартире практически не было. Он это знал, возил чтиво с собой: издания с мудреными названиями, психологические практикумы. Одно оказалось при нем — «Научные проблемы снятия агрессивности в отношении близких. Родителей, супруга, детей».

Он растянулся на тахте, взглянул на часы.

Почитать не удалось. В дверь позвонили, как было условлено. Три раза.

«Субанеев...»

Виталий приехал не один. С двумя стройными телками.

— Очень приятно...

Внешность девиц и их одежда озадачили. На обеих были шубки, практически не встречавшиеся за рубли.

— Римма.

— Ксения, — эта была в мужской шляпе.

Субанеев — признанный душа компаний, мужчина в самом соку — помог им раздеться. Под шубками оказались тоже дорогие фирменные кофты, короткие юбки. Бусы и сережки были тоже дорогие, подобраны со вкусом.

«Как Виталька собирается расплачиваться?!»

Голицын достал из серванта скатерть. Из холодильника появилась початая бутылка.

Пока девушки устраивались, Голицын вызвал Субанеева в прихожую.

— Ты поинтересовался, сколько они возьмут?

Субанеев словно с Луны упал.

— То есть?

— Какая у них цена?

— Ты думаешь: они...

— Безусловно. Как ты с ними договорился?

— О цене и разговора не было... — Субанеев объяснил, как ему все представлялось. — Они отдыхают.. И мы!

— Где ты с ними познакомился?

— В центре. Выскочил из машины, беру сигареты. Они — тоже. «Скучаете, девушки?» — «Есть немного». Слово за слово. «Еду к приятелям, хорошие ребята... Вы — как?» Вроде не против. Пойдем в комнату — неудобно...

Голицын подумал.

— Сейчас Волок должен подъехать. Со Смердовым. А потом мне в центр.

— Устроимся!

— Ну что ж!

Голицын достал колбасы, маринованного чеснока, черемши. Перенес в комнату. Налил по пол-рюмки.

— Хорошо сидим! — провозгласил Субанеев, опытный тамада, красавец мужчина. — Со знакомством...

Девуцы пригубили, взяли по кусочку колбасы. Маринованный чеснок и черемшу не удостоили вниманием.

Улучив момент, Голицын поймал взгляд сидевшей напротив Риммы, поднимаясь, кивнул на дверь.

Римма не заставила ждать. Они прошли в кухню. Закурили.

— Девушки вы — красивые. Тут, пожалуй, одной выпивкой не обойдется, — Голицын уселся на подоконник.

— Пожалуй.

Она поддержнула и без того короткую юбку, поставила ногу на табурет, чтобы подтянуть колготку. Голицыну

открылась классическая модель бедра, затянутая тончайшим эластиком зовущая плоть.

— В таком случае мы, наверное, вам задолжаем, — продолжил Голицын. Римма была уверена в том, что это так.

— И много?

Она пожала плечами.

— По Москве одна цена. В переводе на «зеленые»...

Они докурили, вернулись в комнату. Ксения за столом ждала их возвращения. Субанеев ничего не заметил, говорил об охоте. Он руководил хитрым спецохотхозяйством военно-спортивного ведомства.

— Ну, еще грамм по двадцать... — Голицын разлил водку. — Жаль, конечно, что нам с другом надо ехать...

Субанеев отвел глаза.

— Как-нибудь в другой раз! — девицы встали, направились в туалет.

— На дорожку...

Субанеев успел спросить:

— Сколько они хотят?

— Это путаны.

Девицы уже одевались, когда появились Волоков с заместителем начальника 33-го. Увидев девок, Смердов повернул назад — положение обязывало его избегать встреч с людьми малознакомыми либо сомнительными.

— Я подожду внизу...

Волок, напротив, бросился к телке в мужской шляпе. Они знали друг друга.

— Ксения!

— О-о!.. Волок! — они расцеловались. — Вот это встреча!

— Как жизнь?

— Отлично! А ты? Всё музеи инспектируешь?

Он как-то объяснял ей суть своей работы — обследование культурных памятников и исторических мест на территории Московской области.

— Хоть бы пригласил когда-нибудь!

— Это обязательно! А ты? Кулинаришь?

— Фотомodelью устроилась. — она подмигнула. — Вот едем с подругой в студию...

— Далеко?

— В центр.

Субанеев восторженно. Девки ему понравились. Он еще тешил себя мыслью, что все каким-то образом устроится:

- И нам в центр! Ты на колесах, Волок?
- А как же?!
- Вот и поехали! Девчонки! Ко мне в «жигуль»!

В Столешниковом расстались. Пока Субанеев парковался, Волоков и Голицын прошли вдоль стоянки.

Голицын показал незаметно:

— Черная «Волга». Вон там. Тридцать первая модель. — Машина была припаркована против магазина «Меха», на углу. — Новая.. Прямо с конвейера.

— Не вижу... — Волок провел взглядом.

— Не туда смотришь! Скошенная впереди! Совмин раньше предпочитал двадцатьчетверку. Сейчас перешли на эту...

— Крайняя!.. — Волок взглянул на номера, ахнул. — «00—10». Черт возьми! А водитель?

— Осталось подтвердить согласие.

— Мне отойти?

— Зачем? Остайся. Смотри только, чтобы Субанеев не подвел своих шлюх!

Голицын повернул к машине. Водитель — в куртке, в белой сорочке, при галстукe, опустил боковое стекло.

«Узнал!..»

— Привет, Волок!

Подошла Ксения. Она была одна.

— А где подруга?

— Знакомых встретила. Понравилась? Могу вернуть!

Голицын закончил переговоры с водителем, направился к ним.

— Куда-нибудь едете? — Ксения соединила взглядом Волока с его другом, отошедшим от блестящей новенькой «Волги».

— Да нет.

В последнюю минуту Голицын решил не подходить — застрял перед витриной.

Ксения все поняла.

— Ну, я побежала. Звони! — ее уже клеили какие-то парни.

— И ты тоже.

— Чао!

— Давно ее знаешь? — подошел Голицын. Ему нравились длинноногие стройные молодые телки.

— В техникум вместе поступали. Потом пару раз звонила, все собирались встретиться. А что?

— Смердов переговорил с двумя кентами из МУРа — они ее сейчас остановят, проверят...

— Что-нибудь случилось?

— Его проблемы... — Голицын ехал в машине Смердова, по дороге они провели небольшое совещание. «Случайно ли тут эти девки?» — Я сказал, что Субанеев их привез...

— А почему только Ксению?

— Вторая уже свалила.

Ксения словно почувствовала, что говорят о ней, обернулась, приветственно перебрала в воздухе пальчиками. Волок и Голицын проследили, как она, покачивая бедрами, переходит дорогу.

— Что еще?

— Смердов сказал: придется убрать телохранителей Джабарова. Чтоб спать спокойнее.

— Вот он бы и взял на себя! Он еще тут?

— Уехал.

— А как же насчет Ксении?

— Кенты проверят, позвонят.

Они двинулись через Пушкинскую.

— Исторический вечер, Волок... Завтра к ночи будем богатыми людьми!

На лестнице в пивбар струилась по ступеням нешумная очередь. Голицын двинулся первый. Коренастый. Руки — глубоко в карманах на животе. Локти отставлены.

Внизу их ожидал Субанеев.

— В среду Большая охота... — будто это и было главным на предстоящие дни. — Начальство приезжает. И гости.

Голицын усмехнулся:

— Главная охота у нас завтра...

Субанеев помрачнел.

Тихая очередь скучилась, пропуская банду.

Ксению остановили недалеко от пивного бара — сразу же за углом комиссии.

— Одно минуточку...

Двое в финских шапках, в пуховиках. Молодые.

«Менты? КГБ?» — подумала она.

— Московский уголовный розыск... — бледный, с оттопыренными ушами достал удостоверение. — В машину, пожалуйста.

У тротуара стоял обшарпанный патрульный «жигуль». Водителя, ехавшего по своим делам, явно уговорили подвезти на Петровку.

— Я же вся перепачкаюсь!

Прохожие уже поглядывали в их сторону

— Ей Богу, мальчики!

— В следующий раз подгоню говновоз... — сказал ушастый.

— Очень остроумно. И куда меня?

— Для начала на Короленко...

Корпус на Короленко с принудительной проверкой на вензаболевания мог присниться, как страшный сон, обычно туда направляли самых деловых уличных и вокзальных шлюх.

— А с Короленко я закатаю тебя на Соколиную Гору... К заразникам... — ей попался оперуполномоченный — садист, к тому же явно сексуально озабоченный. — Не была на Соколиной? Там просифонят будь здоров!

Второй опер отвел глаза — ему было стыдно.

Ксения закусил удила.

— Поехали! Только имей в виду: за меня есть кому заступиться! Не промахнись, парень!

Ушастый не успел ответить.

Сверху с Пушкинской раздались свистки. Там что-то произошло. Один за другим ударили два выстрела.

Он крикнул водителю:

— Не отпускай! Мы сейчас!

Оперативники исчезли.

— Ну, чего стоишь! — напустилась Ксения на водителя. — Ты же не с Петровки! Вези куда-нибудь.

— Мое отделение — рядом, — заметил мент — рассудительный молодой лимитчик. — Триста метров... Меня остановили, я стою.

— А там, наверное, дежурный тебя обыскался... Тем более стрельба! — ей хотелось скорее скрыться с этого места. — Давай! Мне надо позвонить!

— Опять же — кому?

— Начальнику!

— Вот и позвони, — человек без связи, водитель боялся сделать что-то не так. Он показал на телефоны-автоматы впереди. — Двушка-то есть? — Он пошарил в кармане. — Держи...

Игумнов приехал быстро. Прошел в дежурку.

Чужое отделение показалось не по-современному просторным, запущенным.

На скамье задержанных он нашел только священника.

Молодой упитанный мужик в рясе, с убранным под шляпу пучком, увидев Игумнова, встал.

— Два слова наедине... — священник был изрядно поддат. — У меня просьба. Позвоните по этому телефону, — он сунул клочок бумаги. — Пусть они приедут.

Тайны пьяного клирика были шиты белыми нитками. Телефон, наверняка, принадлежал кому-то из госбезопасности.

Игумнов поднялся на второй этаж.

Ксения оказалась в кабинете зама по паспортной работе, он был ответственным. Увидев Игумнова, она поднялась.

— Пойду, покурю.

— Конечно! Остапчук, выпусти! — крикнул ответственный.

Он не знал, что с ней делать. МУРовцы так и не появились и не звонили: на Пушкинской долго еще не утихала кутерьма — пьяный прапор с пистолетом гонялся за хулиганами — его искали по темным проходным дворам.

— ...На другой стороне, мы ее, правда; не обслуживаем. Пустячок, а приятно...

С Игумновым они сразу нашли общий язык.

— Если МУРовцы позвонят, информации не давай, — предупредил Игумнов. — Я с ними сам свяжусь.

— Ноу проблем!

— Там священник... — Игумнов выложил на стол бумажку. — Должно быть, телефон резидента.

— Я звонил.

— Ну, давай!

С Ксенией разговор повели в машине.

— Почему они подошли?

— Сама удивляюсь, Игумнов! Один — точно извращенец!

— Ты была одна?

— Риммка минут пять как отлетела... — Ксения не рассказала о Волоке и его компании.

Он продолжал расспрашивать:

— Может, они долго ходили за вами...

— Мы только приехали. Нас подвезли... Солидные мужики. Одного я и раньше знала. Из Управления культуры...

Он подбросил ее к метро «Пушкинская».

— Ну, пока!

— Чао!.. — она выпорхнула из машины, попридержала дверь. К ней вернулось настроение. — Слушай,

Игумнов. Я все забываю спросить. Ты где верхние зубы потерял? Болел?

— Выплюнул.

— Да ладно... — «выплюнул»! Не хочешь — не говори!

Позади мужики уже обращали на нее внимание.

— Завтра — наш Большой день... — Игумнов поправил уходящий под мышку ремень спецабура. — Помнишь?

— Неужели нет? — она нагнулась, чмокнула Игумнова в щеку. Хлопнула дверцей. — Приезд делегатов... Общий сбор! Ликующие лица москвичей...

3

Перед операцией Голицын изменил первоначальный план. В черную «Волгу» вместе с ним сел Субанеев — стрелок, несомненно, более высокого класса, нежели Волок.

Выехали рано. В дороге почти не разговаривали, думали о своем.

Несмотря на съездовское убранство, улицы выглядели серыми, безлюдными. Приезжих в Москве было мало. Билеты на поезда через столицу не продавали, составы приходили полупустыми.

Показался вокзал. Чужой. Полностью реконструированный. Рука прежнего Первого секретаря МГК вытянула представленный архитектурный проект, механически удвоив длину дореволюционного фасада.

Новый вокзал отхватил изрядный участок, оставшись по-прежнему тупиковым — от последних вагонов к транзитным залам не менее километра.

Голицын повернулся к водителю:

— Под знак и в правый угол... Сможем?

— Постараемся...

Он повернул под запрещающий знак.

Гаишник от тротуара поднял было свисток, но разглядел номерные знаки. Кинул руку под козырек.

— С Богом! — Субанеев тоже поднял ладонь.

Водитель как-то странно взглянул на него в зеркальце над головой. Ему показалось, он узнал второго своего клиента.

«Тоже из тех! Что-то тут у них намечается сегодня...»

Человек он был осторожный, хотя иногда и себе позволял «халтуру». Как сегодня.

«Не оплошать был...»

«Те» — принадлежали к таинственным и могущественным спецслужбам — они никогда, ни при какой погоде, не воспользовались бы для своих целей частником.

— А для служебных — тем более! — когда у них полные гаражи машин...»

Он еще раньше заметил — когда они только подошли:

«Едут встречать и без цветов!..»

Проехав запрещающий знак, черная «Волга» «00—10» покатила вдоль перрона.

— Еще правее и прямо... — Голицын легко ориентировался в лабиринте вокзальных служб. — Тут останавливаемся. Ближе к проходу. — Вокруг был припаркован служебный транспорт.

Он правильно рассчитал. «Волга» наглухо блокировала пространство между кассой сборов и проходом во двор, к прирельсовому железнодорожному почтамту, на перпендикулярно идущую магистраль.

— Все. Прекрасно. Спасибо.

Волока с его «жигуленком» Голицын загнал за угол вокзала, с «маузером», обрезом и двумя самодельными гранатами.

Остальное оружие Голицын разделил с тем, чтобы каждому достался и пистолет и револьвер: себе взял «Макаровский» и «Веблей», Субанееву — «Ивер Джонсон» и «Ческу збройовку».

Субанеев и он, Голицын, должны были появиться внезапно и открыть огонь одновременно и эффективно. На первом этапе умение вести стрельбу на поражение являлось решающим.

— Впечатляет? — Голицын показал на скопление машин впереди.

— Да, конечно...

В каждой руке Субанеева, в карманах куртки лежало оружие, характер которого знаком ему был только со слов.

«Ивер Джонсон» отличался сильной боевой пружиной, был тяжел на спуск, «Ческа збройовка», напротив, пугала легким взрывным характером...

— Не омрачить настроение делегатов!..

Начальство — Картузов и Скубилин словно сговорились — повторяли одно и то же. И в тех же выражениях.

— ...Никому не уходить с платформы прибытия! Это сейчас — наиглавнейшее...

У восьмого пути несколько дней уже находился вагон Первого республиканского секретаря, члена Политбюро. Высокий гость жил в ином месте, в вагоне размещался его штаб и личная канцелярия. Сюда подтянули кабель, выставили круглосуточный пост. Машины с правительственными номерами, телохранителями и службой сновали вдоль платформы.

— ...Личная и имущественная безопасность делегатов! Это первое...

— Хотят, чтоб, как у них! — зам Игумнова — Цуканов — комментировал все откровенно. — Поднялся в номер, а горничная уже раскладывает белье в шкафу... Вот только — беда! Кроме ментов, некому чемоданы доверить...

Оперативники выстроились вдоль платформы, они отвечали за вещи делегатов. Дальше, на перроне, вокруг своих «рафиков» группировались кубинцы — слушатели спецфака Академии. На них была возложена доставка чемоданов в гостиницы.

Второй план был забит транспортом.

— Товарищ капитан... — молоденький инспектор из группы обнаружения забытых делегатских вещей нашел Игумнова. — Забытый в туалете одеколон... Везти за ними? В гостиницу?

Брюхатый зам Игумнова не замедлил сунуться:

— Тащи к нам! Пригодится! «Шипр» это министерство путей сообщения ставит за свой счет. По бутылке в каждый туалет.

— Значит, он останется?

— Откуда я знаю? Может, выпьют... Что ж нам теперь в унитазы заглядывать?

Генерал Скубилин, проходивший по платформе, услышал:

— Надо будет — тебя первого, Цуканов, под унитаз усажу! Если с вещами делегатов что-нибудь случится...

— Так точно.

— А то будет, как в прошлый раз! «Извините-простите...»

— Один раз — еще не пидарас, товарищ генерал!

Скубилин спешил в отдел, потому не отреагировал.

— Сюда, товарищ генерал!.. — дежурный открыл дверь, сам остался снаружи. — Трубка на столе... Генерал Жернаков на проводе...

— Диктофон отключил? — Скубилин уставился на пульт.

— А как же!

Скубилин прошествовал к трубке. Находившиеся в дежурке, наступая на пятки друг другу, отступили за дверь.

— Нельзя, оказывается, и на тебя положиться... — Жернаков сделал паузу. Тон, однако, был обнадеживающим.

— Обижаете, Борис Иванович!

— Плохо знаешь свои кадры! Я, в Министерстве, в курсе дела, а ты рядом — и не чуешь!

— Не понял!

— Исчурков есть у тебя — начальник инспекции по личному составу?

На пульте загорелись огоньки — в дежурку звонили. Скубилин не обращал внимания.

— Так точно.

— И Саид Саидов работает, родственник Авгурова..

— При себе держит старшим опером!

— Сейчас же вызывай Исчуркова! На все наплюй! Это сегодня — главное...

— Внимательно вас слушаю...

— Что у него на Саидова? Какой материал? Почему не докладывает? Авгурову хочет продать, сука!..

— Все понял! Спасибо, Борис Иванович! Спасибо, что подсказали! Я сейчас!.. Мигом!

— И позвони! Давай... Времени у нас нет! Кончится эта канитель, — он имел в виду съезд, — они всей сворой сразу на нас бросятся!

Дежурный, подслушивавший под дверью, вошел, но увидел, что Скубилин набирает еще номер. Он мгновенно исчез.

Скубилин звонил помощнику. Теперь им был одинокий никчемный мужичок, без пяти минут пенсионер.

— Это вы, товарищ генерал? — с протяжкой спросил тот.

— Кто же еще?! Слушай внимательно. Найди начальника инспекции по личному составу Исчуркова! — Скубилин перешел на фальцет. — Пусть сейчас же едет сюда. На вокзал! Быстро! Дай машину...

— Машину просил полковник Авгуров...

— Перебьется. Делай, как сказал! Слышал? — Скубилин бросил трубку

— Люся! Джабарова! Там к тебе.. — в дверь просу-

нулся один из милиционеров, несших охрану кафе. —
Девушка. С ней трое. Насчет Сергея...

Люська сразу догадалась:

«Нинка! Разыскивает Джабарова...»

— Привет, Нина.

Несовершеннолетнюю подругу мафиози сопровождали его телохранители, они же каталы, осевшие в Москве, — коренастый, с усиками Эдик, Иван «Залетный» и неохватный, в куртке 62-го размера, похожий на самого Джабарова, боксер Муса.

— Привет...

Нинка изображала беременную — в кресло садилась, тяжело расставив колени.

«Может, и впрямь ждет...» — Джабаров был мужчина плодовитый — платил алименты на троих детей — в Махачкале и в Тбилиси.

Люська это знала. Первым условием их отношений поставила отсутствие даже самого намека на близость — ей хватало забот со своими двумя.

Нинка наконец села. Иван — северянин, русак, приближенный Джабаровым из уголовников, — подошел к окну, Муса и Эдик устроились на письменном столе.

— Сергей не появлялся? — Нинка достала пачку сигарет «Морэ». Закурила.

— Так и не был.

Это был ее второй визит. Первый можно было считать чисто формальным — никто особенно не встревожился. Джабаров мог уехать, загулять, снова возникнуть — так же внезапно, как и исчезнуть.

На этот раз Нинка была настроена на проведение следствия:

— Когда ты его в последний раз видела?

Люська задумалась.

— Недели две назад? Больше!

— Что-нибудь говорил?

— Шпана набивается. Вся арбатская шушера...

— Я насчет квартиры...

— Говорили! Если сейчас развестись, брак точно признают недействительным. А квартиру — государству. Наверное, слышала...

— Сергея вызывали на Петровку... — Нинка внимательно взглянула на нее. Девочка была молоденькая, но, как говорится, «со сдвинутой крышей». От нее жди что угодно. — В курсе?

— Мне он не говорил. Может, тебе подать в розыск?

Эдик сказал жестко:

— В розыск не надо! Вернется — голову снимет!

«Вернется!» Долго ждать будете... — Смердов больше не вспоминал о Джабаровом, и Люська его ни разу не спросила. — Меньше знаешь — дольше живешь!»

— Дубликаты ключей у тебя?

— Я думала, тебе оставил... — Люська взглянула на несовершеннолетнюю подругу Сергея, та только еще похабнее развела колени.

— У меня ключей нет.

Иван от окна подал голос:

— Что за человек живет сейчас в квартире?

Все четверо уставились на Люську.

«Они пришли узнать!..»

— Первый раз слышу!.. Вы говорили с этим человеком? — Люська, в свою очередь, поперла на них. — Что он говорит?

— Тебя не касается, — жестко отрезал кавказец.

— Как это не касается! Я там прописана. С меня могут спросить!

Нинка сочла ее довод обоснованным.

— Скажи, Муса!

Второй теплохранитель прыгнул со стола. Несмотря на свой объем и вес, он двигался легко. Вчерашний студент, ушедший в профессиональный спорт, а потом и в рэкет.

— Я видел соседей. Квартира сдана в аренду... Какое-то военно-спортивное общество!

— Я должна их срочно увидеть!..

— Не надо! — Нинка подняла ладонь. — Мне передали: квартирант уплатил вперед за полгода.

— Сергей об этом не говорил! — Люська имитировала возникшую внезапно тревогу. — Деньги мне за квартиру тоже с самого начала не все отдал. Только часть! Самого нет!.. Где гарантия?!

Взять верх ей, однако, не удалось.

Юная джабаровская сучка заметила с ужасающей прямо-
мотой — успела уже нахвататься от рэкетиров:

— Лучшая гарантия — это жизнь, Люся... Запомни!

— Что за вопрос? — Люська прикусила язык: народ крутой!

Джабарова проводила их до дверей, подошла к окну. Из-за балкона, соединенного с пожарной лестницей, шторы приходилось все время держать опущенными, с оставленной между полотнищами узкой щелкой.

Люська подождала. Через пару минут внизу показа-

лась вся компания. Нинка впереди что-то обсуждала с Эдиком и Мусой.

Залетный шел отдельно — худой, с вытянутым черепом, с грубыми, выдававшимися вперед надбровьями. Люська его побаивалась.

«Ничего! Смердов разматает вашу шарагу! И быстрее, чем вы ожидаете!»

Перронное радио молчало подозрительно долго. Поезд был, очевидно, на подходе.

Игумнов увидел свою помощницу.

Ксения стояла особняком, ее можно было разглядеть. Мужская шляпа, меховая шубка, из-под которой являлись стройные, обтянутые белыми джинсами, высокие бедра; длинные с наколенниками сапоги, а, главное, свежий молодой рот, ослепительные зубы; вся — супермодель, обещание здоровых удовольствий и легких доступных привязанностей, короткого и успешного пути от случайного знакомства до последней, ни к чему не обязывающей степени близости.

— «...Срочно пятерых слушателей с офицером — к депутатской комнате... — слышалось под курткой из рации. — Наружное усиление...»

Игумнов узнал голос Рыжего.

«Внутри депутатской КГБ и сам справляется...»

Комната для депутатов — под ключом, с дверями на две стороны — на перрон и в город, с опущенными тяжелыми шторами на окнах и круглосуточными дежурными, всегда жила жизнью смежного ведомства.

«Быстрее бы уж начиналось...»

По направлению к выстроившимся у депутатской машинам быстро прошла Надя со слушателями.

Игумнов взглянул вслед. Все — то же, трогательное душу. Угловатость. Неловкая манера носить вещи. Поразившая в свое время фраза ее о московском интернате после деревни: «Девочки носили в школу печенье — я думала: «Это — какие-то цари...»

«Такое не придумать...»

На мачте щелкнул динамик:

— Граждане, встречающие пассажиров! К первой платформе на первый путь прибывает... — дикторша словно объявляла о наступлении в стране Золотого Века. — Повторяю...

Голицын вышел из «Волги». Огляделся.

У других машин — тоже стояли крутые, как он, молодые офицеры в штатском. Сойдись они вместе — у них было, что рассказать друг другу. Об их маразматических козлевах, их женах и дочках.

Голицын посмотрел на часы:

«Сейчас должен появиться Волок...»

Словно по волшебству, появился и он. Голубоглазый, в пуховике, без шапки. С этой минуты Волок должен был включить мотор, сидеть в машине при малых оборотах двигателя.

«Все по графику...»

Происходившее подтверждало о его способности рассчитывать и в конечном счете блестяще провести операцию.

Очередь была за инкассаторами.

Банде противостояли трое вооруженных людей. Но на сопротивление инкассаторов рассчитывать не приходилось. Свой объезд они начинали еще засветло и приезжали на вокзал достаточно притомленные: это была их пятьдесят первая точка.

Пока один из сборщиков ходил в кассу, второй, на заднем сиденье, охранял уже опечатанный мешок, в котором, по самым скромным подсчетам, находилось не менее трехсот тысяч. После возвращения коллеги он уже складывал принесенные сумки во второй мешок.

Нападение и изъятие денег облегчались также скоплением людей и начальства двух разных ведомств, а также общей обстановкой суеты и сумятицы вокруг делегатских автобусов.

«Дерзкий бандитский налет»... — нападению, безусловно, будет уделено внимание не только в сводке-ориентировке УМУРа.

Волок незаметно кивнул, скрылся в толпе.

Он находился на вокзале уже около часа. Пребывал в состоянии некой эйфории. Бродил, смотрел.

Главное внимание КГБ и милиция уделили непосредственно личной и имущественной безопасности прибывавших. Посторонний вообще не мог попасть к поезду.

Со стороны города, наоборот, все было открыто, чисто.

Голицын оказался прав на сто процентов.

С перрона Волоков повернул назад, в проход к прирельсовому железнодорожному почтамту. Здесь людей было мало: посетители грязноватой шашлычной, кавказцы.

— О! Волок! Ё-моё! — девица, разговаривавшая с

кавказцами, в шубке, в белых обтягивавших джинсах и сапогах развернулась, чтобы идти к перрону, и едва не врезалась в него. — То никогда, то на неделе два раза! Ты чего тут?

Он узнал Ксению.

— За сигаретами. А ты?

— С друзьями.

— Телефон не потеряла? Звони!

— И ты.

Кавказцы не спускали с нее глаз. Ослепительно-белые зубы, ярко покрашенный рот. Верхняя пуговица на груди, несмотря на морозец, — не застегнута.

— Как твои мальчики? — спросила еще.

— Я их больше не видел.

Сверху, из динамика, раздались звуки марша.

Оба сразу заторопились.

— До встречи!

— Чао...

Перед платформой, как предусматривал сценарий, делегаты грянули:

«— ...Дорогая моя столица-а...»

Республиканская партийная делегация ехала в полном составе. С секретарями, председателями, директорами, с обязательными типажам официально-расписанного реестра — академиком, дояркой, писателем, рабочим-металлургом и учительницей.

В начале перрона, у «икарусов», окруженный телохранителями и свитой, уже стоял Первый. Он же член Политбюро. Моложавый высокий мужчина без головного убора, в модном пальто.

— Узнают на Кубе, что носим за ними чемоданы, скажут — «учились на носильщиков».. — старший из кубинцев — не улыбчивый, похожий на азербайджанца, в кожаной куртке с погонами — подошел к Игумнову — Как считаешь?

— Козлы! Чем они там думают наверху? А ваши лучше?

— Фидель — человек!.

— Да брось ты!.

Поезд уже катил вдоль платформы. По радио гремел марш.

Скубилин вытрясал душу из начальника Инспекции по личному составу.

— Живо у меня улетишь в Кусково, в линейное отделение... Понял?

— Понял.

— Опером по розыску. Знаешь, как Кусково называют?

Исчурков знал: «Место ссылки. Все оперативные уполномоченные — бывшие начальники розысков...»

— Нет-ет, товарищ генерал.

— Там узнаешь. Что у тебя на Саидова?

Исчурков перевел дух.

— Произвел несанкционированный обыск... Со своим дружкой-следователем...

— Не тарахти!

— Как раз собирался докладывать! Типичное вымогательство. Потерпевший обратился в милицию.

— Что-нибудь взяли у него?

— Видеокассету.

— А кто потерпевший?

— Мясник. Продавец магазина.

— Значит так. Арестовать мерзавца!.. Срочно звони, чтобы собрали материал. Я договорюсь с транспортным прокурором.

С высоты генеральского роста Скубилин огляделся. Член Политбюро, окруженный подхалимами, жмурился сытым весенним котом. Розыскники выносили вещи, ставили на тележки. Кубинцы поджидали их у своих «рафиков».

Неожиданно где-то совсем близко от места, где стоял Первый, явственно раздался громкий хлопок.

Словно лопнула камера.

— Товарищ генерал! — Исчурков дернулся. — Выстрел!..

4

«Ческа збройовка» выстрелила только раз. Субанеев и не почувствовал, как нажал на курок. Сработал разнесенный от времени ударно-спусковой механизм.

Пуля прошла совсем близко, у ноги шофера, пробила днище. Водила дернулся.

Субанеев сидел бледный на заднем сиденье.

— Ничего не произошло... Уезжаем! — Голицын один не потерял присутствия духа.

Водитель подал машину назад, примкнул к совминовскому и комитетскому транспорту. Цвет народных слуг и избранников медленно выбирался с перрона.

— Следите за своим лицом, — посоветовал Голицын водителю. — Это наши дела... Никому не интересно!

Он снова оказался прав. Никто не остановил их, ни о чем не спросил.

Народ дисциплинированный, готовый к любым неожиданностям!

Только что появившаяся 31-й модели черная «Волга» со скошенными боковыми гранями впереди, со штырем радиотелефона на крыше была с совминовским номером — и, кроме совминовцев и комитетчиков, в ней никто не мог находиться.

Подполковник Козлов из транспортного КГБ тоже видел выезжающую машину. Взглянул в лицо мужика, сидевшего на заднем сиденье — даже при неярком освещении оно показалось знакомым.

«Комитетские дела!..»

Рации молчали. Устраивать шум не было ни в чьих интересах.

Пришедший в себя водитель ловко управился с рулем.

— Молодец! — Голицын поправил галстук. — Видна школа!

На Субанеева он не смотрел.

Игумнов и Качан выскочили за оцепление.

— Быстрее...

Блестящие спины машин черепашьям ходом двигались под запрещающий знак. Длинный кортеж продвигался к воротам.

Подскочила Надя — еще недавно старший вокзальный опер, человек с земли:

— Стреляли за последним или предпоследним рядом...

Качан оглянулся.

— Узнаем, что за машины стояли?

— Нам не докладывают. КГБ, ЦК КПСС...

«Икарус» с делегатами плыл мимо — огромный аквариум. Рыбы слепо тыкались в стекло, открывали рты.

Госавтоинспектор «МО-14562» — Бакланов — побежал к патрульной машине:

— Попробую опросить водителей...

Сбегались оперативники.

— Оттеснить зевак! — Игумнов подозвал зама. —

Может, найдем пулю или гильзу... Пошли за металлоискателем!

Один из пассажиров услышал.

— В черной машине стукнуло! Она с края стояла...

— Марку заметили?

— Я не разбираюсь. Два человека сидело... И водитель.

— Узнаете?

— Да нет! Шофер в галстук. Точно... — Те — молодые... Тут во всех такие! — он кивнул на ряд комитетского автотранспорта.

Игумнов передал его Наде:

— Наш единственный свидетель...

— Картузов не дал металлоискатель... — вернулся из дежурки посланный.

— Хрен с ним. Цуканов! Начинаем руками!

Ледяная жижа растекалась грязными комками.

— Сейчас начнут снова съезжаться... — до следующего поезда с делегатами оставалось около получаса.

— Ум, честь и совесть эпохи!..

— Скубилина видел? — спросил Игумнов.

— Позорно бежал...

Сразу после выстрела, не сговариваясь, почти одновременно перрон покинули все первые лица.

«Еще загадка групповой социальной психологии...»

С десятков вокзальных оперативников процеживали холодную глинистую жижу в поисках свинцовой горошины. Курсантское оцепление сдерживало любопытных.

Оцепление убрали лишь на минуту — пропустили такси с инкассаторами.

— Случилось чего, командир? — высунулся из машины знакомый сборщик из «афганцев».

— Да, вроде того!

— Держись, командир! — Игумнов тоже был «афганцем».

С платформы прибежал потный, взмыленный Картузов.

— Что тут происходит? Немедленно отставить!

Ему пытались объяснить.

— Отставить! — слова «выстрел», «пуля» не должны были прозвучать. — Всем к вагонам! Забыли?! Литерное мероприятие!.. Воронежский на подходе! — Картузов не успел.

— Товарищ подполковник!

Младший инспектор вновь отличился.

— Вот она! — с ладони у Карпеца стекала мутная жижица. — Смотрите! — В центре лежало черное, маленькое.

Картузов буквально подпрыгнул

— Где ваш пост?

— Я...

— Туда и идите! Быстро! Слышите! — Таким его не видели.

— Разрешите доложить...

— С вопросами к непосредственному начальнику! Игумнов!

Все стало ясно как Божий день.

Мало ли укрыто от регистрации краж, грабежей! Не учтено краденых чемоданов, сумочек, кейсов?!

«Теперь и этот выстрел на перроне, и пуля!

Ничего не было! Потому что не могло быть!»

Водитель «Волги» не смотрел на своих пассажиров, чтобы те не думали, что он их запоминает. Только на дорогу!

— Прямо. Я скажу, где остановить! — Сидевший рядом что-то обдумывал.

На Садовом кольце прохожих почти не было. Всюду на светильниках виднелись красные флаги.

«Съезд...» «Съезд...» — бежало по крышам.

Перед Октябрьской площадью ему приказали взять вправо, к Житной. Впереди показались три правительственных здания — Министерство внутренних дел, Государственный комитет строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности и Промстройбанк.

— У углового притормозите!

«МВД СССР!»

Что-то подобное он предвидел. Повернул к тротуару Постовой, несший наружную охрану, равнодушно глянул в их сторону.

— Два слова! — с водителем все время общался только старший — коренастый, решительный, — что сидел рядом. — Вы уже поняли, что от вас требуется...

— Да... — водитель ничего не мог понять. — Конечно!

— Не болтать лишнего! — Старший уже открыл дверцу. — В ином случае... Я знаю, где вас найти.

Шофер не нашелся, что ответить.

Второй — который выстрелил — вышел молча.

Пока они шли к подъезду водитель успел уехать. Он даже не обернулся.

Голицын миновал турникет у входа в министерство. В огромном вестибюле, впереди, было пусто. Сбоку двери дежурный сержант разговаривал с офицером. Там проверяли документы. Голицын подошел к телефону на стене, набрал первый пришедший в голову номер.

— Слушаю... — раздалось в трубке. — Алло!

Абонент что-то еще говорил, Голицын повесил трубку, вернулся к подъезду.

Пока он отсутствовал, Субанеев успел придти в себя, остановил левака.

Резвернувшись, погнался в обратную сторону.

— В какое место вам на «Пролетарской»? — уточнил левак — толстый, в шестяном спортивном костюме, дед.

— У Крутицкого подворья.

— Покажете.

Вышли ближе к метро, нырнули в переход.

— Быстрее... — скомандовал Голицын. Он постоянно приказывал.

Подошел поезд.

В составе один из вагонов шел без света. Сели в него.

Субанеев достал «Ческу збройовку», отсоединил магазин, вынул патрон из патронника. Все сложил Голицыну в карман.

— Это — как предостережение судьбы... — Субанеев объяснил неубедительно: — Должно быть, кто-то из нас родился в сорочке... Хорошо, что так обошлось!

В темноте туннеля проносились сигнальные огни. Вагон на мгновение тускло освещался и снова падал в темную пропасть.

— ...Не считаешь?

Очередной пучок света выхватил и промчал в туннель их черные изображения — оплывшее с живописной шевелюрой и круглоголовое, короткое.

— Почему молчишь?

Голицын усмехнулся:

— Я-то, дурак, считаю, что мы все тут такие крутые! А оказывается... — он подытожил. — Еще один такой выстрел — и третья пуля — твоя! Все!

Полковник Авгуров предпочел говорить с Картузовым в машине, по дороге из Министерства.

Кроме водителя присутствовал еще старший опер — Саид Саидов, он сидел впереди — земляк, телохранитель и адъютант начальника ОБХСС.

— Такое дело... — Картузов рассказал о выстреле на

перроне. Он спешил — у вокзала должен был выйти. — Все молчат, словно воды в рот набрали.

Авгуров подтвердил его наблюдение:

— «Следствие закончено. Забудьте». Был такой фильм... Выстрел вряд ли зафиксируют. Иначе полетят головы. И у нас и в КГБ. Генерал был в это время на вокзале?

— Скубилин? Да. Вызвал Исчуркова. А перед тем его самого разыскал Жернаков.

Водитель круто вильнул.

— Внимательнее, — заметил Саид.

Адъютант был молод. В свое время сильная рука перевела его в столицу, выдала диплом юриста, нашла должность. В нем сочеталась заносчивость бывшего спортсмена-олимпийца с присущим горцу патриархальным почтением к старшим — всем, кому больше тридцати.

— Виноват...

Водитель был само внимание, обращенное, однако, внутрь салона. На заднее сиденье.

Утром ему предстояло обстоятельно доложить о разговоре свояку, работавшему на Скубилина.

— Исчурков получил компроматы... — предположил Картузов.

Авгуров кивнул.

— Он также попытается вас достать через начальника розыска.

— Через Игумнова?

— На него есть жалоба на имя 27-го Съезда. Ее переслали в Управление... Пишет убийца Бетин. Резолюция: «Лично разобраться!»

Водитель снова резко вильнул.

— Ездить разучился? — спросил Картузов.

— Прошу прощения.

— Притормози-ка! — они проезжали вокзал. Шофер свернул к тротуару. — Я останусь, а ты отвезешь полковника.

— Я тоже на минуту выйду, — сказал Авгуров.

Они остановились рядом с закрытым газетным киоском.

— У меня новость, — Авгуров поправил шарф.

В отличие от других, он приезжал в министерство в штатском.

Руководство ему мирвоило. С партийно-правительственной комиссией Авгуров выезжал в Узбекистан,

громил байско-феодалные устои, оставшиеся от прежнего руководства. Новый Первый лично знал его; всячески подчеркивал свою приязнь.

«Доктор наук. Профессор... — Картузов признавал его превосходство. — Получит генерала, пойдет вверх...»

«Жена — тоже со связями. Чья-то сестра и родственница. Постоянно за границей...»

— ...На Скубилина тоже жалоба. В Президиум съезда... — Авгуров говорил мягко, со вниманием к собеседнику. — Речь идет о его даче. Я бы хотел, чтобы вы выбрали время побывать на месте.

— Он же ее продал! — Картузов удивился.

— Покупатель — инвалид записался на прием к Министру обороны. Там что-то не то! Адрес вам дать? Желательно сделать это еще до конца Съезда.

— Не надо! Я прекрасно знаю те места!

— Вот и отлично, — Авгуров уже прощался. — Вы охотник? Я все забываю спросить!

— Случалось...

— Хочу пригласить вас в спецохотхозяйство. Поохотимся, отдохнем... — он уже садился в машину.

— Спасибо!.. Супружнице привет! — вспомнил Картузов.

Авгуров махнул рукой.

— Это еще что?! Зачем?!

Картузов дернулся, словно на стол ему бросили кондом больного инфицированного спидом.

Игумнов вспомнил Кандагар. Генерал Гюльбахор, командующий Пятнадцатой пехотной дивизией, которой он был придан, дергал обычно в таких случаях скатерть на себя или переворачивал стол со всем, что на ней находилось. Игумнова от него быстро отставили, сунули в пекло, в «Зеленую зону».

«Единственное, чему мы научили афганцев — это мочиться стоя...»

— Я думаю: это часть девятимиллиметрового патрона «Браунинга»...

Пуля напоминала пистолетную. Стальная сплюснутая горошина, плакированная мельхиором или никелем. С сердечником из свинца.

— Да мне плевать!..

— Выстрел-то был!

— Я тебе сказал! Не понял?! — он перешел на визг.

Начальник канцелярии Ключница, старая дева, душой

и телом преданная Картузову, услышала шум, появилась в дверях:

— Звонили про распродажу. Галантерея, духи... Может, что-нибудь себе подберете... Я отложила талон.

— Да. Спасибо.

Она не уходила. Игумнову пришлось объясняться в ее присутствии.

— А если завтра повторят?! И будут жертвы!.. Что тогда?!

— Все! Не видел! Не знаю! Никто не докладывал.

Убедившись, что руководству ничто не угрожает, начальник канцелярии, бурча, повернула назад, в предбанник.

— Будто начальник один должен болеть за отдел! Другим — до лампочки... — все в ней шло — от верности Картузову, вопреки логике.

— Преступников рано или поздно задержат! — Игумнов предпринял еще попытку. — В тюрьму сядем!..

— Твои проблемы! Думай, как будешь выкручиваться!

Игумнов понял: Картузов будет стоять, как скала.

— Интересы всех совпадают. И КГБ, и МВД. Авгурова, Скубилина. В этом вопросе все до конца будут держаться вместе!

«Сам погибай, а руководство выручай!» — неписанный закон строя!

Игумнов это понял. Поднял со стола стальной короткий окурочок «Браунинга», сунул в конверт.

— Ни хрена вам не надо... — полоска рыжего металла во рту, делавшая его похожим на урку, угрожающе блеснула.

— погоди, Игумнов! — Картузов струсил. — Может, я чего не понимаю. А может, ты? — он выкатился из-за стола.

— Нам было поручено ответственное мероприятие. Мы справились. Подведены предварительные итоги. Председатель КГБ и Министр — признали нашу работу удовлетворительной...

Игумнов знал его тактику: «не мытьем, так катаньем».

— Что ты советуешь? Бухнуть в колокола?! «Новые обстоятельства!.. Извините! Произведен выстрел из нарезного огнестрельного оружия. По случайности жертв нет». Ты это предлагаешь?

Главный свой козырь Картузов придержал на концовку:

— Думаешь, КГБ не знает, что у нас произошло? Обо всем информировано, а об этом нет?! Полагаешь, такое бывает? Не-ет! Это не на гулянке в Вохме! — По случайности мать Картузова была тоже из Костромской области. — Так не бывает, земляк...

Игумнов не дослушал.

По предбаннику — пока он проходил — его сопровождал стук отодвигаемых ящиков — Ключница демонстрировала свое неудовольствие.

— Добрые люди стараюсь для них... Скрывают их похождения. Надеются...

Их разделял невысокий барьер. По другую сторону, на тумбочках, стояли горшки с цветами, чайнички, в углу — корзинка для бумаг.

— ...Сказали бы руководству: «Спасибо за вашу заботу! Что бы мы без вас!»

В глазах Игумнова появилась серая пелена, такое уже не раз с ним случалось. Непонятная сила развернула его к барьеру.

«Все равно уже не работать! Выгонят, старая дура! А то и посадят!..»

Игумнов поднял корзинку с бумагами в углу, молча поставил на письменный стол. Хлопнул дверями.

Скубилин и зам транспортного прокурора по привычке обменялись новостями.

Пару минут уделили открывающемуся съезду.

— Президиум, я думаю, Горбачев, Шеварднадзе...

— Алиев!

— Это обязательно! Чебриков...

Скубилин убедился в том, что транспортной прокуратуре о выстреле ничего не известно.

«Потом их же и сделают козлами отпущения!..»

— Сейчас позвонили насчет моего опера ОБХСС — Саидова... — он резко перешел к делу.

— Что-нибудь случилось?

— Шантажировал продавца мясного магазина! Фактически — обыск на квартире и вымогательство взятки. Нашел время!

— Вот уж действительно!

— Если не привлечь, нас не поймут! Особенно учитывая обстановку.

— Давно работает? — с хода зам клюнул. Арест работника милиции всегда шел прокуратуре в актив.

— Два года. Бывший спортсмен. Холост.

— Надо посмотреть материал... Родители есть?

— Мать — учительница. Там, у себя.

— Если все чисто, можно взять.

— Я сегодня же подошлю Исчуркова. А то как бы городская прокуратура не перехватила.

Простились.

Скубилин нажал на звонок, появился помощник — пухлявый, с откляченным задом.

«Ну, прямо «голубой», — подумал Скубилин. — Только ленты не хватает в волосах. Еще прослывешь с ним педерастом... — он вспомнил прежнюю свою девочку из приемной. — Ладно, еще не вечер. Поглядим, как все обернется!»

Помощник ждал.

— Начальника инспекции по личному составу... — приказал Скубилин.

— Исчуркова?

— У нас он один! Срочно свяжи с заместителем прокурора. Скажи: на решение вопроса ему — один день.

— А какого вопроса? — помощник попался дотошный. — Он знает?

— Иди!

Гостиница «Дебора» на Бен-Игуда в Тель-Авиве оказалась солидной, однако не первоклассной, как на Дизенгоф, в ста шагах к морю.

Спонсор — партийная казна — не рискнула предоставить экстра-класс для делегации советских активисток борьбы за мир. Это могло вызвать нападки и без того весьма недоброжелательно настроенной израильской прессы. Нельзя было также поселить делегацию в Иерусалиме — это выглядело бы как молчаливое признание израильской столицы.

Валюту решено было потратить, в основном, на поездки по стране.

Программа оказалась обширной и тяжелой — встречи, посещение кибуцев, территорий и даже прием в комиссии кнессета, парламента.

Мало кто сомневался в том, что их приезд — шаг в сторону возобновления дипломатических отношений, прерванных в шестидесятых.

Через неуютный холл Авгурова вышла на улицу. День оказался жарким. Чуть мутное серое небо с еле заметными белыми разводами. Высоко в глубине расстилалась паутина высоких облаков.

«Если и дальше так пойдет — придется что-то придумать.. Может, заболеть? Все равно возвращаться одной, через Кипр...» Так было оговорено еще в Москве.

У входа фанерный Чаплин — с усиками, в черном костюме, с цилиндром — приветствовал ее известной на весь мир печальной улыбкой. Вывеска на английском и, очевидно, на иврите призывала:

«Делай жизни!» — в Израиле обращались на «ты» — реклама какой-то лотереи.

Авгурову окликнули:

— Вы далеко? Могу составить компанию..

Вчерашняя делегатка.

«Фрида...»

Авгурова смогла лучше ее рассмотреть. Острый нос Буратино на важном глупом лице. Затянутые в красный трикотаж тела.

— Спасибо. Старшая, правда, просила не уходить.

— Вам не показалось, у нашей руководительницы сильно диктаторские замашки. Как называется ее роман? «Афериста»? «Курсистка».

— «Спекулянтка»

— Что она за писательница? Я ничего ее не читала... — Фрида курила и разговаривала с преувеличенной значительностью — Воздух тут довольно-таки загазован. Я вам это говорю как автолюбитель-профессионал...

«Значительность эта у нее с детства...» — подумала Авгурова. Ей встречались даже очень маленькие девочки с абсолютно тем же выражением глупой важности.

Они вернулись в холл. Там уже сидели несколько делегатов. Шла первая дискуссия. Один из встречавших их накануне — представитель кибуца — лысый, с манерами штатного оратора, прекрасно знал русский.

— Вы в этом, извините, ничего не понимаете!. — У него было странное представление о вежливости. — Ка-толики — чтоб вы знали! — когда молятся, не читают Библию!

Было непонятно, как и почему возник спор.

— ...Это делает за них ксендз! Протестанты — да! Читают! Недаром много лет дебатировался вопрос о государственном языке Соединенных Штатов! И предлагался язык Библии! Иврит!.

Руководительница делегации попыталась перевести разговор:

— Вы ведь понимаете, о чем мы говорим..

Лысый не пожелал найти общий язык:

— Только не говорите мне, будто я вас понимаю! Я вас не понимаю! Вы первые признали нас, а потом приняли абсолютно одностороннее несправедливое решение порвать с нами. У нас рассказывают про подбитого летчика в сирийской форме. В бреду он говорил только по-русски...

Писательница отмахнулась:

— Вы тоже хороши.

— Мы сумасшедшая страна! Тут становишься или Богом, или Сатаной...

Он никак не мог успокоиться.

— В кибуцах всего три процента населения! В то же время среди павших в войнах их — пятая часть. Почти все в передовых частях!

Авгурова отошла, дискуссии ее не интересовали.

Несколько разбитных старушек — в матросских шапочках на седых букольниках, американки или канадки, весело фотографировали друг друга. Они были явно податые.

Молодые люди за конторкой сноровисто давали и принимали ключи, отсчитывали валюту, снабжали нуждающихся спичками и проспектами, отвечали по телефону.

Все трое стояли. Стулья администрации не полагались.

Авгурова снова вышла на улицу.

Если не петлять; идти прямо все время — было совершенно исключено, что она заблудится.

«Рискнуть?..»

Ей не терпелось с этим разделаться. И все же она предпочла кое-что проверить.

Авгурова подошла к двери. Разорванные листки с ничего не значившим, подготовленным заранее текстом полетели в урну у входа.

— Решили все же прогуляться? — Из гостиницы вновь появилась жена комментатора.

— Хорошая погода...

— Мне нравится ваш крем... Ничего, если я попрошу у вас самую малость? — Фрида достала сигарету.

— Конечно, — Авгурова поняла, что никуда не уйдет

— Перед отъездом я так худела... — она прикурила — осторожно, стараясь не смазать помаду. Ветра не было. Острая струйка отлетала в сторону, к фанерному Чаплину. — Теперь все лицо в морщинах. Мать говорит «В

твоим возрасте надо уже выбирать между лицом и задницей...»

Она достала салфетку, вытерла лоб.

Авгурова смотрела вдоль улицы. Человек в черном плаще, черной велюровой шляпе с загнутыми полями переходил улицу. Из-под плаща у него виднелись тонкие в черных чулках ноги. Вдоль лица свисали вьющиеся пряди.

«Хасид?..»

Улица жила своей жизнью.

Женщина-водитель кому-то просигналила из машины, девушка на тротуаре обернулась. Не узнала сигналившую, потом заулыбалась маленьким, резко очерченным, как у птицы, ртом.

Фрида подошла к урне у входа, чтобы выбросить салфетку. Она не скомкала ее — наоборот, распрямила. Салфетка должна была прикрыть обрывки авгуровского письма. Теперь их всегда можно было легко изъять.

— Как вы думаете, — делегатка закрыла урну мясистым, в красных штанах задом, — могли бы мы часть денег за питание получить валютой?

— Вероятно...

— У каждого есть какие-то обязанности перед семьей... — она с важным видом уже двигалась навстречу. — Какая-то сокровенная мечта...

«У меня — одна, — Авгурова формулировала ее предельно точно. Никогда больше в этой жизни с тобой не встречаться. Особенно после того, что я сейчас видела».

У ресторана было достаточно светло. Ксения только выскочила — разгоряченная, в наброшенной на плечи куртке.

— Привет, начальник! — полезла целоваться.

Крепкие молодые губы — аромат здорового юного тела.

— Яблоками пахнешь...

— Весной, начальник! — ее нога протиснулась между его коленями. — Смотри, Игумнов!.. Время катится: кто не пьет, не живет, тот спохватится... — она была выпивши.

— Кто тут гуляет?

— Каты..

Они отошли под деревья.

— Что-нибудь случилось? — спросила она.

— На перроне стреляли... Во время встречи делегатов. Ничего не заметила?

Ксения покачала головой.

— Выстрел был в дальнем крайнем ряду машин или позади него. Там стояли только правительственные тачки...

Она цокнула языком по-восточному.

— Нет! Ни о чем не говорит.

— Новые черные «Волги»...

— погоди! — она вспомнила. — Я кое-что подкину.

— Слушаю.

— Я встретила приятеля. В Столешниковом... Это в тот вечер, когда ты забрал меня из отделения.

— Помню.

— Он был с другом. Этот друг разговаривал с водителем. И как раз черной «Волги». Последней модели.

— Так.

— А сегодня своего приятеля я видела на перроне.

— У нас? В какое время?

— Как ты говоришь. Перед поездом... Он был, правда, один.

Игумнов слушал очень внимательно.

— Интересно. Твой приятель... Что ты о нем знаешь?

— Да ничего! Когда-то вместе поступали в кулинарный техникум.

— А сейчас? Кто он?

— Инспектор в управлении культуры. Музеи, выставки...

Дверь ресторана хлопнула, невидный из себя брюнет, чернявый, с толстыми усами выглянул и тут же снова скрылся. Ксения успела укрыться за Игумновым, мужчина ее не заметил.

— У тебя есть его телефон?

— Надо искать. Я позвоню.

— Как его зовут?

— Волоков Юрий. Иначе — Волок. Живет на Башиловке.

— А его друг?

— Коренастый, крутоголовый... Игорь. А еще Виталий!..

— Ты и назвала их тогда «солидными людьми»?

— Виталию за сорок. Из себя холеный, чистый... Красивый мужчина, «Жигули» — пятая модель. Зеленоватые. Приглашал на Арбат, в кафе...

— Какое? Вспомни!

— Сейчас... Да! «Аленький цветочек»!

С телохранителем Авгурова разобрались быстро. Саид был в отделе на Белорусском, когда в конце дня позвонили.

— Транспортная прокуратура... С кем я говорю?

— Старший лейтенант Саидов слушает!

— У меня пакет для полковника Авгурова. Подъехать можете? Тогда прямо ко мне. Пятый кабинет. Ни к кому не заходите. Как скоро вас ждать?

Саидов прикинул.

— В течение часа.

Вечером Саидов уже находился в Следственном изоляторе № 2 — в просторечии в Бутырке. В маленьком полутемном боксе. Без шнурков. Даже без сигарет. Не купил по дороге, чтобы не заставлять себя ждать.

Его арестовали за то — за что ни в России, ни у него в республике ни одного стоящего мужчину никогда не арестовывали; он и его друг — тоже работник милиции — предложили мяснику магазина взять их на спецобслуживание.

Транспортная прокуратура оперативно все оформила. Когда появлялась необходимость, и здесь умели работать быстро.

— Вот ты — следователь! — объяснил Саидов, ему казалось, что он убедителен. — Сам знаешь! Есть у меня время стоять за мясом?

Следователь быстро стучал на машинке:

«...У меня мало свободного времени, чтобы ходить за продуктами, поэтому вместе с напарником...»

— Он мой товарищ, — поправил адъютант Авгурова. — Мы вместе заканчивали Волгоградскую школу милиции...

Следователь выстукивал свое. Привычно шел на одно-два предложения впереди допрашиваемого.

— «...пришли к гражданину Колбасьеву и потребовали...»

— Просто просили!

— Вы угрожали обыском в квартире!

— У мясника были порнокассеты. А это — тоже преступление!

Следователь на секунду оторвался от машинки:

— С директором магазина бы поговорил! Пошел бы к начальству

— Начальство само кормится у этих жуликов!

— Это — слова. Где доказательства!

— Сам-то ты честного мясника видел?! — недоумевал Саидов.

— Чем вы-то честнее?

— Мы предупредили: без денег нам не надо! Все — за наши, заработанные...

Следователь усердно записывал: обэхэсник рассуждал, как ребенок.

«Чистое вымогательство...» — даже не верилось, что показание дает юрист, имеющий высшее образование.

— ..Ни райком, ни райисполком — никто не стоит в очереди... — Саидов ломился в открытую дверь. Кто с ним спорил? — Он их всех отоваривает из подсобки... А мы — не хуже! Целые дни на работе!

«Полный мудак!»

Следователь поставил последнюю точку, выдернул лист из каретки.

— Читай. Я все написал, как ты говорил.

Саидов подписал не читая.

— Минутку... — следователь выглянул в коридор.

Вошли двое. Жесткие, молодые. Саидову некогда было их рассматривать — он спешил, но следователь остановил его, достал бумагу с четкой гербовой печатью.

— Тут постановление. «Мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать содержание под стражей...»

— Вы меня не отпускаете? — это был удар под ложечку Саидов дрогнул.

— Распишитесь...

Словно во сне, он поставил подписи.

— Здесь. Еще здесь...

Он подумал об Авгурове:

«Дядя даже не будет знать, где я... Станет искать на Белорусском!»

Следователю звонили. Один раз Саидову показалось — спрашивали о нем.

Предъявлявший обвинение ответил:

— Сейчас узнаю.. — и после паузы: — У нас его нет. Пожалуйста...

Молодые люди уже не отходили от него. Как санитары от отправляемого в дурдом.

— Матери сообщите, что я у вас! — Саидов и не думал сопротивляться.

— Сообщим, сообщим ..

— А то будет волноваться! — он растерялся, говорил не о том. — Восемьдесят лет... Всю жизнь в школе. Нервы — никуда...

— Нервы сейчас у всех ни к черту!

Переулок был узкий. Сузив и без того неширокий тротуар, под окнами «Аленького цветочка» парковались с десятков машин. «Тойоты», «вольво»...

— Ни одного «Жигуля». Ни пятой модели, ни зеленоватого... — констатировал Бакланов. Свой — патрульный — он поставил по другую сторону переулка, между домами.

Несколько минут «МО-14562» и Игумнов сидели в машине молча.

Окна первого этажа кафе были задернуты, каждое в середине подсвечивала лампа — там размещались столики. Снаружи вились узорные металлические решетки. Пока Игумнов и гаишник находились в машине, ни одна тень не упала на шторы, никто не отдернул их, не выглянул.

Высокий парень в пуховике ходил взад-вперед — присматривал за машинами.

— Будем выдвигаться... — Игумнов полез наружу. — Как считаешь?

Бакланов, сотрясая чуткую подвеску, переставленную с иностранной модели, выбрался следом.

— Только в спарке.

Они перешли во двор. Жизнь кафе с черного хода выглядела активнее. Несколько женщин курили у телефона-автомата, разгоряченные, в вечерних туалетах.

— Сюда! — шепнул Игумнов.

Менты ушли в глубь двора. Тут тоже стояли машины, и даже один «жигуль». Третьей модели. Не зеленый.

Женщины у автомата были выпивши, шумно спорили. Молодая, в теле, блондинка, под Аллу Пугачеву, высунулась с телефонной трубкой, с сигаретой из бокового проема кабины — стекло было выбито:

— Алло! Таймасхан?

Ее подруги рядом продолжали громко материться.

— Тихо! Не слышу... — закричала блондинка. Грудь ее спустились, касались нижней рамки проема. Дым от сигареты лез в глаза. — Не Таймасхан? Ты, Солтамурад?

— Такие трудные имена, — заметил Игумнов. — Как быстро они научились не то что их запоминать — произносить!

— Недоцениваешь народ, — Бакланов выплюнул жвачку.

— ...Это она все спиздоболила! Сама! — кричала в трубку блондинка а-ля Пугачева. — Ты слушай! Хасанбек вообще ничего не знал!..

Из кафе появилась еще женщина — крупная, в красном деловом пиджаке. Пьяная компания мгновенно утихла; включая звонившую, втянулась назад, в коробку двери.

Игумнов и Бакланов обошли вокруг. Из глубины здания донеслась эстрадная мелодия.

— Смотри... — Игумнов поднял голову.

Над тротуаром виднелся конец пожарной лестницы. Ближайшая площадка ее примыкала к окну второго этажа. В окне горел свет.

— Придется заглянуть...

Бакланов достал очередную жвачку, расправился с оберткой, аккуратно сунул ее в карман, для пацана.

— Тут я — пас! — Он весил не меньше центнера.

Игумнов схватился за перекладину, не без труда подтянулся, закинул ногу. Через минуту-другую он был у окна.

«Да-а...» — Действительность разочаровывала.

Тут тоже все оказалось предусмотрительно задернуто шторами. В одном месте сквозь щель можно было разглядеть лишь полоску противоположной стены с незапоминающимся рисунком на обоях.

Он хотел спускаться. Внезапно что-то темное, продвигаясь вблизи шторы, полностью закрыло отверстие и тут же через секунду снова открыло. Игумнов подождал. Полоску обоев снова закрыли и вновь открыли. Чередования света и темноты следовали плавно, искусственно-ритмично.

— Что там? — спросил «МО-14562», принимая его внизу.

— Пустяки. Трахаются.

— Тоже надо.

— Надо поговорить с кем-то из персонала.

— Пойдем к дверям, — Бакланов взглянул на часы. — У меня есть методика. Ни разу не дала осечку. .

Охранник у входа был рад, что к нему обратились. Похоже, он молчал с самого вечера.

— Вызови хозяина вон той «вольво»... — приказал Бакланов. — Я растолкую ему, как быть, если номера грязные...

— Номера? — охранник — молодой парень силился уловить истинный смысл обращения.

Игумнов воспользовался его растерянностью.

— На втором этаже у вас кабинеты? Там, со двора. Угловое окно...

— Администратор.

— В красном пиджаке? Женщина?

— Ну! Люся Джабарова.

Игумнов даже присвистнул от неожиданности.

— А Сергей?

— Директор, ее муж. Его сейчас нет.

— Бросят машину поперек дороги... — Бакланов напрямую интересовался мужиком, про которого рассказывала Ксения. — Идут поддавать... Ну вы, крутые, вы делитесь! Но хоть меня не подводите! Прошлый раз козел этот из зеленых «жигулей» горы обещал и забыл! Увидишь его — передай...

— Я по договору. Недавно... — Парень оказался сговорчивым, без гонора. — Приглашу администратора. Она в курсе...

Они вернулись в машину. Ждать пришлось довольно долго.

Администратор наконец появилась. Парень — охранник махнул рукой. Они подошли.

— Слушаю вас, мальчики... — Джабарова масляно улыбалась.

Пока Бакланов все в тех же размытых выражениях повторял их претензии, Люська внимательно всмотрелась в Игумнова: менты в штатском были всегда опаснее тех, кто в форме.

Металлический ряд во рту ее успокоил.

«Милицейская мафия... Кусочки!»

— Спасибо, что подсказали насчет номеров, мальчики... Я передам. Не беспокойтесь. А насчет «вольво»... — Она обернулась. Дверь была приоткрыта. Пока они разговаривали, там, в вестибюле, кто-то все время находился.

«Наверное, тот самый — секспартнер. Со второго этажа»... — подумал Игумнов.

Из вестибюля ей передали завернутую в бумагу бутылку.

— Это вам, — она сунула ее Бакланову. — «Армянский». На доброе здоровьице. Всегда заходите...

План Транспортного КГБ по оперативному контролю

и обслуживанию органов внутренних дел предусматривал прослушивание телефонной связи милиции и милицейского начальства.

Подполковник Козлов выключил диктофон. Разговор генерала Скубилина с заместителем министра Жернаковым продолжался шестнадцать с половиной минут.

«Послушаешь — у вас всегда: то понос, то золотуха!»

Чего только не несли обычно менты по телефону!

Болтали с кем угодно — с оперчастями следственных изоляторов, проститутками, валютчиками; сговаривались о пьянках; обсуждали подробности любовных свиданий, интересовались ценами на изъятие из оборота «зеленые». Унижались перед спекулянтами, банщиками, кожниками-урологами... Заказывали из-под прилавка дубленки, сапоги; ввали жёнам, подчинённым, руководству. Расплачивались талонами на распродажу дефицитных товаров с преподавателями, с любовницами...

«Хомуты! Не хотите заботиться о государственной тайне, то хотя бы о собственной шкуре!»

Несмотря на сделанные на каждом аппарате предупреждения — «секретные переговоры запрещены» — открытым текстом шпарили фамилии, адреса, количество преступлений по видам, позициям, раскрываемость.

«Только о выстреле на перроне — молчок. И точка!»

Очередная пьяная болтовня замминистра, жаловавшегося на Ильина и Авгурова, не вызывала у комитетчика интереса.

Он хотел уже ограничиться справкой — «Оперативного интереса не представляет».

Внезапно задумался. Перемотал пленку. Пошел по второму разу.

«— И все потому, что мы ими не занимались! Они нами — да? А мы...»

— Мы больше службой, Борис Иванович!

— Ни Кублаты! — безусловно, имелся в виду Ильин, бывший зам. зав. адм.отделом ЦК. — Ни Авгуровым! На чем они раньше горели? Кто их родня? Жёны? Чем занимаются? На чем их можно прижать?!»

«В самом деле! — на его, Козлова, глазах происходило триумфальное восхождение семейных тандемов Ильина и Авгурова, — действительно ли за ними кто-то стоит? А если блеф? И потом начнут искать крайнего! «Чье оперативное обслуживание? А подать сюда Ляпкина-Тяпкина!»

Это следовало хорошенько обдумать, прежде чем втягиваться в разработку сильных мира сего.

И в то же время...

«Надоело: «Сюда нельзя!» «На это смотри сквозь пальцы!» «С этим не связывайся!» «У того наверху брат, сват, тесть!»

Что за дела!

Его нынешнее положение было тупиковым. Без руки, без связей... Надеяться следовало только на себя, на удачную разработку.

«Должен же кто-то быть на Верху в противовес Ильину и Авгурову! Он за эти материалы ухватится! А если нет, можно будет попытаться сыграть с Ильиным...»

Козлов уже знал, как поступит.

«Кто не рискует, не пьет шампанское!»

— На кого вам справку? — провод, соединявший дежурку с центральным адресным, обнаружил признаки жизни. Голос был резкий.

— «Волоков Юрий».. — Игумнов привычно продублировал славянскими именами. — «Владимир», «Ольга», «Леонид»... Живет на Башиловке...

— Ни года? Ни места рождения? — сотрудница адресного сразу предложила крутой темп. — Несчастный случай, что ли?

— Вроде того!

— Так и говорите!

Через минуту она уже диктовала:

— ...Юрий Михайлович, двадцать восемь лет... Работает инспектором ОУЭПИ — Отдела учета и эксплуатации памятников истории и культуры Главного управления культуры Московского облисполкома...

— Точно?

— Слава Богу! Я пока не разучилась читать! Улица... дом... Все!

Она бросила трубку. Игумнов пошел к дверям.

— Ночуешь в поезде? — крикнул вслед дежурный.

На первый путь вытянули из отстоя «Новомосковск — Москва», десять купейных вагонов для милиции и приданных сил. За белье платило Управление, поезд был выделен бесплатно.

— Ну...

— Уголовный розыск — седьмой вагон. Я приказал, чтоб чай горячий всю ночь.

«Инспектор отдела культуры...»

Без сомнения, это был тот человек, о котором рассказала Ксения.

«На Столешниковом, а сегодня на вокзале во время выстрела. И там, и там черная «Волга». С другой стороны — Главное управление Мособлисполкома...»

Качана он нашел в автоматической камере хранения с новой дежурной, Веркой — молодой белотелой девицей, постоянно смотревшей куда-то вниз — себе на полные коленки.

С Качаном они представляли располагающую к себе пару.

— Есть работа...

Игумнов покосился на дежурную, она поздоровалась, ушла в глубину отсека.

— Завтра проверишь по месту жительства, — он протянул справку на Волокова. — Что из себя представляет Как подвести под него Николу...

— По месту работы не устанавливать?

— Я попрошу Надю.

— Ясно, — старший опер спрятал бумагу с адресом. Подумал. Спросил бесшабашно: — Перерыв у нас ночью будет, начальник?

В последнее время в Качана и в Верку словно бес вселился: они теперь и часа не могли провести друг без друга. Борька был женат, Верка — замужем.

Игумнов прекрасно его понял.

— А как же! Час для приема пищи. После волгоградского...

Пока он отсутствовал, на платформе произошла передислокация комитетской охраны. Игумнов сразу ее ощутил.

«Это не Картузов со Скубилиным! Комитет государственной безопасности! Информацию о выстреле на верх зажали, а меры приняли!»

По платформе разбрелись чужие оперативники. К от-
делу не подпускали.

Несколько машин свернуло на перрон.

«Первый приехал...»

Откуда-то набежали легко узнаваемые телохранители: коллекционный каракуль, начищенная обувь на чуть выше обычных каблуках.

Первый секретарь — долгорукий, решительный, —

пересек заградительную линию и словно растаял в горловине станции.

— Проходите! Чего стоять...

Игумнов оглянулся. Настороженные глаза, крепкие подбородки.

— Ты — мне, что ли?

— Вам-вам!..

— Ты, друг, лучше туда смотри! — он ткнул рукой в сторону правительственного вагона.

— Иди-иди...

«Как преступление раскрывать, ни хера вас нет!..»

Поставленный на прикол «Москва — Новомосковск» готовился к встрече очередных делегаций. Они прибывали всю ночь.

Проводницы разнесли ментам постельное белье. Сырое, как и пассажирам.

— Эксперт приезжал? — спросил Игумнов у зама.

В купе сидели свои — Цуканов, Надежда, «МО-14562».

— Все в порядке, — в его отсутствие Цуканов должен был организовать передачу металлической горошины для баллистического исследования.

— Объяснил? Заключение необходимо срочно!

— Ему, по-моему, не до нас...

Авторитетнейший специалист в области судебной баллистики был известен также как алкоголик.

— Надеюсь, он не потеряет вещдок, — резюмировал Цуканов.

— Я тоже крепко на это надеюсь.

Появились бутерброды. Игумнову налили чая.

— Еще есть новости?

— Звонил начальник инспекции по личному составу...

— Исчурков? Я думал, с этим кончено.

— Жалоба из следственного изолятора. На имя Президиума Съезда. От Бетина... На всех нас.

Таксист-убийца проводил теперь время в написании жалоб.

— Что-нибудь новенькое?

— Начальник розыска и госавтоинспектор «МО-15462»... — Цуканов взглянул на Бакланова, но тот и ухом не повел, продолжал жевать. — Сломали при задержании Бетину ребра. Стащили штаны. Хотели сделать из него женщину. Вынудили признание. Подельщика расстреляли в упор. Прямо в машине... Свидетели — тридцать

коммунистов — сотрудников Научно-исследовательского института мировой системы социализма — написали коллективный протест...

Волгоградский пришел с опозданием.

Игумовские оперативники стояли невыспавшиеся, злые. Игумнов был готов сорваться на каждого.

— Разобрать вагоны... Внимание!.. — Картузов самолично с радиотелефоном пробежал вдоль платформы.

Встречающие — с гвоздиками, с тележками для чемоданов — были — само нетерпение.

Делегаты еле ползли вдоль платформы. У автобусов затаили «Подмосковные вечера».

— С вечера хорошо поддали! — заметил Цуканов с завистью. — Вот у кого отличное настроение!

— Просьба садиться в автобусы... — Перронное радио не умолкало. — Товарищи делегаты 27-го Съезда КПСС! Просьба садиться в автобусы...

Вновь прибывшие и встречавшие никак не могли расстаться. Обнимались, обменивались подарками.

Наконец их уgomонили.

Подошла Надя:

— Полный беспредел...

— Не спится, милка?..

Слово всплыло из самой глубины памяти. Костромские — мать и бабка — его самого называли «милка», «милушка». А то — «Родное сердце...»

— Долго продлится съезд? — спросила Надежда.

Цуканов услышал:

— Неделю. И сразу, в день закрытия, — разъезд... — зам был доволен. — Завтра на неделю отменят казарменное...

«Как это было тогда?» — подумал Игумнов.

На совещание начальников розысков в Управление вызвали вместе с дознавателями. В телефонограмме не была объявлена форма одежды. Он и Надя поехали в гражданском. На ней — белое платье, он — в черном костюме.

— Жених с невестой... — прошипел начальник розыска Управления.

Через год они подали заявление, а еще через год он встретился с нынешней своей женой.

Разница в отношении обеих женщин к нему была очевидна. Вторая его жена поднимала планку. С нею он становился таким, каким мечтал быть. Надя любила —

начальника вокзального розыска, сорви-голову. Каким он был в действительности.

— Игумнов! — передали по цепочке от головного вагона. — Срочно к табло у восьмого пути! Эксперт приехал!

Верка вся просияла: в начале третьего в камере хранения появился Качан, кивнул на выход.

Все говорило ей, что Борька вырвется хотя бы на час, и они опять поедут к нему. Но она не была уверена, боялась, что в последнюю минуту что-нибудь помешает.

К самой Верке ехать было нельзя: она жила далеко, в Барыбине, и кроме того дома был муж с ребенком.

— Сейчас...

С Веркой поддежуривала механик — Дина, мелкая, невидная из себя дурнушка. Она была в курсе. Верка делилась с ней неожиданно свалившимся на нее богатством.

— Я скоро... — Верка сунула ключ от автокамер, бросилась к вешалке.

Борька уже шел к выходу.

«Порядок...» — Никто из своих им не встретился.

На площади шел влажный снег. Толпа пассажиров ловила такси.

Для него, оперуполномоченного, это не было проблемой. Знакомый диспетчер сразу все понял, жезлом показал ближайшей машине подать к тротуару.

«Интересно получается, — Качан подумал о зигзагах собственной жизни за последние полтора года. — Сначала тебе изменяет жена и ты готов удавиться. Но вот у тебя самого появилась женщина и до жены тебе нет дела. Хоть она ложись под каждого встречного!»

Верка уже выбегала из подъезда. Она не успела надеть пальто в рукава — только накинула сверху и зашипнула пальцами повыше полных колен. Черные волосы ее, припорошенные снегом, разметались. Кофта расстегнута.

— Духовской переулок... — сказал Качан. Ехать было недалеко. — Чуть подождешь. И сразу назад. На стоянку.

Таксист — молодой парень — покосился в зеркальце, ничего не сказал.

— Все нормально, — успокоил Качан.

«На сердце словно пепелище. Все сгорело...» — вырвалось у него однажды, после того случая с родной женой. Присутствовавший при разговоре Цуканов, как в воду смотрел, засмеялся: — «На пепелищах еще лучше урожаи. Не знал?»

Верка еще в машине мелко задрожала.

— У меня все болит... — шепнула на ухо.

— Приехали! К этому дому! — Борька уже открывал дверцу. — Мы быстро!

Дом был старый. В таких предоставляли жилплощадь московским ментам-лимитчикам. Широкая старинная лестница, высокие потолки с лепниной.

Распугивая кошек, взбежали наверх. Борька негромко звякнул ключами, приподнял скрипучую дверь.

«Надо петли промазать...»

Не зажигая света, перемахнули коридор. Кроме Борькиной семьи, здесь жили еще две одинокие старушки-пенсионерки.

— Аккуратнее...

У него самого уже ломило над коленями, ощущение жжения, покалывание кожи простиралось выше, захватывало подбрюшье.

«Какое-то наваждение...»

Верка стонала. Ее саднило от одного его прикосновения.

Он толчком открыл дверь.

— Сюда...

Между тахтой и столом ничего не было: назаставленный, пустой кусок пола. Свет не зажигали.

Все произошло непреодолимо. Без слов. В темноте. Они сбросили одежду, легли на Борькину куртку. Ничто их не могло уже удержать.

Разом похолодевшие губы. Стон. Веркины всхлипы. Он зажал ей рот ладонью. Короткие секунды яростного, до хруста в костях, счастья. Всегда другого, необъяснимого.

— У тебя платок далеко?

— Держи!

Ментовский секс.

Оделись быстро. Так же быстро сбежали вниз.

Таксист молча покуривал.

В Бутырку Саидова везли в «Волге» начальника управления. Шофер Скубилина узнал его.

— Позвони Авгурову... — попросил Саидов. — Скажи, где я!

Водитель не ответил.

«Бесполезно. Не передаст...»

До самого конца, пока его не заперли в бокс, в голову продолжали лезть пустяки:

«В Транспортной прокуратуре с машинами всегда на-пряженка. Да и в управлении. Авгуров сам у всех просит машину...»

Лишь в боксе, темном маленьком ящике, он осознал наконец, что произошло.

«Они намотают мне срок, чтобы забросать грязью Авгурова! Позор ждет меня и мою мать! За что?!»

Мать его была необыкновенным человеком. Простая аульская женщина, она поехала в город и стала учительницей, а потом вернулась и выучила не одно поколение сельских ребят. Некоторые из них стали даже большими людьми. Мать получила орден. Ее знала вся Республика.

— О-о-о! — Саидов даже застонал от унижения и гнева. И, видно, громко. Открылось очко в боксе, чей-то глаз впился в арестованного — огромный, в окружении очка.

Глаз покружил по грязно-зеленоватым стенам, щербатым и бугристым — чтобы не писали — и очко снова закрылось.

Необходимо было что-то предпринимать. Но сначала надо было успокоиться.

Он подошел к стене.

Несмотря на их бугристость, люди, сидевшие здесь до него, умудрялись оставить о себе память: счищали поверхностный слой краски, писали короткие послания.

Он стал читать.

«Отец и любимая, простите!»

«Боже! Спаси и сохрани наши грешные души!»

«Ты — не первый и не последний...»

Неожиданно его тоже посетила светлая мысль.

«Контролер! Этот за дверью!.. Еще час назад мы были коллеги! Менты! Служили одному хозяину!»

Саидов подкладкой пиджака удалил последнюю надпись, резиной, оторванной от каблука, вывел:

«3.000 р» и номер телефона Авгурова.

Потом постучал в дверь.

6

Домá появились внезапно. На макушке огромной горы, окруженные зеленью. Они оставались вверху и не сбегали к дороге.

— Иерусалим — город без пригорода. — Гид — молодой горбоносый еврей в вязаной шапочке-кипе, был из России. Он словно купался в русских словах. — На иврите не говорят «приехать» в Иерусалим, — только «подняться» в Иерусалим... «Взойти»!

Авгурова слушала в пол-уха. В столице Израиля ей требовалось провести сугубо конфиденциальное мероприятие, не имеющее отношения к судьбе региона, какое за недостатком времени ей не удалось в Тель-Авиве. Теперь она думала, как его осуществить.

— «...Если я забуду тебя, Ерушалаим! — говорили древние. — Пусть забудется правая рука моя!» — Гид бурно радовался своим познаниям в языке, бывшем когда-то его родным. — Теперь представьте ту же фразу, но с названием другого города! «Если я забуду тебя, Лондон или Париж...» Не то! Правда?

Город на верхушке горы напомнил иллюстрацию к детской книжке: рыба-кит, а на спине чудовища — простодушные гостеприимные домики.

— ...Все здания облицованы разновидностью известняка — светлым иерусалимским камнем, что создает неповторимый облик города, существующего уже свыше пяти тысяч лет...

В Иерусалиме делегацию тоже ждала большая программа — Старый город. Виа Дolorоза — скорбный путь Христа. Храм Гроба Господня. После обеда — израильский парламент. Музей памяти жертв нацизма...

Для начала следовало отделаться от важного остроносого Буратино в красных штанах. В Тель-Авиве Фрида буквально ходила за ней по пятам. Просила крем, возвращала, показывала, советовалась...

Хотелось ей сказать:

«Напрасно, дурочка. И абсолютно бесперспективно. Все, что ты вынюхаешь, будет заблокировано сразу же и на самом высоком уровне! Живи спокойно!»

Специальное предписание освобождало Авгурову от таможенного контроля при пересечении государственной границы СССР.

«Так-то, друзья...»

Голос горбоносого пробил дрему.

— ...Извините, я в этом не Копенгаген!

Молодой еврей репатриировался, по-видимому, в шестидесятых — вставлял модные в те годы словечки, цитировал Ильфа и Петрова.

— А сейчас мы выходим из автобуса. Пройдем к

могиле царя Давида. Увидим Католическое аббатство. Дом Натании. Через Сионские ворота войдем в Старый город. Прошу!

День стоял нежаркий, но ясный, сухой.

— Не растягивайтесь, пожалуйста! Нам предстоит сегодня немало увидеть...

Гробница царя Давида, поэта и воина, выглядела сурово-аскетично: огромный базальтовый саркофаг под бархатом, несколько чеканок на благородном металле. Гора молитвенников, свезенных со всего мира.

— Тут же по соседству молятся и мусульмане... Для них он — пророк Наби-Дауд...

Авгурова не задержалась в усыпальнице, за ней потянулись остальные. Делегатки устали.

— Идем дальше... — Горбоносый готов был обежать пешком весь Израиль. — Прошу внимания! А этому вот дому без малого две тысячи лет. Внутри сохранились еще элементы колонн далекой эпохи... Одна из величайших реликвий христианства...

Двухэтажное здание из светлого иерусалимского камня ничем не отличалось от остальных.

Слушали плохо.

— Дом Натании. Именно в нем Иешуа бен Есеф... Помните?

Имя Иешуа ни о чем не говорило.

— ...Иешуа бен Есеф, известный больше как Иисус Христос, провел тут свой последний в жизни пасхальный седер...

— Горница Тайной вечери?!

— Именно!

Достопримечательностей было слишком много. Кроме того, почти у каждой из делегатов были свои планы. Шли не задерживаясь.

Гид прибавил темп.

— ...Справа частная религиозная школа для девочек... Это — Сионские ворота, через которые в дни Войны за независимость бойцы Пальмаха ворвались на территорию Еврейского квартала... — Гид не упустил возможность съязвить. — Теперь вы все сионистки.

«Все-таки странно, если учесть, что наш патрон — Коммунистическая структура...» — подумала Авгурова.

— ...Сейчас транзитом, не останавливаясь, махнем через армянский квартал...

Выбравшись из каменного мешка, делегатки увидели сверкающие витрины магазинов, арабские лавки.

Сердца экскурсанток дрогнули.

— Перед вами Кардо — центр города Элия Капитолина, основанного римлянами на месте разрушенного Иерусалима...

Авгурова проследила за его взглядом и заметила офис. До него было рукой подать.

«То, что мне нужно...»

Она подошла к гиду:

— Какая у нас дальше программа?

— Храм Гроба Господня, Западная стена Иерусалимского храма, так называемая Стена Плача... — он перечислил не менее десятка мест. — Через сорок минут у Мусорных ворот нас ждет автобус...

— Мусорных? — уточнила Авгурова.

— При турках через них вывозили мусор. Пойдемте, дамы... Не растягивайтесь!

Авгурова уже приняла решение.

— Знаешь, что за пулю ты дал на исследование?

Баллист не пошел в отдел, ждал у табло, в конце платформы.

— Мне сегодня противопоказаны замкнутые пространства... — эксперт пребывал в жестоком отходняке. Он не узнал Надю в форме, в майорских погонах. Скорее, даже не заметил, как и Бакланова. — Сейчас ты просто закачаешься! Зови Картузова! Это и его праздник!

— Это уж ты сам ему объявишь! У него другое! Видишь? Автобусы!

— Все ерунда, Игумнов! Пустая говорильня... А тут конкретно! Милиционер, которого убили в электричке! Помнишь? Так вот. Пули — та и эта — одна к одной!..

Баллист наконец заметил Надю:

— Надежда! Товарищ майор...

— Но убийцы на Белорусском арестованы! Сидят! — остановил его Игумнов.

Эксперт возразил:

— Пистолет-то не найден!..

— Ты прав... — ориентировка о прекращении розыска оружия действительно не поступала.

Игумнов вспомнил:

— «Вальтер»... Модели «ПП» или «ППК». Девятимиллиметровый.

— Ерунда! Я дал заключение — «Маузер» модели НИКЛ либо «Ческа збройовка» модели 1927 или 1924 года... — для профессионала это было существенным. —

Со мной не согласились. Прокуратура вписала «вальтер», тем более обвиняемые признались... Так вот! Теперь точно такая картинка... Думаю, это — «Ческа збройовка».

Во дворе у Волокова Качану повезло.

— Работает он в хитром месте! А где? Вот вопрос! — собеседник выглядел до крайности испитым, худым, без признаков растительности на лице. — Слышал пословицу? «Не говори, что знаешь, а знай, что говоришь!» — Он часто и коротко сплевывал себе под ноги.

Волоков жил у винного магазина и было естественным собрать сведения о нем именно там.

— Он тут рядом где-то обитает... — Качан вел свою линию.

— В угловом!

— Точно!

Повод для разговора нашелся быстро: кент, за которым остался должок.

— Юрка, вроде бы...

— Волок! Точно! Я тут всех знаю. Постоянных, конечно... — алкаш сплюнул.

Качан стимулировал его сигаретой.

— Ушел, и с концами!

— Вот такой мужик! — Алкаш поднял грязноватый палец. — Водки нет, но Волок тебе всегда сделает

— Работает, что ли, в магазине?

Тут и прозвучала сакраментальная фраза:

— Работает он в хитром месте...

— Я думал к жене его зайти, слукавил уста-
новщик.

— Я ее что-то не вижу. Не в деревне ли?

— Далеко деревня?

— В Немчиновке... По Белорусской

— С детьми?

— Куда их денешь! Трое! Мальчик и две девочки...

Сомнительные личности сновали мимо них — от арки во двор магазина. Там торговали самогоном. То в одном, то в другом углу вспыхивали острые дискуссии.

— Дрожжи не гуляют!.. Как быть? — Алкаша привлекли для консультации.

— А ты кефирчика! И на горохе тоже хорошо!

Борька не позволил его мыслям растечься по древу

— Выходит, должок не пропадет...

— Ни в коем разе. А водки он тебе сколько хочешь сделает!

— Тут у вас не менты очередь устанавливают?

— В магазин? А что ему менты? Он их всех знает... Мужик он солидный... — у алкаша появилась возможность намекнуть на то, что и он сам тоже не лыком шит. — Тут как-то спрашивал у меня про строительный вагончик...

Качан был само внимание.

— Знаешь: строители ставят? С отоплением...

— Ну!

— Я поинтересовался кой у кого... Пока не подвернулся... Ты вечером приходи — увидишь! Как король приедет...

— У него машина?

— Четыреста двадцать седьмой «Москвич». Небесного цвета.

Одна из темных личностей, вертевшихся поблизости, приблизилась в неподходящий момент:

— Не знаете — есть? — Предложение было понято, хотя в нем начисто отсутствовало подлежащее. Не упоминалось оно и в предыдущем контексте.

Алкаш ответил с достоинством:

— Я сейчас не бухаю, земляк, поэтому не смотрю. Не знаю!

Они еще поговорили.

Качан взглянул на часы. Верка должна была приехать в Москву с утра — навестить мать. Отчим был на работе. С матерью существовала договоренность: уходя — оставить ключи в почтовом ящике.

К этому времени Борька должен ждать на остановке. «Вечная спешка. Всегда бегом...»

На обратном пути у себя, в Барыбине, Верке надо было еще в детский сад за ребенком...

Алкаш освободился. Закурил.

— Машина у него своя? — Борька продолжил с хода.

— Не знаю. Иногда друг его за рулем...

— Точно! — Качан не ожидал, что вот так — случайно зацепит второго. — Тогда с ним тоже друг был! Коренастый...

— Он!

— С галстуком!

— Осенью, я видел — в пуловере, в кожаной куртке.

— Игорь или Виталий?..

— Имени, правда, не знаю.

— Кажется, вместе работают...

— А мне говорили: офицер!

Качану теперь необыкновенно везло, если это было связано с Веркой.

«Сначала Белорусское направление! Там тоже «Ческа збройовка». Потом «строительный вагончик». Теперь друг-«офицер»!»

Пора было заканчивать.

— Хороший малый этот Волок, — подумав, заметил Качан. — Но где же он ногу потерял? Машина сбила? Или отморозил?

Алкаш взглянул ошалело:

— Как потерял?

— Он же на протезе!

Несколько минут они вяло перепирались.

— Тогда это не Волок! Степан или Павка Корчагин! Но он не молодой...

— Павка! — Качан несильно ударил себя по лбу. — Точно!

— Так и говори! А то Волок! — в алкаше родились высокие воспоминания. — С Корчагиным мы «лосьон» открыли! Веришь? Голубой. Как морская вода... Сто двадцать граммов, но сразу ты не выпьешь! С ног валит!

Цель вылазки называлась: «Отдел учета и эксплуатации памятников истории и культуры Главного управления культуры Московского облисполкома».

Надя поднялась наверх. Никто не остановил ее, ни о чем не спросил. Она пристроилась у окна, между лестницей и канцелярией. Волоков с его приметами должен был сразу броситься в глаза.

«Если не болен и не отпросился...»

Организация оказалась не малолюдной.

Сотрудники прибывали. У канцелярии собирались посетители. То один, то другой инспектор проходил к начальству и там застревал.

— Только свои и идут!

Движение сотрудников было Надежде на руку. Через полчаса она увидела почти всех и двинулась по кабинетам. Простота здешних нравов это допускала.

Надежда прошла все комнаты — Волокова нигде не было, фамилия отсутствовала и на дверях.

В конце коридора молодая сотрудница примеряла сапоги. Вторая стояла рядом.

— Спички есть?

Надежда достала зажигалку.

— Волоков в каком кабинете? Не скажете? — спросила в свою очередь.

— Кто такой Волоков? — женщина удивилась.

— Ваш сотрудник. Молодой! Светлые волосы...

— Первый раз слышу... Валь! — Ее подруга в это время застегивала «молнию». — Кто у нас Волоков? Я правильно называю?

— Волоков Юрий Михайлович...

Подруга шевельнулась — «молния» шла с трудом.

— Нет у нас такого.

— Вот и я говорю!

То же подтвердила канцелярия.

— Игумнов! Тебя! — дежурный передал трубку. — Карпец на проводе...

Игумнов с Баклановым только ввалились в дежурку.

— ... От «Аленького цветочка»!..

— Товарищ капитан! Зеленых «Жигулей» нет... А появился катала. Свидетель по делу Бетина! Здоровый!

— Муса!

— Зашел в кафе!

— Один?

— Да.

— Мы сейчас будем. Жди в переулке.

Минут через десять они уже подъезжали. Бакланов превзошел себя.

Чернявый, с жуликоватыми глазами младший инспектор подскочил, едва они свернули с Гоголевского бульвара.

— Мусу взяли! Городская милиция. Лейтенант и с ним второй — в штатском!

— Какого черта! .. — Игумнов не выдержал. — Здешние менты живут с ними душа в душу!

— Милицейский «москвич»! Только сейчас.

— Садись, — крикнул Бакланов.

Карпец вскочил на заднее сиденье.

Бакланов уже гнал по переулку.

— Вон они! «48—11».

Менты правили мимо метро на Волхонку. Бакланов на своей патрульной легко включился в преследование.

— А может, у Города на Мусу серьезнее нашего материал! — Карпец просунул голову между сиденьями впереди. — Тогда они вряд ли его отдадут...

— Уговорим, — гаишник полез за жвачкой.

«Москвич» с милицейскими и наперсточником вертанул в сторону Александровского сада, замешался в массе безликого транспортного стада.

Бакланов был начеку.

Под светофором на площади Революции они стояли уже метрах в десяти позади. Катала сидел с левой стороны, за водителем и занимал один почти все сиденье.

— Это — 108-е... — предположил Бакланов. — Самая суета. Фрунзенское райуправление...

«Москвич» сделал объезд вокруг гостиницы, теперь правил на Горького.

— Не пойму: 108-му какой интерес?!

Перед Центральным телеграфом «Москвич» перешел в левый ряд, Бакланов тоже пристроился к осевой.

Впереди инспектор 2-го отделения ГАИ кого-то пропускал, задержал оба встречных потока.

— Аккуратнее! — крикнул вдруг Игумнов.

Дверца «Москвича» со стороны осевой неожиданно распахнулась, наперсточник — плечистый, без шапки, в кожаной куртке, с длиннющим шарфом — выскочил на мостовую, через дорогу побежал к Центральному телеграфу.

— Бери влево! — крикнул Игумнов. Проезжая часть слева была все еще пуста. — Гони на Огарева!

Бакланов едва успел с поворотом.

Инспектор 2-го отделения ГАИ махнул жезлом, Мусу и Бакланова с его «жигулем» мгновенно отрезало от ментов в «Москвиче».

— Это — номер! — признал Игумнов.

Бакланову и самому стало смешно.

Наперсточник выбежал на Огарева. Убедившись, что его не преследуют, Муса перешел на шаг. Широченный, поперек себя шире, с руками по локоть в карманах, на животе, катала занимал большую половину тротуара.

Улица была узкая. Почти всю четную сторону ее занимало старое здание Министерства внутренних дел, часть главков из которого переехала на Житную.

Выходившие из Министерства садились в машины. Еще несколько машин стояло ближе к перекрестку, у здания бюро пропусков.

«МО-14562» обогнал Мусу, сбавил скорость.

Муса миновал центральный подъезд Министерства.

Знал ли он, что за учреждение за высокой тяжелой дверью?

— Брать будем ближе к бюро пропусков, — предуп-

редил Игумнов. — Только без эмоций. Аккуратнее... Мне еще в инспекцию по личному составу. Объясняться за предыдущее задержание!

— Сегодня? — Карпеца не оставляла кроткая благостная улыбка. Руки у него уже чесались.

— Прямо сейчас... общество против непримиримой преступности, но не дает милиции полномочия! Вот и думай, как быть!

Бывшая скубилинская дача стояла на пригорке — двухскатная, под красной черепицей, из шоколадно-коричневого бруса. Один из скатов был длиннее — прикрывал летнюю автостоянку. На втором этаже тянулась лоджия.

«Балтийская модель...» — подумал Картузов.

Другие дачники тоже не ударили лицом в грязь. Строились с размахом, по индивидуальным проектам. Стройматериала хватало.

Поселок заложен был недалеко от Москвы, в лесу. Речка. Озеро. Сейчас все было покрыто снегом, подтаявшим из-за переменчивости московской зимы.

Пока шофер спонтанно возился на дороге с мотором, Картузов приблизился к даче.

«Почему Скубилин ее продал? И чем недоволен покупатель?»

Оба вопроса вполне могли оказаться одним — ответы могли совпасть. Ни Ильину, ни Авгурову ознакомиться с жалобой не удалось. Министр обороны лично передал ее Президиуму Съезда.

Из дома наблюдали.

На крыльце появился старик — в шинели, шапке из серого каракуля, в валенках.

«Полковник! — догадался Картузов. — Ждет комиссию...»

Они поздоровались.

— Благодатное место! — Картузов польстил. — И поселок в самом лесу. Видно, от крепкой организации...

— Это так...

Хозяин дачи оказался немногословным. Поняв, что Картузов — гость случайный, замкнулся совсем. Каждое слово приходилось вытаскивать, как клещами.

— А что за организация? — прикинулся Картузов. — Военная? Или секрет?

— Да нет. Обычная.

— Высокая номенклатура?

Старику пришлось ответить:

— Аппарат области. Среднее звено.
— И сами все осилили? Даже не верится!
— Несколько людей из облисполкома. Ну и «нужники». Коммуникации. Торговля... Как принято.
— Милиция?
— И эти были.
«Выходит, не один Скубилин продал дачу!»
— Не успеют построить — уже бегут, — подначил Картузов. — Чего-нибудь да не нравится!
— Вот и у нас...

Старик не стремился к разговору, который Картузов тщетно пытался оживить.

— Вы-то остались!

— Мы-то как раз въехали, — он вздохнул.

Попытки реанимировать беседу ни к чему не привели.

Простившись, Картузов вернулся к машине.

Видя, что начальство разговаривает, водитель опустил крышку капота. Двое местных парней и девка — в сапогах, в куртках, в одинаковых лохматых шапках из собак — не замедлили появиться. Закурили. Водитель включил магнитофон.

— Что за народ у вас унылый... — посетовал Картузов.

— А мы не отсюда, — деваха тряхнула шапкой. — Ольховские.

— А сюда зачем?

— К автобусу.

— И автобус тут?

— Ну! И ларек!

— А все недовольные!..

— А что им радоваться? — один из парней достал сигареты, по очереди поднес каждому. — Если их сносят...

— Как сносят?

— Решение есть. По плану тут скоростное шоссе.

Картузов начал понимать.

— Знали, когда строили?

— Знали! Но они-то как считали? «Партийные органы! Обойдем! Прикажем!» А обстоятельства изменились — они и посыпали отсюда...

— Кто же у них купил?

— А хоть бы и вы... Они же скрыли, что сносят!

— А облисполком? Нотариальная контора?

— Молчали! Команда была сверху, чтоб начальству не мешать!..

— На тебя бумага, — Исчурков показал вечно воспаленные, с красными прожилками глаза нездорового человека.

— Очень приятно.

— Ну — это твои проблемы.

— И твои тоже... — они вместе учились в Академии. Игумнов всю дорогу его задира.

— Вот жалоба, адресованная на имя Двадцать седьмого съезда КПСС... — Исчурков относился к нему неприязненно, при том, что откровенно побаивался. — Можешь ознакомиться. Это — копия.

Игумнов нагнул голову над посланием на столе. В руки не взял.

«— *..Дедушка мой, — писал ночной охотник на одиноких женщин, убийца и садист, — прожил доблестную боевую жизнь, поднимая народное хозяйство, защищая советскую власть, интересы молодого советского государства и народа. Погиб он раньше моего рождения. Его я не знаю. Настоящей матерью мне была слабая здоровьем бабушка...*»

— Камера, должно быть, подыхала от хохота, когда он это писал... — Игумнов поднял голову.

Текст был набран первоклассной машинисткой на отличной бумаге.

— Видно, на самом верху перепечатали... Для Президиума съезда!

Исчурков готовил какой-то документ, действовал с помощью ножниц и клея. Он не ответил.

Игумнов прочитал еще абзац.

— *«Она любила меня, поспитывала во мне в меру своих возможностей и способностей честного человека...»* Это трижды судимого-то?!

— Там ниже о тебе. Персонально.

— *«Работники уголовного розыска из низменных побуждений и корыстных мотивов стали наживаться на моем горе и набирать служебные очки под видом псевдорасследования...»* — прямо для «международной амнистии!» — *«Совершенно пьяные — Игумнов и Бакланов, грозя смертной расправой, унижали честь и достоинство моей супруги...»*

Игумнов щелчком откинул бумагу.

— Чушь!

— Осторожно! — жалобу полагалось вернуть. — Там еще внизу...

Один из абзацев был отчеркнут.

— «...Игумнов и Бакланов подвергли меня избиению, грозили поломать ребра и изнасиловать... Свидетелями они выставили двух лиц кавказской национальности, которые так и не явились ни на одну очную ставку... Бессмертные идеи Великого Ленина, с которыми Съезд сегодня сверяет...» — ну, и так далее. От меня-то что требуется?! — спросил Игумнов.

— Напишешь объяснение. Жалоба взята на контроль. Установлен срок...

Игумнов почувствовал — как это с ним уже было — снова неожиданно дернулась нога, и в глазах что-то поплыло — серое, непрозрачное.

«Становлюсь психом...»

— Объяснения не будет!

— Не будет?!

— Почитай его собственноручное признание! Как он взял из багажника металлический прут, положил девчонке на горло и встал на него. Наблюдал, как издыхает... — Игумнов поднялся. Мутная пленка теперь уже плотно прикрыла нижнюю часть глаз. Голова начальника Особки была словно отрезана от туловища. — А то Съезд, видишь ли, всполошился: «Позовите мамочку! У убийцы в какалке косточка застряла!» И больше меня по этому делу не вызывай, Исчурков! Иначе я вручу тебе список незарегистрированных на вокзале краж! Там две сотни укрытых чемоданов!

— Игумнов! Знаешь, что тебе будет!

— А пошел ты...

Он пришел в себя в коридоре. Навстречу — сановный, значительный, глядя поверх голов, шел начальник Управления.

«Какого черта!.. — Игумнов настроен был решительно. — Делает вид, что ничего не знает! А пистолет может снова выстрелить!.. И даже сегодня!»

Они быстро сближались. Их отделяло несколько метров.

— Товарищ генерал!.. — за Скубилиным на носках бежал новый его помощник. — Звонил заместитель транспортного прокурора...

Скубинин на ходу повернул голову.

— ...прокуратура арестовала нашего сотрудника! Ну, который родственник... — он намекал на Авгурова. — Помните?

Скубинин знал все, что помощник намеревался сказать. Он даже успел обсудить это с заместителем министра, с Жернаковым.

— Саидова мы обменяем на твою дачу — Авгуров прижмет хвост, — оценил Жернаков новую ситуацию. — А то ведь никто их не трогает — ни наши, ни КГБ...

— ...По поводу вымогательства взятки у мясника, товарищ генерал! — Помощник все-таки докричал свое. — Вы в курсе?

— Ты б еще на колокольню забрался... — Скубилин остановился, досадливо повертел у виска пальцем. — Вот уж поистине: «Заставь дурака...»

7

В милиции на Белорусском Игумнов получил оперативно-поисковое дело по убийству милиционера Сизова, о котором говорил эксперт.

Том раскрылся в месте изгиба. Мелькнули фотографии — непрофессиональные, подрезанные рамкой. Типичные работы младшекурсников по криминалистике.

Вагон электрички. Дощатые жесткие сидения.

Труп в проходе. Раскинутые руки. Черный полушубок. Пустая расстегнутая кобура... Игумнов быстро листал дело.

Сизов был убит год назад во время ночного патрулирования в электропоезде.

Труп обнаружили пассажиры. Со сквозной колото-резаной раной сзади и входным пулевым отверстием в виске.

Преступники завладели пистолетом системы «Макарова» и двумя снаряженными 9-тимиллиметровыми боевыми патронами магазинами, оставив на месте происшествия пулю в металлической оболочке и гильзу со следами копоты и маркировкой.

Произошел скандал. Рядовой состав, сопровождавший ночные безлюдные электрички, взбунтовался. Сизов оказался один в полночном составе, когда дежурная часть была полна сотрудниками. В темноте тамбуров правили закон компании возвращавшихся с вечерних смен подпивших таксистов, охотники за пьяными. В каждом переходе между вагонами скрывалась угроза.

Чтобы успокоить, произведено было удвоение нарядов, на полгода к разъездным постам приковали внимание отдела наружной службы.

Преступлением занялась специальная группа. До самого раскрытия данные о ее работе держались в секрете. Потом был суд. Трижды судимого в прошлом — организатора убийства — ждала высшая мера...

Орудие убийства обнаружено не было.

Непрофессионализм фотографа усиливал ощущение тщеты и убогости милицейской жизни, обстоятельств, при которых мент принимает смерть.

Начальник розыска Белорусского отдела — прилизанный, маленький — тихо дал знать руководству и приезде Игумнова.

В кабинет как бы случайно зашел начальник.

— Миссия доброй воли?

— Кажется, мы выходим на пистолет, по вашему делу...

— А-а... «Вальтер».. — уточнять не стал. — Вот если бы раньше, к суду! А сейчас приговор уже вошел в законную силу.. — Он не вспомнил о «Ческо-збройовке». — Ну, давай.

Белоруссы заговорили между собой, Игумнов перелистнул страницу.

«Кошмарные фотографии...»

Сильным увеличением еле заметный волосяной покров превращен в грубую порослячью щетину. Входное отверстие. Освобожденная от кожи черепная коробка. На ней уже что-то написано.

«М-421...» И подпись.

— Как Игумнов уедет, зайди! — начальник отдела произнес чуть громче, чем следовало. — Ты нужен.

Игумнов и так знал, что ему не возволят задержаться. Справки, копии официальных бумаг.

«Обращение к пассажирам!.. Всех граждан, ехавших электропоездом... отправлением в 23 часа 08 минут, просят зайти в дежурную часть или позвонить...»

«Все темним! Просим помочь и молчим, что убит сотрудник! Кто же мы сами-то в конце концов?!»

Он все-таки обнаружил материалы судебно-баллистических экспертиз.

Документы исследований были подшиты в порядке, обратном хронологическому.

Первым шло заключение, последнее по времени:

«...Пуля стреляна из пистолета «Вальтер» модели «ПП» либо «ППК» 9-тимм калибра...»

За ним — составленный Главным научно-исследовательским центром управления и информации список не разысканных пистолетов «Вальтер». Первый объявлен

был в розыск еще в сорок седьмом — по факту убийства редактора районной газеты в Литве — и так до сих пор и не обнаружен.

Неразысканных «вальтеров» было больше дюжины — похищенные из музеев, на квартирных кражах, в сейфах начальства.

Список прикрывала страница из копии обвинительного заключения.

«...познакомившись друг с другом, решили совершить нападение с целью завладения оружием... Заметив в электропоезде дежурного милиционера и зная применяемый соучастником способ нападения на потерпевших, обвиняемый, незаметно приблизившись к Сизову, толкнул его в сторону второго участника нападения...»

Игумнову стало не по себе.

«Только познакомились и уже знают способ, применяемый соучастником... Это же явная липа!»

Игумнову показалось, что коллеги как-то особенно беспокойно посматривают в его сторону.

«Неужели и до этого тоже дойдем! Во имя стопроцентной раскрываемости! Чтобы министру было чем отчитаться!»

Игумнов пробежал глазами заключение, на которое ссылался баллист:

«Обнаруженные в вагоне гильза и пули составляли до выстрела единый патрон, стрелянный либо из 9,0 мм пистолета «Маузер» модели НИКЛ, либо из пистолета «Ческа збройовка» моделей 1927 или 1924 года...»

Преступники признавались в хранении «Вальтера».

«Не потому ли из дела исчезло упоминание о «Ческе збройовке»?

В Москву гнали с ветерком.

Машину вел Волок — сильно хвативший после охоты.

— Осторожнее... — Голицын сидел тоже изрядно податый.

— ...«Любим мы кабанье мясо в карбонате-е!...» — охота была лицензионная — на кабанов-секачей, учитывая время года. — Если сыграем в ящик, по крайней мере, не на кого обижаться!

На заднем сиденье спал один из охотников. Остаток ночи он провел с егерями, промерз. Выпив, сразу отключился. Лежал трупом.

На границе Москвы, у кольцевой автодороги, Голицын покосился назад.

— Повернем на бок... Не захлебнулся б рвотной массой!

— У меня чехлы в полиэтилене! Замоем.

— А куда потом с трупом?

— В Немчиновское болото!

— Да, тормози! — Голицын рванул за руку.

Остановились на обочине. Вышли, одновременно хлопнув обеими передними дверцами.

Охотник лежал на спине. Непокрытая, с тусклым алюминиевым отливом на висках голова закинута, застывший в гримасе рот открыт.

Волок перчаткой провел по губам — пьяный сделал глотательное движение.

— Живой!

Он поднял валявшуюся между сидениями шапку-ушанку, бросил на спящего. Шапка была редкая, из опоссума.

«Где их достают?»

Об этом стоило спросить у Субанеева. Виталька остался в охотохозяйстве, там все еще гремели выстрелы.

Голицын залюбовался собачьими унтами, притянутыми инкрустированными застежками поверх икр.

«Егерям можно сказать, что купил. Или подарили...»

Куртка была тоже добротная. Кто ее шил, придумал десятки остроумных усовершенствований: вделанный в полу спичечный коробок, короткие ножны в рукаве...

В кабину вернулись притихшие. Долго молчали, пока Волок крутил Проспектом, а затем и Садовым.

Охотник жил в хорошо знакомом доме на Арбате.

В Калошном, перед поворотом, с трудом протолкнулись сквозь табун персональных машин. Водители ожидали сильных мира сего и их близких с врачебного приема. В окнах поликлиники для элиты горели огни. Здесь же мясной высокий мужик проверял пропуска.

— Вылитый Субанеев! — заметил Волок.

— Все они: один к одному! Что тут, что на Старой площади!

Волоков свернул к номенклатурной аптеке. У входа тоже стояли машины с престижными номерами: «МОС», «ММБ», «ММК», «ММГ», «МОМ».

— Хлебное место...

У дома остановились.

— Алло! — Волок обернулся к заднему сиденью. — Друг! Приехали...

Спавший не проявил ни малейших признаков жизни.

Голицын просунул руку между сиденьями.

— Проснитесь...

Охотник не шевелился.

— Если оставить в подъезде — разденут... — задумчиво заметил Волок.

Голицын помолчал. Ему пришла та же мысль.

— А что скажем Смердову?

— Подвезли к дому, он попросил еще водки. Мы уехали. Вернулись — он в подъезде. Раздетый.

— Дальше!

— Занесли в квартиру!

— Не годится! Для Смердова надо дерзко и доказательно.

Волок мог предлагать различные варианты, но решал он, Голицын. Единолично. После того, как его слово было произнесено, Волок не нес ответственности за свое предложение.

Голицын взглянул на часы.

— Восемнадцать с минутами. Водку достанешь?

— Нет проблем. Только поспеть до закрытия!

Голицын снова дернул спавшего — тот не проснулся.

— Все! Я сажусь за руль. Ты лезешь назад. По дороге займешься делом... Мы привезем его раздетого к Смердову!

— Водки не будет! — объявили с крыльца.

Народ не расходился. Крепкие, в куртках, в заправленных в сапоги джинсах парни хорохорились, задирали прохожих.

Никола не знал Башиловку, появился тут впервые. Невзрачная личность с пустым воровским взглядом. Впалые щеки. Дешевое пальтецо.

Он стоял у угла. На него не обращали внимания.

Волоков, которого Никола ждал, все не возникал.

«Может, вообще не появится?»

Среди парней отличался молодой, в вязаной шапочке, с огромным животом — завсегдатай пивных баров.

«Б а к л а н»... — подумал Никола.

Сам Никола хулиганом никогда не был. Вольные кражи. Честный идейный вор из Истры, Московской области. Г р е м е л. Некоторые про Истру-то узнали через Николу Истринского. 144-я статья, часть II-я. Лагерные сроки за побеги. Один — за убийство. Ссучен. Всего больше двадцати лет отсидки. Теперь уже не в авторитетах...

«Кто не был, тот будет, кто был — тот не забудет!»

Парень с пивным бочонком вместо живота уже несколько раз поглядывал в его сторону.

«И уйти нельзя!» — опыт подсказывал Николе: конфликта не миновать.

Так и вышло.

Пивняк имел обыкновение задирать чужаков.

— Вот кто мне сегодня поставит бутылку... — Бочонок схватил Николу за пальто. — Правда, пахан?

— Откуда? У самого нет!

Никола по-прежнему стремился избежать конфронтации.

— А это уж твои проблемы... — пивняк все сильнее наваливался на него молодым здоровым пузом. — Верно, пахан? — мускулы так и ходили у него под курткой. — Поставишь или нет?..

Никола отступил дальше за угол.

— Подумай сам! Если б было!

— А прописка у этого магазина у тебя есть?! — он пузом оттеснил его дальше, в темноту. — Прописался? — пивняк здоровенными ручищами прихватил Николу за ворот, стянул на горле вместе оба лацкана. — Гад! Ветеран! Сейчас задавлю с ходу...

Вор все отступал, пивняк вынуждал его к действиям.

— Откуда у меня бутылка? — Никола увел взгляд: боялся выдать себя.

Они остались одни в пустыре за домом, пивняк не чувствовал опасности, все туже сжимал воротник на шее вора.

— Меня не колышит! Сейчас такое с тобой сделаю — придешь домой, старуха не узнает... Мужик ты или баба!

Никола уже несколько минут томился духом. Он дошел до черты, которую с самого начала себе наметил.

— Понял?!

— Кто ты такой по жизни?!

— Сейчас узнаешь...

Пивняк притянул Николу, чтоб двинуть о стену. Рука Николы скользнула в карман.

Пивняк напрягся. В тот же момент что-то горячее, липкое потекло у него под одеждой справа от живота по бедру.

На мгновение увидел он перед собой бесцветные пустоватые глаза, в которых ровно ничего не отразилось, и тут же сразу наступила слабость.

— О-о-о... Помогите! — прошептал он.

Николы рядом уже не было.

Унылым, с чахлым палисадником двором он вышел к домам. Незаметно обтер нож газеткой, сунул в снег. Отметил место. У черного пустого автомата никого не было. Он набрал «02».

— Человека порезали... — Никола назвал адрес. — На Башиловке. У магазина...

— Там вечно дерутся! — человеческая жизнь на другом конце провода не очень ценилась.

— Я думаю, селезенка задета... — предположил вор.

— Вы, случайно, не медик?

— Нет.

— Ладно! Приедем!

Он видел, как примчалась милиция, она находилась где-то близко. Подошла «скорая». Пивняка увезли.

— Давно напрашивался... — заметил кто-то.

Никола стоял спокойный:

«Не заявит!» — заявлять в милицию блатным считалось всегда — з а п а д л о.

— Вот постановление о приводе в прокуратуру. — Игумнов положил перед каталой бумагу. — Читай.

Муса — неохватный в плечах и в талии — расстегнул куртку, полы прикрыли огромные, как столбы, ляжки.

— Я верю, начальник...

— А почему не являешься по повесткам?

— Не получал!

— Их отправляли почтой!

— Где фабрика? На квартиру? А я там не бываю.

— Посылали на Главпочтамт! До востребования!

— Клянусь, начальник!

Игумнов уже навел справки об «Аленьком цветочке» через нужного человека.

Волокова и его приятеля Виталия в зеленоватых «Жигулях» источник не знал. Зато отлично представлял Мусу и Эдика, бывших катал — теперь телохранителей босса — Сергея Джабарова. Джабаров сам в последнее время отсутствовал и, похоже, его истинное местонахождение не было известно никому, даже телохранителям. Люська Джабарова в действительности никогда не являлась ни женой босса, ни любовницей. Брак их был обычной комбинацией по продаже квартиры.

«У Люськи есть любовник по имени Слава, — утверждал источник, — старший офицер милиции. Знакомы они давно. Он в курсе всех дел...»

Все это нуждалось в проверке.

Другая информация представляла интерес разве только для Управления БХСС — обман покупателя, обмер, обвес, завышение цен... Кроме одного. Источник, не придавая, впрочем, никакого значения сказанному, вспомнил:

— Джабаров просил достать для него строительный вагончик...

Это и было существенным.

«Мода, что ли, на вагончики? Волоков. Теперь Джабаров... Волоков и Джабаров вполне могли оказаться знакомы между собой — друг Волокова — Виталий приглашал девиц именно в «Аленький цветочек»!

Игумнов прокручивал и так, и эдак.

«Может, Волок и Джабаров ищут вагончик с общей целью?»

Телохранитель Джабарова мог сильно облегчить его, Игумнова, жизнь.

— На Главпочтамте повесток нет! — Мусу следовало на чем-то прижать. Хотя бы на неявке к следователю. — Значит, ты их получил? А почему не явился?

— Честное слово!..

— Чем же ты так занят, Муса? — он зашел с другой стороны. — Ну, что ты делал, например, сегодня? Во сколько ты встал?

— Поздно... — Муса убрал полы куртки с жирных колен.

— В одиннадцать?

— В час... — крутые эти парни при каких-то обстоятельствах и — всегда только наедине — превращались иногда в доверчивых больших детей.

— Ночевал дома?

— В гостинице.

— Потом?

— Съездили на Центральный рынок. Покушали... — эти всегда только «кушали» — не «ели».

— Потом?

— Поехал на Центральный телеграф.

— А дальше?

— Что дальше? Там — вы!..

Игумнов мог считать себя удовлетворенным.

Муса не обмолвился о том, что его задерживали в «Аленьком цветочке» и он бежал из машины милиции у Центрального телеграфа.

Путал следы. За этим что-то стояло...

Волоков появился перед самым закрытием. Никола сразу узнал его.

«Он! Симпатичный. Светлый...»

Волок поздоровался с ментами на крыльце, нырнул в подсобку.

Вернулся он через несколько минут — затаренный. На лице играла улыбка.

«Улыбчивый...» — вора об этом тоже предупредили.

К Волоку подошло несколько парней. Переговорили. Волок откинул им пару бутылок, двинулся обратным путем через двор.

Никола пошел следом. На аллее, впереди, он увидел «Москвич». В нем кто-то сидел. Никола дал Волоку устроиться за рулем, шагнул к кабине:

— Командир!

Волок глянул в его сторону.

— Строительный вагон тебе еще нужен? — коротко спросил Никола.

Волок был озадачен.

— А ты откуда знаешь?

— Сказали... Действительно нужен? Или отпала необходимость?

— А сможешь?

— Как заплатишь!

По другую сторону здания неожиданно показалась патрульная машина. Из нее наблюдали за аллеей. Волок оглянулся, включил зажигание.

— Давай завтра в это время... — объяснение у магазина не входило в их планы.

— Молчу!

«Москвич» отъехал.

Второго человека — рядом с Волоком — Никола не рассмотрел, зато заметил третьего. Он лежал на заднем сиденье, без обуви, в носках, укрытый курткой.

— Эй! — услышал Никола.

Два мента из патрульной машины бежали к нему, перепрыгивая через невысокие ограды палисадников.

— Стой!...

Авгурову позвонили перед рассветом.

— Ваш телефон... — звонивший уточнил номер.

— Да. Кто это?

— Вы меня не знаете. Вам просят передать... — он повторил короткий текст: номер телефона плюс сумма в рублях — всего одиннадцать цифр.

— Что это? — спросил Авгуров.

Звонивший объяснил.

— Я списал со стены в боксе... — он приглушал голос и чуть басил, изменяя тембр. — В следственном изоляторе. Авгуров сразу поверил.

— В Матросской тишине?

— В Бутырке.

— Женщина? — Авгуров подумал о жене.

— Мужчина.

— Молодой человек... — он начал понимать. У него отлегло от сердца. — Вы смотрели его личное дело? Что там?

— Покушение на взятку... Злоупотребление должностным положением.

Он вспомнил: Саид что-то говорил о порнокассете, изъятой у продавца мясного магазина, точнее, выданной им добровольно.

«Вот, значит, чем все обернулось... — он мгновенно просек ситуацию. — Саид в качестве заложника! Чтоб мы не очень возникали по поводу скубилинской дачи!»

Звонивший прокашлялся.

— Я о вас не забуду, — Авгуров вернулся к разговору. — Фамилию не называйте, но позвоните мне на работу, — он продиктовал телефон. — Мы встретимся. Вы меня поняли?

— Дело не в этом, — был ответ. — Я тоже старший лейтенант.

— Солидарность?

— Обида! Нам компостировали мозги! «Вы — наши новые центурионы!» «Спасители отечества»... И министр Щелоков тоже! А сам проворовался! Вместе с Чурбановым... Вы из вашей системы?

— Из вашей.

— А название?

— Полковник.

— Обидно, товарищ полковник. Оказались никому не нужны. Народ презирает. Жулики — тем более. Начальству — плевать... Кто же мы наконец? Что нам остается?

— Самое порядочное сейчас — ментам держаться друг друга!

— Потому и звоню.

Авгуров больше не мог спать. Побрился. Включил радио.

— ...«Исторические решения Съезда претворять в жизнь...»

Заметил:

«Столько готовились к их встрече, а уже обеспечивать отъезд...»

Саид не выходил из головы.

«С какой радостью они упрятали бы, вместо него Ильина или меня... А еще лучше — обоих!»

Вместо них взяли Саида.

«Кто он? Что знает? Что может рассказать?»

Сирота, которого Авгуров пригнул по просьбе многочисленной аульской родни. Сын скромной сельской учительницы, чье имя получило известность именно благодаря ее скромности...

Авгуров вдруг остановился потрясенный:

«Это же Ег о Первая учительница!»

Нынешнего Первого в Республике, члена Политбюро и Президиумов обоих Верховных Советов!..

Чей бронированный вагон с системой телефонных и электрокоммуникаций, канцелярией, кухней, охраной — на участке Картузова!

Он прошел на кухню, достал кофемолку, пакет с кофейными зернами.

«Нет, Скубилин! Так тебе это не сойдет! На этот раз ты вляпался основательно...»

Еще он понял:

«Не спешить! Чем Саид дольше в тюрьме, тем дороже цена, которую они будут за него платить!»

Он сварил кофе.

Перед первой сигаретой, пораньше, до Скубилина, как обычно, снял трубку — позвонить дежурному.

Аппарат молчал. Авгуров быстро-быстро несколько раз утопил рычаг.

В трубке что-то щелкнуло, послышался приглушенный голос.

— «Ваш телефон?..» — и его, авгуровский номер.

— «Да. Кто это?»

— «Вы меня не знаете...»

Назад, абоненту, шла только что сделанная запись.

Авгуров достал сигарету, неспеша закурил. Он и не подозревал, что схвачен так плотно. Было жаль, что факт прослушивания личного телефона нельзя было никак зафиксировать.

«Хорошо, если бы об этом узнали в Отделе Административных органов ЦК! Тут бы тебе и крышка, генерал Скубилин!»

Полковник Козлов поставил подпись в графе «ознакомлен». Вернулся в машину. Знакомый техник предупредил его о накладке со связью.

Такие казусы происходили довольно часто — особенно с уличными таксофонами: абонент набирает номер, а трубка выдает ему информацию о разговорах предыдущих абонентов.

«Говенная техника...»

Козлов возвратился к себе — в «помещение № 1» — заперся в кабинете.

— Меня ни для кого нет. Кроме руководства... — к новой своей разработке он никого не допускал.

Подчиненные, недолюбливавшие его и втайне завидовавшие, недобро шутили:

— Рыжий опять ищет приключений на свою задницу!

Они не простили ему ни восхождения — «за генеральскую ручку», ни легкой его биографии холуя.

Не был забыт и воронежский его позор с угонщиком самолета, которого выпустили из рук — тепленького, вооруженного новейшим автоматом.

Козлова это нимало не смущало. В нем теперь жил новый интерес:

«Авгуров, Ильин и К°...»

Линия эта уходила вверх, неизвестно куда и как далеко.

Он включил настольную лампу. Сварил кофе. Закурил. Мимоходом глянул на свое отражение в маленьком зеркальце на стене, сбоку от Дзержинского.

Зеленоватые маленькие зрачки внимательно наблюдали за ним со дна необычно глубоких, скошенных у краям глазниц.

«Ну, держитесь теперь, парни...»

Он не испытывал личного зла против удачливой компании.

«Наши интересы пересеклись. И только!»

Кое-какие материалы на эту группу у Козлова имелись и раньше. В свое время он заказал установки по дому на всех милицейских начальников. Мусора вывалили много: и пьянки, и бабы.

«На Авгурова, правда, ничего... Но ведь я читал под другим углом зрения!»

Он нашел документ.

«... Бывший юрисконсульт издательства «Альтаир»...» — И не слышал такого!

Козлов рискнул обозреть биографию фигуранта в целом.

Студент юрфака, с периферии, зацепившийся в Москве.

Стремительно поднимался по служебной и научной лестнице после второй женитьбы.

Любовниц практически не имел. Однажды лишь мелькнула фамилия популярной московской поэтессы, известной неразборчивостью в интимных связях, — члена Международной ассоциации борцов за мир в странах Азии и Африки. Поэтесса, кстати, и познакомила Авгурова с нынешней его женой, также активисткой антивоенных и антифашистских выступлений.

О последней в установке было сказано кратко — «морально устойчива, идеологически выдержана».

«Естественно...»

Тут же обнаружился и первый зацеп: Авгурова не была прописана на жилплощади мужа.

Козлов оторвался от бумаг, получил адресную справку.

— Болотная площадь, дом два...

«Дом на набережной! В самом сердце партийной и правительственной элиты...»

— Она там и проживала?

— Да. Просто — изменилась фамилия...

— А прежняя?

Женщина из ЦАБ позволила себе вольность — не знала, с кем говорит.

— За стул держитесь! — Фамилия принадлежала одному из первых лиц доперестроечной эпохи!

Все сразу встало на место.

Женившись, Авгуров оставил работу в издательстве, стал преподавателем права. Не оставляя преподавательской деятельности, перешел в МГК. Одновременно в Академии общественных наук, одну за другой, легко защитил обе диссертации.

Переход в транспортную милицию был наглой демонстрацией вседозволенности. Трамплин к генеральской должности, перевод стажа партийной работы в выслугу лет по линии МВД.

Козлов вернулся к документу.

Как о человеке об Авгурове было сказано немного.

Сотрудник, собиравший сведения, использовал весь знакомый набор профессиональных штампов, бытующий у всех установщиков:

«В пороках и излишествах не замечен, спиртным не злоупотребляет... Семья обеспечена по средствам... поддерживают нормальное добрососедские отношения с окружающими...»

Заслуживающей оперативного интереса оказалась лишь одна фраза — и Козлов за нее сразу ухватился:

«Имеет дружественные связи с лицами, организующими лицензионную охоту на кабанов и лосей в спецзаповедниках...»

8

Жесткокрылый носорог из спичечного коробка в темноте, на полу у кровати, протарахтел слабо. Игумнов снял трубку. Всего несколько человек знали, что эту ночь он — дома.

— Милиция 33-го беспокоит...

Чужая служба.

Незнакомый голос. Ни малейшего намека на сон.

— С вами будут говорить...

В трубке послышалось дыхание:

— Это Ефим... Анчиполовский!

Никола пользовался данными мужика, на жилплощади которого были прописаны в Москве картежники — и Эдик, и Муса. Адрес его и данные Николе подкинул сам Игумнов, когда через катал разыскивал таксиста-убийцу, охотника на одиноких женщин.

— Слышно меня?

— Да...

Настоящему Анчиполовскому, в сущности, это было до лампочки. Он сидел под замком у себя в дурдоме и до конца жизни на все случаи у него имелось железное алиби.

— Я чего звоню! Утром подадут вагоны... — Никола привычно раскидывал черноту.

Никола исчез с вечера, от магазина, не доложил о результатах. Качан, который должен был обеспечить наблюдение, вернулся на вокзал поздно, объяснил: он и Никола потеряли друг друга.

«Ну, с этим-то ясно!.. Верка ночует у матери!»

— ...А ключи дома! Теперь штрафы... Ваш друг — мэр города опять же!.. А выпил-то самую малость!

Игумнов у него ходил будто бы в крутых торговых мафиози, хозяином базы или склада, имевшем лапу в Главном управлении торговли. А он, Анчиполовский, с п о н т а, был битым выдавшим виды бригадиром, поставленным уголовниками.

— Я бы не потревожил... — Никола продолжал нести свою херню. — Но к чему вам неприятности?! А я бы сейчас съездил, привез ключи...

Игумнов покривился в улыбке.

«Нужно воистину буйную фантазию, чтобы в Николе заподозрить бригадира грузчиков!»

На кладя трубку, Игумнов поднялся к окну, откинул штору.

Все так же близко, на лоджии, обмирали голуби. Рядом с аркой, у дома Ельцина, внизу крутились разведчики. Скособоченный транспарант с приветствием Съезду успел прогнуться.

«Не доживет до закрытия...»

— ...Смена тут, в 33-м, хорошая! — голос у Николы был трезвый.

«Смена прекрасная! Потому-то ты и темнишь...»

— А во второй пакгауз разгружать нельзя...

Игумнов внимательно процеживал весь бред: рано или поздно Никола должен был дать набой...

— ...Посмотрите на кинутого... — Никола тут же принялся быстро забалтывать. — Фактически ни у дел. А когда переманивали в бригады с холодильника, мне чего обещали?!

Но Игумнов уже понял:

«К и н у т ы й!» — «Брошенный», «ограбленный»!

— Сами подъедьте! — Никола закруглял. Он был уверен, что понят. — А за мной дело не станет! Только лучше прямо сейчас, пока ихнее начальство не привалило!

«Кого-то к и н у л и. Ограбили, подели... Каким-то образом это касается Волокова. Полученного Николой задания...»

Игумнов взглянул на часы.

— Скажи дежурному: «Все будет путем!» — он выждал паузу. — А с бригадиров я тебя снимаю, Анчиловский! Не обижайся!

— Начальник!..

Не отпуская трубку, Игумнов нажал на рычаг. Отпустил. На линии все шли короткие отрывистые гудки.

«Любопытно...»

Игумнов повторил попытку позвонить — и снова безрезультатно.

«Антиполовского проверяют основательно, хотя и не по чину...» — на другом конце провода уточняли номер, по которому он звонил.

«Валяйте, валяйте, парни! Я подожду!»

— Неужели Картузову тоже все ночи звонят?! — спросила жена.

Она лежала в неудобной позе. Лицом в подушку. Подогнув полные, в пижамных штанишках ноги.

— Не думаю.

— Я тоже. Такое впечатление, что я сплю при штабе Министерства внутренних дел.

Он уклонился от дискуссии. Спросил:

— Как там твои подопечные?

В Ассоциации, где она работала, шла очередная склока. Группа талантливых молодых писателей подала заявления о приеме. Им отказали.

— Не знаю, кому они помешали, — он задал большую тему. — Способные юноши!..

— Вот-вот!

Ему казалось, он знает.

Писатели относились к своему Союзу, как воры в законе к воровской кассе. К общаку. Это была их кормушка.

«Чем меньше воров, тем больше твой воровской кусок...»

— В молодежном журнале ужасная статья о вас — ментах, — сказала она, не открывая глаз. — Мафия, круговая порука. Ужасно читать!

— Не бери в голову!

— Ужасно читать!

— Лучше бы писатели рассказали о том, что им больше известно... — он быстро одевался. — О рецензиях на дерьмовые сборники начальства. О переизданиях, которые никто не купит. Милицией пусть занимаются чистые перья...

«Сначала славил... За тиражи, за командировки. Теперь бросились ругать...»

Юлиан Семенов — писатель, удивительно следящий за равновесием черного и белого в своих книгах, и тот спасовал — герой спешил у него в повести с сердечной печалью:

«Решили что-нибудь насчет зарплаты партийным рабоникам? С введением хозрасчета все уже при башлях! Как вы-то?»

— У меня — неприятность... — вдруг как-то быстро сказала жена. Она так и не открыла глаза. — Меня направляют на обследование...

— А повод?

— Каков-то новообразование. Только больше не спрашивай!..

— Я еду с тобой!

— Нет... — она назвала свекровь по первому браку. — Ее там знают...

— Ты хорошо выглядишь.

— Я не волнуюсь. Только быстро поправляюсь — юбка не сходится.

— Где она тебя собирается показывать?

— На Каширке.

— В Онкоцентре?!

— Все! Больше ничего не говори! Я сплю... Вот попала девушка! Господи! Как мне этого не хочется!

«Только этого не хватало...»

Через длинный коридор Игумнов прошел в холл, снял трубку. Телефонная линия освободилась.

Он набрал номер Цуканова.

— Крепко спишь... Через минут двадцать выходи на Проспект. К «Диете».

— Что-нибудь случилось?

— Поедем в 33-е. Там сейчас Никола. Возьми пару бутылок. Найдешь?

— Поищем... — Цуканов расстроился. — Чувствую: дело это — с пулей — нам боком выйдет! До пенсии не доработать!

— Ну, чего твой хозяин? — дежурный майор представлял классический тип милицейского взяточника — улыбчивый, с ямочками на толстых щеках.

— Сказал — приедет... — Никола прокашлялся. В его представлении работы всю дорогу натуженно до х а л и .

— Ну и отлично!

Вспыхнувший на пульте светлячок отвлек дежурного. Помощник — чернявый молодой лейтенант — схватил трубку.

— Сейчас... — он прикрыл микрофон ладонью, обернулся к дежурному. — Зам по розыску Смердов!

Дежурный скроил Николе дурашливую гримасу. Теперь они выступали как бы в одной упряжке, за спиной у руководства.

— Слушаю, товарищ подполковник!

Никола снова зыркнул на диван. Под шинелью спал уже знакомый ему к и н у т ы й. В трусах и носках.

Никола видел его вчера в машине Волокова. Спящий с шумом всасывал воздух.

«Поддатый. И сильно...»

Разговор по телефону шел об этом раздетом.

— Да... Вас понял...— дежурный был сама понятливость и желание услужить.— Да. Привезут костюм и пальто... Понял!

Николё не надо было объяснять.

«Оставили в трусах...»

— Вот именно... — главный взяточник подтвердил. — Одни ключи от дома!

Зам по розыску на этом не успокоился.

— Да. Да. Понял...— дежурный посмотрел на Николу. Вор убрал глаза. Речь шла о нём.— Как учили...

Никола поднял голову. Из окна виднелся жилой двор, «Жигули». Ментовский ночной пейзаж.

— ...Как велели. Сейчас доложу. Есть...— майор отставил трубку, обернулся к помощнику.— Давай его на место,— он снова скроил Николё ту же дурашливую гримасу.

Пожилой милиционер повел Николу назад, в камеру.

— Начальство тоже, выходит, наливается до звериного писка...— Никола показал вверх, где на диване валялся кинутый.— Одни ключи от дома! На снегу, что ли, спал? Ни брюк, ни пальто...

— Начальство, оно еще больше нас пьет,— прокашлял старослужащий.— Только нам не велит. В подъезде устроился...— они уже стояли у камеры.— На opravку пойдешь?

Привычный — с глазком, без запора изнутри туалет. С полчаса назад Никола объяснился в нём с помощником дежурного — красивым чернявым лейтенантом. Сунул ему зазначенную под каблук сотню.

«Много! Но ведь не спрашивать сдачу...»

Из туалета чернявый и привел к телефону...

— Оправился? Давай сюда!

Сокамерники — их было двое — не спали.

— Чего долго? — спросил тот, что мерял шагами камеру.

— Давление...

— Косишь что ли?

От этих укрыться было тяжелее, чем от дежурного.

— Врач приезжал? И чего?

Он лег, закрыл глаза.

Пока Никола отсутствовал, сокамерники нашли вроде общих знакомых:

— С ним я бегал... Хороший кент.

— Ты как идешь?— спросил второй — худой, с вытянутым черепом и грубыми, выдававшимися вперед надбровьями.

— Не в сознанке.

— А я — в розыске. Найдут — и мне вилы.

— Москвич?

— Ярославский. Залетный.

— Хаты нет?

Они продолжали шептаться.

Ярославский залетный, как это привык делать и Никола, вытянулся на аккуратно — строчка к строчке — уложенных вдоль нар брюках. Он и головы не повернул, когда привели Николу.

Манера была знакома.

Второй, как маятник, снова ходил от окна к двери.

— Меня до суда не выпустят... — разговор уже заканчивался. — А после суда тем более. Так что — не могу помочь...

Никола сел, откинул голову к стене. Глазок на двери был прикрыт. Но это ничего не значило.

«В камере — все равно, как в аквариуме. Со всех сторон видать...»

— Слышь, земляк... — шепнул залетный.

Никола незаметно покосился. Знакомые черточки воровской манеры прошлых годов, точный отпечаток зоны. Как взглянул, как провел по губам кончиком острого языка, как промакнул аккуратно сложенным платком лоб. Никола словно видел себя лет пятнадцать назад.

Из туалета за стеной донесся грохот спускаемой воды — и тишина! Мусор спустил воду — спонтанно сидел на очке — сам же, должно быть, прижался к двери.

Камера молчала.

— Земляк... — Залетный шептал еле слышно. — Меня сейчас нагонят... Дежурный сказал.

— Ну!..

— А утром придет телеграмма из Ярославля. Они там уже сейчас всю бегают. Помоги...

У дома Ельцина, внизу, Игумнов снова увидел разведчиков: парень с девахой косили под влюбленных, мужик в коже ловил машину.

«Что толку, — подумал Игумнов, — если одни здесь всю ночь без сна, а другие за бутылку коньяка готовы отпустить кого угодно!»

— Далеко? — спросил водитель-милиционер.

— В 33-е.

— В жизни не был... — он положил глаз на светлобежевый кирпич, замкнутой в каре цековской постройки. — Вам не страшно, — он тронул с места.

Игумнов пытался моделировать последние события.

«Бойцы из 33-го своей проверкой ничего не взяли...»

Телефон был зарегистрирован на отца жены, бывшего члена ЦК и правительства. Тот умер задолго до того, как Игумнов появился в его апартаментах.

Здание принадлежало Управделами ЦК и значилось на оперативном обслуживании КГБ.

«Сюда им не дадут сунуться. Просто не подпустят!»

Удивительным было другое. Обращение бригадира-уголовника за помощью вызвало неадекватную реакцию:

«Уж не собирается 33-е всерьез объявить войну московской торговой мафии?»

Проспект выглядел пустым. Было еще рано.

— Вон и Цуканов маячит... — заметил шофер. Рядом с закрытым магазином «Диета» виднелась фигурка с отвисшим, как бочонок, брюшком.

— Рано встаете! — Цуканов плюхнулся на заднее сиденье. В руке он держал черный кейс-«дипломат».

Водитель погнал дальше.

— А чего Качан? — спросил Цуканов. Проще было захватить Качана — он ночевал в поезде.

— Решил ехать с тобой...

«Не оказалось в вагоне!» — Цуканов моментально просек.

— Жена у него в ночной, — Борькин роман не был ни для кого секретом. — Ясно! — он положил глаз на машины сзади — юркий «жигуль» и «Волга» — двадцатьчетверка.

— Эти машины... — спросил. — Давно за вами идут?

— Да нет, — водители давно уже заметили цукановский прикол: считал, что его пасут. — Только появились. Я слежу, чтоб не сели на хвост...

В 33-м их ждали.

Майор-взяточник показал симпатичные ямочки на щеках. Игумнов его таким себе и представлял: пухлявый рот, оттопыренный передними резцами, как у кролика.

В углу на диване под шинелью спал человек.

«К и н у т ы й»... — подумал Игумнов.

У пульта возился помощник дежурного.

— Насчет Анчиполовского? — уточнил майор.

— Ну да... — Цуканов подался вперед. Перспектива одурачить другого жулика разбудила в нем охотничий азарт. — Денек сегодня пасмурный... Точно?

— Я, пожалуй, пойду. Займусь протоколами — помощник освободил авансцену.

— Давай, сынок, — мягко напутствовал дежурный.

Едва он ушел, майор взял быка за рога.

— Звонил замнач отделения... — он кивнул на висевший у двери «График приема граждан». «СМЕРДОВ ВЯЧЕСЛАВ АНАТОЛЬЕВИЧ». Первая и третья среда с 18 до 20 часов.

— Интересовался Анчиполовским... Поэтому — увы! — не получается! К тому же у самого неприятность.

— Болеешь, что ли? — спросил Цуканов.

— Свояк попал! Запросто могут лишить прав... А что я по телефону? И еще Смердова несет!

Он достал суточную книжку наряда.

— Извините, ребята! Зря пришлсь ехать...

— Выйду покурю... — Цуканов поднялся.

Игумнов остался вдвоем с дежурным.

— Куда свояк-то попал? — грубовато спросил начальник розыска.

— Ты чего? Работал у нас? Дежурный уловил знакомую интонацию.

Игумнов не ответил.

— У кого сейчас права?

— Седьмой дивизион ГАИ.

«Бакланов!»

— Баш на баш пойдет?

— В ножки еще тебе поклонюсь.

Игумнов пригляделся к телефонным трубкам на пульте: «Одна, наверняка, соединена с диктофоном...»

— Которая тут не пишет?

Майор показал движением головы.

«Только бы Бакланов оказался на месте!»

На другом конце провода ответили не сразу. Наконец гаишник снял трубку.

— Привет, начальник! — приветствовал Игумнов. — Можешь вызвать «МО-14562»? Пусть срочно позвонит в 33-е...

— Бакланова, что ли? Кто спрашивает?

— Земляк...

— А чего вызывать? Здесь он. Сейчас подойдет.

Игумнов закрыл ладонью трубку. Спросил:

— Как фамилия свояка?

Дежурный назвал.

— Бакланов, слушаю... — «МО-14562» взял трубку.

— Привет...

— Привет. Ты чего там, в 33-м?

— Потом объясню. Ты можешь..? — Игумнов изложил суть дела, назвал фамилию.

— погоди! Сейчас, — минуты три он отсутствовал. Потом его голос появился снова. — Инспектор, который им занимается, едет с женой в отпуск. Как с их билетами?

— Нет вопросов. Купе. Жене — нижняя полка.

Майор посмотрел на Игумнова, как на фокусника:

— Факир...

Игумнов и впрямь почувствовал себя фокусником. Но тут же его кольнуло:

«Жена. Обследование в Онкоцентре...» — он снова постарался об этом не думать.

Никола был тут же обменен на водительские права и железнодорожные билеты.

— Сейчас его возьмут из камеры...

— Всё? — Игумнов поднялся.

— А может, коньячку? — майор на радостях перестал темнить. — Отличный! Из «Аленького цветочка»! Бармен прислал...

«Тут тесные связи... — подумал Игумнов. — Ну да! Они же их обслуживают... Муса бежал из их машины!»

— В другой раз... А как с замом? Что ему скажешь?

— Мои проблемы.

— Чего ты хотел? — тихо спросил Никола у Залетного.

— Сутки у тебя перекантоваться. Мне должны привезти ксивы. Сутки. И вот так гуляем...

Снова прогрохотал унитаз за стеной. Мент явно создавал видимость того, что их не подслушивают.

Залетный говорил тихо. Одними губами, но четко:

— ...Все будет! Только сутки! Вино, девки! В натуре! Все — наше!

— Не могу, — без согласия Игумнова этого нельзя было делать.

— Ты же — человек... — в камере никому и в голову не пришло всерьез принять его за работягу. — Если я залечу — не пожалеешь, что не помог своему брату-вору?..

Что-то мешало Николе верить ему.

В дверь стукнули.

— Оправка...

— Наверное, уже метро открылось, — второй сокамерник погрустнел. — Тебе куда? — спросил у Николы.

— Метро «Тульская».

Загремел запор:

— Анчиполовский! С вещами!

— Телефон скажи? Я тебе позвоню. В натуре! — с

его уходом Залетный вроде лишился последней надежды найти пристанище. В руках сразу появилась пачка «Астры», грифель.

Никола вдруг заметил:

«Пачка с сигаретами не разодрана!»

Его, Николы, собственную пачку мент всю ошмонал — нет ли недозволенных вложений.

«Вон что!»

Второй сокамерник тоже заметил, издал предупреждающий напарника легкий шлепок губами. Они работали на пару.

Залетный продолжал шептать:

— Может, телефон твоего кента...

Никола прозрел мгновенно.

— Кент у нас общий! Вы его знаете... — со стороны Николы это было наглостью.

Но ведь он едва снова не купился на воровскую идею!

— Кто? Телефон есть?

— Смердов... Зам. нач. по розыску. Передавайте привет, когда увидите!

Николу подняли наверх.

Было уже утро. Уборщица подметала в кабинетах, носилась с урнами для бумаг.

— Побудь здесь, — сказал конвоир.

Стульев в коридоре не было. Никола устроился поллагерному. На корточках.

С пола он видел, как пронесли в дежурку завернутый в простыню продолговатый сверток.

«Одежда... Для того мужика».

Старшина, выводивший Николу из камеры, позвал к встроенному шкафу:

— Твое? — показал на полку.

В отделении был ремонт — вещи доставленных лежали кучками одна подле другой.

Особняком лежали два хитроумных ключа, соединенные кольцом.

«Его! Раздетого!»

9

Ночь в «Аленьком цветочке» прошла спокойно. Смердов успел покемарить. Люську тревожили всего два раза.

Милиционеры-«афганцы», сидевшие на договоре, легко и быстро погасили оба скандала.

Под утро подали жирный «хаш», желающим заварили кофе.

Вернувшись в отделение, Смердов первым делом взял материалы Анчиполовского.

Накануне зам по розыску находился в патрульной машине, он видел, как Никола ущучил Волока, которого, несомненно, ждал в течение вечера у магазина.

— Проверили?

Майор-дежурный держался уверенно:

— Проверили. По МУРу, по подпискам. Все в порядке.

— Давай его сюда.

— Не могу, товарищ подполковник. Пришлось отпустить.

Смердова подбросило на стуле.

— Отпустить?!

— Звонили из ЦК КПСС, — был ответ. — Вас не было. Велели немедленно освободить.

— Ты телефон записал? Кто звонил?

— Товарищ подполковник! — майор обиделся — нарушил субординацию. — Как вы себе это представляете? Спросить фамилию? «Извините, мол! Надо вас записать...» Я еще не чокнулся! Хочу до пенсии дослужить!

— Почему ж ты поверил, что из ЦК? А не из Центральной котельной?

— Очень просто... — дежурный объяснил резонно. — Перед этим я устроил Анчиполовскому разговор с хозяином. Как вы велели... Вот номер. Вот рапорт... — он достал бумагу.

Телефон проходит по первому списку. «Данные на абонента через Центр...»

— Ну!

— А дальше и ежу понятно: хозяин подключил связи... Они и вмешались!

— Номер дома есть?

— Здание принадлежит Управлению делами ЦК КПСС. Судя по номеру, Миусская площадь. Дом ЦК и звонок оттуда. Все совпадает!

— Анчиполовский-то живет не в доме ЦК... — Смердов понял, что проверкой придется заниматься самому или поручить Волоку с Голицыным.

— Он прописан у метро «Тульская».

— Точно?

— Все в порядке.

— А что те? — Смердов интересовался соими помощниками.

— Пока тут... По-моему, ничего существенного. Будете разговаривать?

— Обязательно.

Смердов указал на спящего:

— Как он?

— С ним все в порядке, — дежурный был начеку, не позволял себе ни малейшей несобранности, со Смердовым это было опасно. — Одежду привезли, какая нашлась... Сейчас дам команду отправлять...

— Там ключи, — напомнил подполковник. — Наверное, выпали, когда раздевали. Пусть принесут.

— Есть... Ключи сюда! — крикнул дежурный.

— К порезанному у магазина выезжали? — Смердов приготовился подписать протоколы на административно-доставленных.

Все было готово. Дежурный выложил бумаги.

— Так точно.

— Чего он?

— «Упал, напоролся на гвоздь». В общем, претензий нет.

— А вообще?

— Задета селезенка! Попал на долго!

— Товарищ майор... — из-за двери его поманил помощник. — На минуту!

— Сейчас... Извините!

Он вышел за дверь. Помощник манил его дальше, к шкафу с вещами.

— Ключей нет, товарищ майор!

Дежурный не сразу врубился:

— Где же они? — он увидел пустой промежуток на полке. — Может, в сейфе?

— Все время здесь лежали...

— Вот это номер! — Справа и слева виднелись пакеты с вещами других доставленных.

— Не могу понять!

Дежурный был человек решительный.

— Быстро! Тащи любые ключи.

— Шум поднимется!

— Они и знать не будут. Бегом! Пустой конверт!

Через минуту он уже входил в дежурку. Смердов как раз закончил с протоколами.

— Ну и пьют... — майор положил на стол конверт.

Металл в нем негромко звякнул. — Мы в их годы были умереннее...

— Вызывай такси, — оборвал подполковник, вставая и пряча авторучку.

— Есть... Ключи пока не потребуются? — у майора не дргнул ни один мускул. — Можно взять?

— Оставь. Я сам вручу.

Отправив Николу, Игумнов с Цукановым снова сели в машину.

— Прямо, — Игумнов показал в направлении 33-го. — В конце аллеи прижмись к тротуару.

На этот раз Игумнов остановил поодаль.

Тут же сразу показалось и такси. Водитель нетерпеливо и коротко нажал на клаксон.

Двор был пуст. У трехподъездного дома молодая женщина — дворник ящиком волокла мусор к свалке, там опрокидывала.

Под окнами 33-го среди прочего милицейского транспорта стоял новый «жигуль».

«Смердов подхезал... Вячеслав Анатольевич...»

Игумнову не надо было объяснять, для кого вызвано такси.

— Сдай назад. И будь наготове.

— Такси сопровождать? — спросил водитель.

— Думаю, да.

Ждать пришлось недолго.

Из отделения показался сначала молодой мужчина — в куртке, без головного убора, с вытянутой головой, короткими волосами. Он быстро огляделся.

— Цуканов! — зам его дремал. — Знаешь, кто это?

— Сто лет бы не видел...

— По описанию, это — ярославский залетный...

Мужчина поднял воротник, быстро прошел двором, ближе к домам.

Таксист снова нажал на клаксон. И, оказалось, зря. Из отделения уже вышло несколько человек.

Игумнов напряг зрение.

Центром группы следовало считать худощавого благообразного человека, одетого весьма непрезентабельно: короткие брюки, куртка, черная безобразная шляпа.

Отбывавшего это не смущало, он легко сбежал с крыльца к машине.

— Тот мужик, которого раздели!..

Его провожал невысокий мужик в коже, — лица видно не было.

«Смердов...»

Рядом виднелся знакомый уже дежурный.

— Поедем за такси. Осторожно... — предупредил Игумнов.

Что-то было в том, с каким пиететом 33-е отнеслось к жертве уличного ограбления.

«Но раскованность самой жертвы!»

Такси рвануло через пустой двор. Игумнов пережил несколько тревожных секунд.

Наконец Смердов и дежурный скрылись в дверях.

— Пошли! Номер не забыл?

— «53—13»... Вон он!

Таксист жал вовсю. Милиционер-водитель был весь внимание, но класс его был заметно ниже. То и дело он допускал ляпы.

— Аккуатнее... — Игумнов как гонщик терпеть не мог технический брак. Водитель бормотал торопливо:

— Один момент...

Милиционер проигрывал гонку. Он пропустил «карман» на Садовой, только в последнюю секунду въехал в него. Тут сразу и дали «зеленый».

— На следующем перекрестке остановят... — Игумнов знал порядок.

Цуканов, следивший за всем как бы со стороны, уютно сложил живот между коленями.

— А ты не останавливай! Гони! Он видит, что милицейская машина...

Чуть ниже американского посольства гаишник — капитан свистнул, показал к тротуару.

— Тормози, — приказал Игумнов. — Милицейского шофера инспектор тем более не простит... — когда он служил в ГАИ, у него самого было две просечки в талоне. Такие же гаишники и устроили.

— Смешно: торгаши с правами — «проверке не подлежит», а уголовный розыск...

Водитель, зажав права в руке, выскочил из машины, но гаишник оказался лучше, чем о нем думали — махнул рукой. Водитель уже бежал назад.

— Пошли, скомандовал Игумнов. — «53—13». Смотри по сторонам!

Они действительно его увидели. Такси развернулось на 1-м Неопалимовском и теперь несло навстречу.

— Разворачиваемся, — приказал Игумнов.

— Знак!

— Второй раз не остановят!

Таксист гнал в сторону Арбата. В скученных переулках было тесно от припаркованных машин. Дворники мели тротуары.

У одной из двенадцатиэтажек такси замерло. Милицейский «жигуль» притормозил метрах в двадцати от него.

— Пошли, — не дожидаясь, пока Цуканов протолкнет пузо, Игумнов выбрался на тротуар.

— Вас ждать? — наивно спросил водитель.

— А ты как думал?

Человек из такси прошел к двери. Игумнов снова отметил:

«Непринужденно держится...»

Когда они вошли в подъезд, незнакомец уже вызвал лифт. Они поздоровались. Мужчина приподнял над головой безобразную шляпу.

Лифт громко щелкнул.

— Пожалуйста, — сказал Игумнов.

После взаимных уступок незнакомец первый нажал кнопку, он ехал на шестой. Выходя, он снова приподнял шляпу.

— До свиданья.

У Игумнова не осталось больше сомнений.

— Я, кажется, знаю, кто он.

— Хорошо — если б сам Генеральный... — заметил Цуканов.

— Иностранец!

Они вышли на восьмом. Игумнов послал кабину наверх, сам спустился лестничным маршем.

Он хотел узнать номер квартиры.

Иностранец стоял у крайней от угла двери — стальной, прикрытой дерматином — единственной «укрепленной» на всей площадке.

Игумнов слышал звук ключа, пришедшего в соприкосновение с замочной скважиной. Звук повторился еще дважды.

На этом процесс открывания закончился.

Ключи не подошли.

Офис, который Авгурова избрала, находился неподалеку.

Она сделала круг упрятанной под камень улицей бывшего Римского города, поднялась на десяток ступеней — преодолев сразу несколько исторических эпох и куль-

турных слоев древней Иудеи, оказалась в современном Иерусалиме.

Чувствовалась весна — виднелись яркие незнакомые цветы. В глубине белого иерусалимского камня, за витринами, словно в пещере с алмазами, сверкали изделия благородных металлов, бижутерия...

Делегатки, растянувшись на пол-квартала, обреченно следовали за гидом. Вслед за Авгуровой никто не увязался, кроме нескольких юных продавцов.

Арабские мальчики — черноволосые, юркие — предлагали открытки, буклеты — она от всего решительно отказалась, вошла в офис.

Человек за дверю не стал подниматься, окинул взглядом Авгурову, ее сумочку, кивнул — пропуская и здороваясь одновременно. Секьюрити — служащие безопасности — были во всех крупных магазинах, учреждениях. Пожилые мужчины, с пистолетами за поясами, сзади.

Небольшая очередь располагалась в мягких креслах. Судя по неспешности, присутствовавшие настроились на длительное пребывание.

Авгурова взглянула на часы. Ее время было ограничено. Она прошла вдоль столов.

У плакатика «Валюта» симпатичная девушка писала на длинных бумажных полосах. Тут производили операции со свободно конвертируемой валютой.

— Экскьюз ми... — начала Авгурова.

Девушка внимательно взглянула:

— Говорите по-русски... — она показала на визитную карточку в рамке, которую Авгурова не заметила.

Русскими буквами на карточке было написано: «Рина Бурштейн».

— Я хотела бы открыть долларовый счет.

— Вы — гражданка Израиля?

— Я — туристка. Из СССР.

Служащая банка не выказала удивления.

— Мне должны перевести деньги. Могу я это сделать?

— Ничего нет проще. Паспорт у вас с собой?

— Вот он. Еще вопрос... Как я могу распоряжаться своим счетом?

Она знала, но предпочла убедиться.

— Это зависит от вас. Можно по телефону. Правда, для этого я должна привыкнуть к вашему голосу.

— Я постараюсь несколько раз позвонить.

— Вы еще долго пробудете в Израиле?

— Я еду на Кипр.

Процесс заведения счета не занял и пяти минут.

— Распишитесь, пожалуйста... Вот ксерокопия вашего заграничного паспорта. Это карточка с номером вашего счета. Телефоны... Когда вы ждете деньги?

— Они должны придти быстро.

Представитель секьюрити у дверей не пошевелился, когда она уходила. Его интересовали только входившие.

«Дело теперь за партнерами».

За дверью ее поразил донесшийся откуда-то крик осла.

— И-а! И-а! — надрывался длинноухий.

Крик был точно такой же, как если бы это было не в Иерусалиме, а где-нибудь в Самарканде или в Бухаре. Она часто приезжала туда с первым мужем.

— И-а! И-а!..

Ей стало спокойнее. Белый иерусалимский камень спустился с домов, лежал под ногами, снова поднимался к крышам. В камне возникали ступени. Они поднимались в гору. В конце возникали стеклянные двери, прикрытые вторыми — металлическими. В виде решеток.

За камнем находились офисы, жилье. Прозвенел телефон. Процокали каблучки. В палисадниках за узорчатой решеткой росли агавы, кактусы. Сбоку у дверей она заметила маленькие почтовые ящики, в которых могли уместиться разве только конверты. Как же им приносят газеты?

Отыскивать Мусорные ворота ей не пришлось. Впереди мелькнула знакомая фигура с обтянутым красными штанами задом.

Делегация втянулась в христианский храм. Авгурова вошла следом. Гигантская колоннада поддерживала массивную галерею с арочными окнами, словно для лож. Выше шла вторая галерея, а может, и третья. Их закрывала огромная ширма. В храме шла реконструкция. В отверстие вверху было видно небо. В середине на плитах стояла небольшая каменная часовня, к ней тянулась очередь. Часовню держали сваи, поддерживаемые металлическими рельсами.

Было пасмурно, то и дело вспыхивали блицы. В передней части храма бросалась в глаза плоская каменная плита, как в анатомическом театре.

«Тут лежал Христос?» — Авгурова догадалась, что находится в Храме Гроба Господня.

— Вы здесь? — Фрида не удержалась от вырвавшегося у нее неосторожного замечания.

Авгурова взглянула недоуменно. Фрида поправилась.
— Мне показалось, вы застряли у арабских лавок...

Ключи не подходили.

Иностранец оставил дальнейшие попытки открыть дверь, вызвал лифт.

Игумнов подождал. Щелкнула кабина. Иностранец уже спускался. Через минуту внизу гулко стукнула дверь.

— Может, не стоит... — были первые слова Цуканова, как только он оказался на этаже. — Вдруг кто-нибудь выйдет...

Игумнов уже доставал ключи, увиденные Николой из 33-го. Иностранец не позвонил в дверь — это означало, что квартира пуста.

— Держи лифт!

Цуканов снова занервничал.

— Народ тут тонкий! Персональные пенсионеры!

— А пошли они!

Замок открылся неслышно. Стальная дверь повернулась так же легко. Игумнов открыл и вторую — из прессованных стружек. Быстро прошел по квартире. На кухне в глаза бросился японский телевизор. Такой же, только с большим экраном, стоял и в одной из комнат. В ней же в углу лежали тяжелые гантели.

«Для мастера спорта. Не ниже!»

Большую из комнат заполняла не расставленная новая мебель. Стенка, тахта, обеденный и письменный столы.

Он нигде не увидел женских вещей. Следы постоянного проживания прослеживались только в угловой, ближней от входа. На креслах и тахте виднелась разбросанная мужская одежда. Тут же стоял объемистый чемодан. На журнальном столике Игумнов заметил еще охотничий потронтаж и флягу. Сбоку россыпью лежало несколько визиток.

«Георгий Романиди. Республика Кипр, Никосия...» — Игумнов сунул одну в карман.

Уже выходя, в передней, на гвоздике увидел фирменные запасные ключи.

«Близок был локоть...»

Цуканов стукнул в дверь.

Игумнов выскочил, быстро справился с наружным замком. Внутренний — первый — защелкнулся сам, автоматом.

— Слава Богу! — Цуканова буквально корчило от страха лишиться грядущей пенсии.

Тут же за соседней дверью одно за другим прогремели запорные устройства. В образовавшейся щели показалась женоподобная физиономия.

— Кто тут живет? — Игумнов не дал соседу опомниться.

— Тут уж много перебывало! И не запомнишь, — это была женщина.

— А кто квартиросъемщик?

— Квартирозяйка! Квартира у нее от деда — бывшего зампреда Сухова...

— Она носит его фамилию?

— У нее было много фамилий...

— А сейчас?

— Джабарова! Люся Джабарова!

Вместо охранников-«афганцев» у «Аленького цветочка» Игумнов увидел низенького крутого атлета из кавказцев.

— Мест нет! — на плече атлет держал что-то короткое, черное, смахивающее на зонтик.

Игумнов с любопытством заглянул в небритую физиономию, но из дверей уже махали:

— Пускай! Свои!..

— Соскучился? — Люська встретила Игумнова как знакомого. У нее был зов на грубых здоровых мужиков. — Я чувствовала, что ты объявишься...

На Джабаровой был все тот же красный деловой пиджак, под которым виднелась прозрачная, вздыбленная высокой грудью кофточка.

«Типичная торгашка!..»

На миг ей удалось потеснить другой образ — с головой римлянки, с классическими чертами лица. Мысль об Онкологическом Центре вдруг отпустила, оставив жесткую безысходную направленность.

«Все обойдется...»

— А то тащишься тут всеми заброшенная... — Люська с места в карьер принялась его кадрить.

— У тебя есть друг. И муж.

— Объялся груш...

— Развелись?!

— Отбыл в неизвестном направлении. Уж месяца полтора! Поднимешься ко мне?

Она двинулась к лестнице, вихляя задом.

«Эта часть у нее в порядке...»

Кабинет наверху оказался уютным, с мягкими креслами. Он узнал обои, которые видел с пожарной лестницы.

«Тут все и происходит...»

— Садись. Я скажу, чтоб сделали кофе, — он интересовал ее как мужчина и как мент. — Я сейчас.

«Круто завязано...»

Было от чего свернуть мозги.

Теперь он был уверен в том, что имя Волока в связи с выстрелом на перроне возникло не случайно.

«Чуть-чуть копнули и сразу вышли на мафиози с Кавказа...»

Друг Волокова приглашал девиц в «Аленький цветочек», квартирант Джабарова в «жигулях» Волокова... А кроме того «строительный вагончик», «дача по Белорусскому ходу»...

«Ческа збройовка» выстрелила не только на вокзале, но и в электричке по патрульному милиционеру с Москвы-Белорусской...»

Совсем разные люди и события неожиданным образом взаимоотношались, взаимодействовали, взаимоотношались.

После ухода Люськи он не двинулся с места — у торгашей из «Аленького цветочка» имелось немало возможностей незаметно за ним наблюдать. Хотя бы с той же пожарной лестницы!..

«Торгаши и менты...»

Общество обещало принять и тех, и других как полноправных, но требовало — то дипломы, то поручительства трудовых коллективов. А главное — ими пользовалось...

О ментах создана была целая литература; писатели делали себе на ней большие имена... И не только имена! При том, что отношение общества оставалось чисто потребительским. Торгашей презирали, а милиции курили фимиам.

«Кошки и собаки... Если бы все серьезно, пешеходы то и дело натыкались бы на растерзанных животных. Торгаши воруют, менты спокойно за ними охотятся...» В последние годы, покуражившись, милицейское начальство отправилось открыто служить Торговле.

В коридоре слышались шаги. Люська уже входила. Она успела подновить макияж и словно посвежела. Верхние пуговицы кофточки были расстегнуты.

— Заждался? — зад и грудь у Люськи были действительно великолепны.

В руках она держала аккуратный подносик.

— Тут все, что необходимо мужчине в первую очередь, — с чашечками кофе виднелись отливающие дым-

чатым широкие рюмки, бутерброды с икрой, что-то еще, напоминавшее японский папоротник. — Бармен чуть кони не откинул, когда я наливала...

Они выпили.

Люська была тиха и покорна. Грудь ее просто разрывала прозрачную материю, наступала на глаза.

«С торгашками, как правило, все всегда ясно с самого начала... Как и с ментами...»

— Ты пустила к себе квартиранта с Кипра... — сказал Игумнов.

Она показала на грудь:

— Сюда?

— Тут — это твое дело... — Игумнов рассмеялся. — На квартиру...

— И кому он мешает?

— Да никому. Он тут поддал, остался в чем мать родила.

— Прикажешь грудью его кормить?

— Он, наверное, не отказался бы.

— А ты?

— Обо мне нечего и говорить...

Окружавшие женщины относились к нему одинаково. Исключение составляли его нынешняя жена и Надежда.

— Дальше-то что?

— Ключи у него пропали. В квартире, наверное, есть чем поживиться...

— Стоит сменить замки? — разговор пошел деловой.

— Какие были ключи. Сложные?

— Думаешь, я разбираюсь!

Ключи лежали в сумочке, в верхнем ящике стола.

— Вот!

Игумном даже не стал их рассматривать.

«Заводские с знаком фирмы. Как те, что Никола унес из 33-го... Другие такие же висели в передней на гвоздике. Это — третьи...»

— Поставь дополнительный замок... На всякий случай...

— И правда!

Момент немедленной близости был упущен.

Люська взглянула на золотые часики на груди: ее время было тоже строго расписано.

— Появишься?

— Ну!

— Оставь телефон. Я, может, позвоню. Вон, на календарике.

Настольный календарь был импортный, дареный.

Игумнов написал:

«Бакланов...» И телефон седьмого ГАИ.

— Это дежурный, он позывает...

На секунду она прильнула к нему — все еще могло повернуться в нужную сторону.

«С нынешним ее любовником мы станем приезжать по очереди. Люська будет контролировать. Другой ничего не заметит. Или сделает вид. Два мента — вдвое больше информации. Отобьем любую проверку из района...»

Он вышел на улицу.

Мужчина в переулке, разговаривавший с постовым, кого-то напоминал.

«Вытянутый череп. Выступающие надбровья... Ба-а! Залетный! Тот, что сидел в камере с Николой!»

Разговор носил дружеский взаимоприятный характер. Потом постовой постучал в окно кафе вызвал официанта.

«Связь с 33-м у них прекрасно налажена!»

Внезапно он подумал:

«Любовник Джабаровой наверняка тоже из отделения. Старший офицер Слава. Не зам по розыску?! Тот тоже Слава!»

10

— Я знаю, почему Волокова ни разу не видели в Управлении культуры... — Игумнов отбросил ручку на вагонный столик. — Он никогда там не работал!

Короткий перерыв в казарменном положении закончился. На время депутатского разъезда всех снова загнали в поставленный на прикол «Новомосковск — Москва».

Надя и Цуканов внимательно слушали.

— Он только значится инспектором, — Игумнов подобрал ручку. Сел прямо. — Это документ прикрытия...

— Иначе...

— Они — все сотрудники! Помнишь, алкаш сказал Качану: «Он — офицер!» Хитрая работа... Они — из конторы! Тоже!

Игумнов жестко, ладонью, провел со лба к подбородку. В голове словно прояснилось.

Противники могли запросто оказаться вчерашними коллегами.

— За что боролись — на то и напоролись...

Опасность такая с каждым годом становилась все реальнее!

Людей, обученных убивать, начальство заставляло соблюдать одни законы и преступать другие.

Объявили «ангелами-спасителями» и велели прятать преступления от учета! Одновременно, чтобы выглядеть «чистенькими», повели борьбу с теми, кто имел несчастье попасться на сокрытии заявлений.

Разоблаченного ждала тюрьма. В лучшем случае — увольнение либо конец карьеры.

Опыт ментов, пойманных на нарушении Инструкции о регистрации, мог быть еще использован в борьбе с преступными структурами, в своего рода штрафных милицейских батальонах, где виновные моли бы кровью искупить вину.

Но начальство боялось их сногсшибательных разоблачений.

— Никакого снисхождения! Ни одного пятна на белейших мундирах стражей порядка! — требовали министр-казнокрад и Первый его заместитель-взяточник.

МВД СССР сразу порывал с изгнанными, как с зачумленными. В народном хозяйстве их встречали без оваций.

Теперь до них уже никому не было дела.

Игумнов считал, что ими совершены все наиболее дерзкие преступления из остающихся нераскрытыми.

Навыки в работе с агентурой и криминалистическое образование в сочетании с личными качествами, удовлетворяющими жесткие требования милицейского тестирования, толкали их к прежней деятельности. Только с обратным знаком.

— ...Менты! Либо — комитетчики.

Надя разлила чай.

— Я наведу справку... — ее сокурсница по Академии работала на Петровке, в кадрах. — Заодно проверим судимости.

— Начальник! — Муса покрутил головой, похожей на средней величины котел. — Джабаров — сам по себе, мы — сами!..

— А когда в последний раз видел? — кроме Игумнова, при разговоре присутствовал Качан.

— Недели четыре...

— В кафе?

Муса припомнил:

— К нему заезжал! Заказал привезти помидоров.

— Ну?

— Я привез.

— Потом? — старший опер взглянул на часы.

С минуту на минуту должна была позвонить механик Динка, — преданная Веркина наперсница. Это означало, что Верка уже в Москве, едет к матери.

Они встречались на остановке, против дома.

— В магазин послал. Заказать фирменных салфеток.

— Что они там, в магазине, делают их?

— Не делают, но...

Каждый шаг чужой преступной инфраструктуры в столице был абсолютно незаконен, связан с мошенничеством, со взятками, рэкетом.

— Ездил на городском транспорте?

— На машине.

— Потом?..

Муса отыскал взглядом глаза Игумнова: хотел показать, что говорит правду.

— Дверь оказалась закрытой. В квартире никого не было.

— И все?

— Все, — говорить о Джабаровом для него было некорректным и даже опасным.

Динка позвонила раньше времени:

— Автоматическая камера хранения беспокоит! Механик Горячкина... Пассажир открыл ячейку — а в ней чужие вещи...

Игумнов блеснул металлическим рядом во рту.

— Сейчас Качан подойдет.

Старший опер поднялся. Он не смотрел на Игумнова.

— Фотографии Волока?.. — спросил Игумнов.

— Сейчас будут. Я заказал.

— Много?

— Пятьдесят штук.

— Отлично. Пусть Цуканов зайдет с ходу...

Игумнов обернулся к Мусе.

— А прописаны вы все там же? На фабрике? У Анчиполовского?

— Ну!

Цуканов появился вовремя — Игумнов как раз спросил:

— А если Анчиполовского выпишут из Столбовой? Переезжать не собираетесь?

— Куда, начальник?

— На Арбат, к шефу. Места хватит. Три комнаты... За стальную дверь!

— Я ищу укрепленную дверь!.. — Цуканов вроде заинтересовался, освободил пуговицу на животе. Недостойное мента безобразное пузо прокатилось между бортами пиджака к коленям.

— ...Наверное, дорого?!

— Почему? — Муса уклонился от ответа.

— И где делают? — от Цуканова было невозможно отговориться. Игумнов на это рассчитывал. — Наверное, у черта на куличках?! Или в центре?

— В центре... — Муса подумал: Джабарову это вроде ничем не угрожало. — На Каляевской...

Машину вел Голицын — он не упускал случая сесть за руль. Банде должно было понадобиться умение каждым классно водить машину. И очень скоро.

Район был незнаком — Серпуховской Вал, Серпуховская Застава. На месте нанесенных на карту тупичков тянулся многоподъездный дом — длиннющий лежащий небоскреб.

— Врубаю вторую...

Пальцы в гоночных с вырезами перчатках словно впечатались в баранку. Рулевое управление, руки, плечевой пояс — затянутый в пуловер торс — все одно целое. «Набить руку!» В любой момент каждый запросто мог оказаться вместо водилы.

Волок качался рядом.

— Обгоняй трамвай!

— Остановка...

— Все равно никто не выходит.

Инициатором поездки выступил Смердов: ему везде мерещилась агентура — своя, милицейская, либо — комитетская.

« — ...Строительный вагончик — дефицит! А Анчиловский весь вечер ждал Волока, чтобы ему его предложить! Вычислял по приметам! Да неужели вы в это верите!»

Агентурист Смердов с ходу просек чужую комбинацию: психология, в сущности, одна, да и методы тоже.

— Волок ему был нужен! А не бабки!.. Познакомиться, войти в доверие!

— По-моему, тут налево...

— Вот он! «Гамсоновский переулок»!

— Да это фабрика!

Вахтер в проходной — лысоватый, полный — возвратил Голицыну удостоверение.

— Анчиполовский? Ефим, что ли?

Пока Голицын вел переговоры, Волок пялился на неподенькую телку, демонстрировавшую ему полное небрежение.

— Так он же в Столбовой! В дурдоме!

Голицыну показалось, что он ослышался.

— Анчиполовский!

— Ну? Здесь прописан, а находится на излечении!

— Давно?

— Несколько лет! — вахтер ничего не подозревал. — Я уже и забыл, как он выглядит!

— И не выходит?!

— В буйном отделении...

Волоков оставил телку.

— А родственники есть? Мать, жена...

— Сестра!

— Тут живет?

— Отдельно! Вообще, вам лучше с соседями поговорить, — вахтер открыл дверь, показал направление. — Сейчас по дорожке. И в конец двора. Двухэтажный дом.

Дорожка вела в глубь фабричных корпусов.

— Что теперь скажешь? — спросил Голицын.

Они шли по двору.

— Подумаешь! Каждое дежурство кто-нибудь да сохрет адрес!..

«Вот уж кто не знает паники!..»

— Не повезет — на родной жене триппер поймает!

— Примитивный ты мужик, Волоков! Как тебе офицера дали?!

Волок не обиделся.

— Между прочим, был взводным!

— Это видно! Волок — ты и есть волок! Темный, как лес!

— Голицыны тоже — не все князья!

Невзрачный двухэтажный дом тянулся к забору, а ним виднелась подвеска электропроводов. За забором проходила железная дорога.

— Квартира два.

— Наверх.

Старая лестница была безупречной — ее терли регулярно. С песком.

За дверь, в узкой передней, была еще дверь.

Волок постучал.

— Милиция...

Никто не ответил.

Боковая дверь вела на кухню. Там было пусто. На стене играло радио.

— Стучи еще...

Дверь наконец открыли.

На пороге стоял верзила мужик. В трусах, в широкой майке. Из-за плеча выглядывала заспанная девица с мягкими коровьими губами.

— Поздно спите...

— Мы у себя... — мужик подозрительно вглядывался в них, искал повод для ссоры. — Иди! — приказал он жене. Она не уходила.

Голицын предпочел снизить напряжение — конфронтация могла все напортить.

— Мы насчет Анчиполовского.

— Будто бы!.. — мужик злобно взглянул на беспечно-го красавца Волока. — В 85-м ты случайно не работал?

— С ума сошел!

— Не он это! — девица зевнула.

— Нет вам никакого Анчиполовского!

Он дернул дверь, но Голицын подставил ногу.

— Ты у меня сейчас...

Верзила увидел наставленный ему в живот небольшой пистолет. Лицо Голицына застыло белой постозной маской.

— Скотина!..

Верзила обмяк, словно из него выпустили воздух.

— Кто к нему ходит? — приказал Голицын.

— Да я его и не видал!

— К сестре!

— Она и не живет тут...

— Быстро!

Верзила припомнил:

— Слышал: она прописала на площадь кавказцев!

— Кого? — Голицын с Волоком переглянулись.

— Картежников. Азербайджаны или чечня.

— Так, — Голицын начал понимать. — А как их зовут?

— Эдик. Еще Муса.

— Ну, ясно.

Ушли не простившись.

Телохранителям покойного Джабарова не жилось спокойно.

«Они знают и про строительный вагончик, и про Анчиполовского... Смердов прав: с Мусой пора кончать. Да и Эдику... Одна им дорога. На Россолимо!...»

Во дворе остановились.

Вокруг было пусто. Из-под неглубокого снега виднелись десятки ржавых металлических конструкций, трубы, ящики.

Голицын улыбнулся:

— Чего ты?

— «Полковник был большая сука и пассивал на трех тузах!» Вчерашний случай у магазина не имеет отношения ни к инкассаторам, ни к вокзалу! Можно действовать. Руки у нас развязаны...

Волок заметил:

— Смердов, вот увидишь! — не успокоится! Или нас снова пришлет, или сам приедет!

— Пускай, если очко у него играет...

Подполковник Козлов из Транспортного КГБ был на пути к успеху.

В сито, установленное контрразведкой на транспорте, попали хотя и небольшие, но обращавшие на себя внимание крупницы информации, заслуживавшие оперативный интерес.

Скрытое наблюдение за Авгуровым зафиксировало почти ежедневные контакты с иностранцами, посещение ресторанов и гостиниц, не разрешенных для визитов сотрудникам МВД. В первую очередь, обслуживавших «западников» — «Националь», «Метрополь», хотя особо компрометирующего в этом не было.

Проходивший по сводкам наблюдения как «Ибрагим», Авгуров общался, главным образом, с проживавшими в Москве коммунистами, принадлежащими к левому крылу небольших европейских компартий — Греции, Люксембурга, Бельгии, Дании. И особенно Кипра.

В попойках, впрочем, весьма умеренных, принимали участие и несколько известных девиц легкого поведения, проходивших в качестве людей КГБ. Это облегчало разработку.

«Мирская» — симпатичная малышка с нежной кожей и девичьей грудью — по образованию историк и работавшая официанткой в валютном баре — рассказала Козлову:

— ...Авгуров — преподаватель, а большинство остальных — слушатели какого-то закрытого учебного заведе-

ния... — подполковник Козлов принимал «Мирскую» совместно с сотрудником Комитета, у которого она постоянно последние годы находилась на связи. — Все они — коммунисты. Очень идейные. В день открытия Съезда — 25 февраля — стоя, — уточнила «Мирская», — выпили за Партию...

С этой стороны все обстояло благополучно.

Сотрудник, работавший с «Мирской», понимал затруднения коллеги.

«Эра Федорчука» в МВД закончилась.

Генерал Федорчук, ушедший с Председателя КГБ на Министра внутренних дел, скорбел, что так и не смог полностью очистить ментовское ведомство от преступности и коррупции, несмотря на увольнение тысяч хомутов, подозревавшихся Бог знает в чем. Слишком сильным оказалось противодействие.

В результате сотрудники Комитета, пришедшие вместе с Федорчуком, были злонамеренно дискредитированы и ждали изгнания вслед за своим шефом из клоаки, какой и представлялась метновка:

Вести работу в отношении милицейской верхушки в этих условиях для них становилось все труднее.

— ...Никакой антисоветчины! — «Мирская» привычно кокетничала.

Козлов любил работать с женской агентурой: каждая встреча, независимо от конкретных результатов, возбуждала.

— Обычные темы. Как у всех: демократия, ускорение. Еще об охоте. По пятницам они ездят в охотхозяйство... — «Мирская» не понимала, какого рода сведений от нее ждут.

— На крупную дичь?

— На кабанов. Лосей.

— А лицензии?

— Я слышала — охотхозяйству за них перечисляют валюту. На соответствующий счет.

— Это исключено!

— Там посредник. Малое предприятие, которое все устраивает.

— Они называли его?

— «Байкал»!

Какой-никакой, но это был кончик нити!

К начальству идти Козлов не решился. Новый его шеф — бывший сотрудник Третьего главка — был ни рыба ни мясо. Напрасно ему подсовывали только что опублико-

ванный отчетный доклад генсека — фразу об «ответственности, лежащей на органах безопасности». Руководство ни мычало ни телилось.

Попытки Козлова самостоятельно поднять завесу над фирмой «Байкал» сразу же показали, что впереди — каменная стена.

Учредители были сплошь — неизвестные обладатели четырехзначных абонентских ящиков. Ни адресов, ни телефонов.

Фортуна предоставила ему шанс, когда сотрудник — работавший с «Мирской», прислал ему копию сообщения другой своей помощницы — «Смелковой».

Она информировала:

«...Находясь в валютном баре гостиницы «Савой» с иностранными слушателями, источник обратила внимание, что преподаватель Высших партийных курсов профессор Авгуров не стеснен в средствах. В дальнейшем, оставшись наедине с бельгийским коммунистом Роже — источник спросила у него, откуда у Авгурова валюта. Роже объяснил, что в Москве организован Интернациональный клуб любителей охоты, который периодически заключает договоры с малым предприятием «Байкал» на предоставление лицензионной охоты в угодьях военно-спортивного общества, так называемого Спецохотхозяйства. Из дальнейших объяснений источник уяснила, что Авгуров, являясь доверенным лицом предприятия «Байкал», получает определенный процент с каждой сделки, заключенной на отстрел крупных животных. На вопрос источника, как с Авгуровым расплачиваются за его посредническую деятельность, Роже уточнил, что у Авгурова существует счет или счета в зарубежных банках. Процент этот обычно в соглашениях не указывается, но на соответствующую сумму понижается сумма выплат по всей сделке...»

На ксерокопии сообщения Козлов сделал пометку для себя: «Ускорить выполнение запланированных мероприятий...»

Комбинация была двухступенчатой:

1. Приобретение на компрометирующей основе своего человека для освещения Картузова и К°.

2. Использование полученных материалов для приобщения Картузова к разработке Авгурова и К°.

Кроме того, Козлов записал:

«Срочно установить — находится ли жена Авгурова еще в Израиле. Связаться со 2-й службой...

«Обеспечить наблюдением... В том числе по прибытии в аэропорт «Шереметьево»...»

Паром «Принцесса Евгения», которым Авгурова отбыла на Кипр не считался ни комфортабельным, ни престижным. Иностранцы для поездок на Кипр пользовались самолетом.

Как и израильтяне.

На Кипре регистрировали обычно браки смешанных израильских пар. Для тех же целей, правда, существовало еще посольство Уругвая. Но брак, заключенный в посольстве, как объяснил делегаткам все тот же гид, — иронически называли «уругвайским», относясь к нему, как к чему-то легковесному, несерьезному.

Вид заштатного парома в Хайфском порту Авгуровой сразу не понравился. Он и в подметки не годился белым красавцам, которые Авгурова видела в Баку.

«Будем надеяться, что в деле он лучше, чем с виду...»

Валюта на ее счет в Иерусалиме пришла немедленно, едва она сообщила номер счета и название банка — «Апоалим».

Рина Эпштейн, ведавшая валютными операциями, узнала ее голос по телефону, пригласила приехать в любое удобное время.

Получение крупной суммы в израильских шекелях и обмен на кипрские фунты никак не были обставлены. Никого не интересовал источник валюты, как Авгурова будет ее транспортировать. Охранник у двери не обратил на туристку внимание — ему хватало входивших в банк.

В Израиле Авгурова ничего не приобрела, кроме нескольких сувениров — страна по европейским меркам слыла дорогой. Единственное преимущество счета в банке «Апоалим» было то, что СССР и Израиль не имели дипломатических отношений, и это создавало определенные трудности для тех, кто по тем или иным причинам мог заинтересоваться посреднической партийно-коммерческой фирмой «Ильины — Авгуровы».

— Почему так медленно? Не знаете?

Большинство пассажиров парома составляли советские евреи, возвращавшиеся от родственников. Вокруг слышалась русская речь. Металлические тележки, которые они толкали перед собой, прогибались под грузом.

На Авгурову поглядывали удивленно: она путешествовала с небольшой, на колесиках, сумкой. И еще одной — «дамской».

С валютой.

— А куда им торопиться?!

Предоставленные себе, вне иностранцев-родственников, они быстро теряли заграничную ментальность, превращались в обычных харьковских, одесских, московских евреев — с истинно советским неумением вести себя, с суетливой непроходящей озабоченностью.

— Бюрократизм тут, пожалуй, еще почище, чем у нас!

— А что вы хотели? Кто создал Израиль? Те же российские...

— Если они нас зовут к себе — можно было сначала создать условия!

Поотвыкнув от соотечественников, Авгурова чувствовала себя Гулливером, возвратившимся на Землю после жизни с гуигнгнмами — благородными Лошадьми. Люди стояли ниже их духовно и плохо пахли. По крайней мере, вблизи.

Очередь тормозили несколько израильских контрразведчиков, занимавшихся проверкой багажа.

Авгурова уже научилась распознавать этих мальчиков. Они несли и охрану в кнессете во время посещения парламента московской делегацией, ей показали их у дома премьера, когда тот садился в машину.

«Высокие, малоразговорчивые, с дипломами математиков и физиков, докторанты, поднявшиеся к III-й ступени...»

Они были постарше и выше ростом солдат, которых Авгурова вдосталь насмотрелась. В пятницу они заполняли улицы — солдаты и офицеры — все, до генерала, в одинаковой форме, обращающиеся друг к другу на «ты» и только по имени.

— Йоси... — к генералу Иосифу Пеледу, известному в советской печати как Иосиф Сталин.

— Майки... — к легендарному Шайнеру.

Гид объяснял им это все очень подробно.

Мальчики и девочки, с автоматами и без них, бросались в глаза.

«Единственные в мире солдаты, — пыжился гид, — которые знают против кого они воюют и что грозит им в случае поражения. поголовное истребление! Армия, не умеющая ходить строем, разрешающая солдату сдаться в плен, разгласить военную тайну в случае угрозы насилия...»

Когда делегатки высказали сомнения, гид пояснил:

— Шифры сменяют, коды тоже... Солдат знает — если он останется жив, его обязательно спасут, вытащат из плена, выкупят, обменяют одного к десяти, к ста, к тысяче...

— Мадам...

Контрразведчик, предложивший ей поставить сумку на стол, был все из тех же молодых, высоких, короткоостриженных и немногословных. Его английский был не в пример многим переводчикам.

— Где и у кого вы находились в Израиле? В каких городах вы жили? Как добирались до парома? На чем?

Его задача была весьма узкой, и Авгурова сразу успокоилась, едва прояснила ее для себя.

Контрразведчик хотел быть уверен в том, что она умышленно или случайно не внесет на паром взрывное устройство.

— Кто собирал вам вещи? Были ли при этом посторонние? Не оставались ли они наедине с вашей сумкой?

Валюта, вывозимая из страны, его не интересовала.

Средняя палуба была забита людьми, готовившимися провести здесь ночь. В основном, соотечественниками, потратившими на путь от Хайфы до Лимассоли по сорок американских долларов.

Но были и иностранцы.

Офицер из войск ООН, белокурый, в голубом берете — очевидно, канадец — на корме читал книгу. Поодаль, в туристической палатке, стелили спальные мешки — готовились спать.

«Принцесса Евгения» шустро разрезала волну.

Было уже поздно.

В черноте ночи, где скрылась Хайфа, виднелись непривычные глазу диковинные фиолетовые сполохи. Белые буруны убегали назад, прочерчивая путь.

Авгурова долго не могла уснуть.

Когда она проходила к трапу, канадец из войск ООН перестал читать, что-то сказал.

— Что? — переспросила она.

— Может, зайдем к вам в каюту?

Как он узнал, что у нее каюта? Офицер говорил по-английски с акцентом.

— Откуда вы, сэр?

Он служил в частях, разъединявших противоборствующие стороны на юге Ливана.

С секунду она поколебалась. На палубе становилось ветренее. Офицер был похож на русского — беленький, аккуратный, чистый.

— Ноу, — она помахала рукой. Улыбнулась. — Бай-бай!

Авгурова заглянула еще в носовой буфет — он уже не работал. Столы большим кагалом захватили соотечественники — кто-то пустил слух, что до утра отсюда не выгонят. Атмосфера в буфете была что ни на есть неподходящая — спертый воздух, опасливые разговоры о заканчивающемся в Москве Съезде Партии.

— Жди тут! — Замнач 33-го оставил машину в стороне, у трамвайных путей, направился к фабрике.

Волоков оказался прав: Смердов предпочел лично во всем убедиться. Он был особенно осторожен, когда дело касалось Голицына.

«Абсолютно непредсказуем... «Либо — грудь в крестах, либо голова — в кустах...»

Он ни о чем не спросил вахтера, козырнул красной книжкой, прошел во двор.

С настоящим Анчиполовским, прописанным на фабрике, было все ясно: постоянный обитатель Столбовой.

«Путь на волю ему заказан...»

Неясный человечек, ждавший Волока у магазина, воспользовался ловко его биографическими данными, а тот — другой — которому лже-Анчиполовский позвонил из отделения, принял меры к тому, чтобы его вызволить.

В обход зачерненного графитной пылью ритмично ухавшего здания Смердов вышел за фабричные корпуса. Впереди показался асфальтно-серый в серо-асфальтном небе Автозаводский мост и ниже такие же серые провода. Контактная сеть линии железной дороги.

Несколько работяг разговаривали у противопожарного щита, поочередно жестикулируя.

Смердова они пропустили молча.

«Чувствуют чужого...»

Дом в конце фабричного двора показался потухшим, глухим, как и обрисовал его Голицын — со щербатым, не потерявшим яркости кирпичем.

Где-то за стеной работало радио.

«Бурные аплодисменты...»

Смердов поднялся на второй этаж.

Пустая коммунальная кухня, дверь напротив.

Постучал.

— Из милиции... — он отступил, предупрежденный о реакции хозяев.

Все получилось иначе, чем он себе представлял.

— Сейчас... — голос был женский.

Скрипнули пружины матраса или дивана, кто-то босиком прошлепал к двери. Отбросил крючок.

— Наверное, насчет Анчиполовского?

Женщина была молодая, тяжелая. Она безуспешно поправляла воротник измочаленного, мятого вконец халата. Воротник не хотел закрыть шею, между пуговиц мелькала чистая белая грудь.

Лицо было тоже чистое, большое. По-коровьи вспухший рот.

Смердов мягко положил руку на ее грудь. Она отступила, ничего не спрашивая, не отвергая.

Он прикрыл за собой дверь.

Теперь они были сообщники.

Наброшенный вновь крючок словно замкнул цепь между разноименными полюсами. Незнакомая женщина головой и грудью приникла к Смердову — будто ждала его всю жизнь. Он вошел рукой в прорезь ее халата.

Высокого напряжения ток, истекая, уже не позволил им разъединиться.

11

Бакланов появился в отделе не один — с незнакомым мужчиной, одетым хорошо и со вкусом.

Оба спешили. Узбек-вахтер внизу не стал ждать вопроса.

Вахтер отличал гаишника за то, что капитан пренебрегал.

Гаишник приехал на вокзал не один — с мужиком начальствующего вида.

Вахтер отличал Бакланова за то, что капитан пренебрегал дисциплинарным Уставом, был в большом порядке физически и не расставался со жвачкой. Его привлекали нестандартные личности.

— Игумнов у с и б я...

— Угу! — Бакланов переправил жвачку за щеку, тяжелый, только с трассы, в полушубке, опоясанном португальской, направился к лестнице.

— Обойдется? — его спутник заметно волновался.

— Все в порядке! Сюда... — тем не менее он поступал, оставил жвачку на дверной коробке. Там уже их было несколько.

— Привет, Бакланов!.. — кроме Игумнова в кабинете находились Цуканов с Качаном.

— Привет! А это мой друг. Полянский Сергей Венедиктович. Водитель.

— Очень приятно...

Полянский наклонил голову. В нем не было и намека на шоферскую бедовость.

— Можно Венедиктович, а можно Иванович... — Бакланов почувствовал, что затянул вступление.

Оперативники ждали.

— Возит заместителя министра сельского хозяйства... — Бакланов сел за приставной стол, показал Полянскому место напротив. — Короче...

Он наконец набрал скорость.

— Стреляли у него в машине. Не спрашивайте, как я на него вышел. Вот его объяснение, — он вынул сложенный вчетверо лист.

— Запри дверь, — Игумнов уже читал бумагу. Объяснение было коротким и исчерпывающим.

— Приехали встречать, но из машины не вышли. Произвели выстрел. По-видимому, случайный. Сразу уехали. Вышли у МВД СССР. На Житной.

Игумнов передал бумагу Цуканову.

— Это менты!.. — он обернулся к Полянскому. — Как вы считаете?

— Я, собственно, не думал... — водитель замялся.

— А все-таки!

— Ну как! Мужики они солидные, крепкие...

— Это общее впечатление! А вообще?

— Ну, вроде вас, что ли? Или его, — он кивнул на Качана. — В штатском, но при деле. В нашей службе, когда работаешь с хозяином, с охраной, людей видишь! Молодые ребята...

— Одного мы, кажется, знаем...

Игумнов мигнул старшему оперу — Качан достал фотографию Волокова.

— Этот?

Водитель покачал головой.

— Не было?!

— Нет.

— Повнимательнее взгляните.

— Да нет! Я их хорошо запомнил.
— Расскажи, как есть, — сказал «МО-15642».
Водитель вздохнул:
— Одного я знаю... — он взглянул на Игумнова. —
Того, кто сидел сзади.
— Который выстрелил?
— Да.
— Каким образом?
Зазвонил телефон, напрямую соединявший с дежур-
ной частью.

Игумнов и головой не повел.
Аппарат не переставал — бился, как припадочный, в
одном пронзительном непрерывном звонке.
— Позвонит и перестанет, — заметил Цуканов.
Полянский достал сигарету.
— Можно? Я его часто видел. Во внутренней охране
Первого здания.

— КГБ?
— ЦК.
Игумнову показалось — он ослышался:
— ЦК КПСС?
— Да. Он стоял на воротах. На Старой площади.
— Комитетчик!
— Потому я вообще-то был спокоен.
Первым отреагировал Цуканов:
— КГБ его нам сроду не выдаст... — он затянул ту же
двубортный пиджак вокруг живота. — Тупик!
Бакланов потянулся за жвачкой.
— Старую площадь обслуживает 46-е. Я попробую
узнать.

Увидев входившего Игумнова, начальник канцелярии
проворно сиганула к корзинке для бумаг, плюхнула ее на
письменный стол. Корзинка словно стояла тут с того дня,
как Игумнов ее поставил.

Потом Ключница, как ни в чем не бывало, уселась на
место — не поднимая головы, занялась регистрацион-
ным журналом.

Демарш был продуман заранее.

В противовес Игумновым была припасена откровен-
ная лесть и реквизированные дежуркой гвоздики.

— Наверное, чего-нибудь нужно... — Ключница была
не злопамятна.

— Абсолютно бескорыстно... Может, только вот ра-
порт! Какой у нас очередной входящий?

— Внутренний входящий?

— Да, — существовал и входящий внешний — когда бумага рождалась на стороне.

— Оставь. Я зарегистрирую... Срочное?

— Надо, чтобы он попал сегодня.

— В управление?

— Картузову.

— Шуточки у вас... — он словно предлагал ей Веничку Ерофеева. Главу «Серп и Молот» — Карачарово».

Ключница подвинула бумагу, стала читать. В канцелярии потянуло холодом.

Игумнов открытым текстом сообщал о выстреле на перроне.

«Иначе ничего не получишь — ни людей, ни машин...»

— Сами покажите... Прикажет — я зарегистрирую!

— Ваши трудности. Вы — начальник канцелярии. Если завтра что произойдет...

— Ну, Игумнов! — седые букли ее разлетелись. Она не знала, к чему придраться. — Я думаю: зубы вам все-таки за дело выбили! Допекли! Да?

— Да. Если угодно...

Теперь он был уверен:

«Рапорт до Картузова дойдет...»

Зубы Игумнов потерял в начале службы.

С другими новобранцами он был в умывалке. Когда заскочили деда, он как раз чистил зубы.

Плотный румяный блондин — дед — поддал его бедром — встал к умывальнику.

Игумнову не хватило секунды, чтобы избавиться от зубной пасты. Он таким же образом оттолкнул деда, нагнулся, чтобы втянуть в рот воды.

Удар привел зубы в соприкосновение с медным крапом. Во рту оказалось крошево. Кровь растеклась по раковине.

Дед спокойно нагнулся над умывальником.

Игумнов оглянулся. В углу стоял табурет...

Деда унесли.

Игумнова отправили на губу. Решалась его судьба.

К его счастью, в часть в это время заехал дядя — брат матери. Иван Васильевич Игумнов, завгар из Шарьи. Он самолично взялся перегнать новенький «газон» межрайбазы — не мог отказать сестре, просившей заехать к племяннику.

— Игумнов? Кто же у нас Игумнов... — шевелил губами комбат, проглядывая список. — Шварц, что ли?

Часть была особая.

В документах на всякий случай указали и вторую — нерусскую — фамилию призывника.

Комбат был человеком простым, лишенным дипломатии. Сказал в сердцах:

— Он — еще и Игумнов! Мне бы сразу понять. А то — сколько у меня служило шварцев — ни один не сидел на губе!

Комбат дяде понравился. Вместе с «газоном» он прихватил на заводе и чистого спирта-ректификата.

Игумнов-старший ходил к деду, у которого оказались сломаны четыре ребра. Выпивали. Разговаривали. Дед понял, что неприятности в первую очередь грозят ему самому. Он переписал рапорт.

Комбат, гулявший с дядей в субботу и воскресенье, прямо на губе в присутствии родственника опоясал Игумнова-Шварца подвернувшимся под руку тяжелым резиновым шлангом.

— Марш в казарму!

Игумнов ткнул себя ладонью в висок. Все тело болело. Беззубый рот колотся осколками.

— Ешть в кажарму...

— И чтоб в следующий раз!..

Следующего не было. Из салага Игумнов досрочно попал в деды.

Смердов освободился не сразу. Женщина сделала кофе — слабый, в преогромных бокалах, у нее оказался на удивление легкий характер. Они переговорили обо всем.

— Вокзальная милиция! Всю дорогу ездит!.. Надоели! Напрописывали кавказцев, теперь ищут...

— Часто ездят?

— Они и в этом месяце были... А сколько повесток прислали — это уму непостижимо... Ты позвонишь? — спросила без перехода.

У нее была атласная кожа. Работала она кукольной. В детской студии.

— Может, позвоню... А куда их потом девали, повестки?

— А так и лежат! В кухне.

Она принесла несколько штук — выцветших, мумифицированных угроз-приказов: «Срочно явиться»... «Повторная...» «В случае неявки...»

Голицын оказался прав. Некоторые из повесток были датированы еще прошлым годом. Транспортная прокура-

тура вызывала телохранителей Джабарова — вокзальная милиция только исполняла постановление о приводах.

К выстрелу Субанеева на перроне это не имело отношения.

«Но только на первый взгляд!..»

Простились они сердечно. На обратном пути по фабричному двору Смердов уже забыл о ней.

Тревога не ушла.

«Кто-то же, однако, послал своего человека к магазину, чтобы выйти на Волокова!»

Он все больше склонялся к тому, что Волоку сели на хвост.

«Но кто? Транспортная милиция? Или КГБ? Если транспортная, то тут и до выстрела на перроне рукой подать».

В камере Залетный внимательно присмотрелся к лже-Анчиполовскому. Вывод был категорический: «Он — вор! И действующий! Такой на все способен. И украсть, и замочить!»

«Замочить! Вот!»

Смердов теперь знал, с кого начать!

«Кого чуть не зарезали!..»

В машине он сел не с водителем — сзади, широко откинулся на сиденье.

— Поехали!

«Парень, которого подрезали в тот вечер! Доставленный в больницу с повреждением селезенки... Надо заставить его сказать!»

Мысль работала четко.

«У магазина! Значит, кто-то чужой!.. Анчиполовский крутился там в ожидании Волока... Вот откуда ветер!»

Смердов не заметил, как выбрались из переулков, свернули на Серпуховской Вал.

«По-хорошему не расскажет! Только если прижать, как следует! А то: «Упал на гвоздь, претензий ни к кому не имею...» Ничего! Появятся!»

Водитель спросил некстати:

— Поесть не заедем, товарищ подполковник?

Шофера давно уже следовало сменить — «лентяй, трус» — не находились охотники. В райуправлении 33-е пользовалось недоброй славой штрафбата.

— Проголодался? Или жена дома не кормит?

— Теща!

Смердов взглянул на часы. В больницу следовало

ехать позже — ночным часом — в пустые коридоры и ординаторские.

— Давай в отделение, аскет...

Смердов начал с диктофона, установленного в дежурной части. Все телефонные разговоры, которые шли через коммутатор оперативной связи, тщательно записывались.

— Прогони мне бобину за ту ночь...

Опер — молодой дембель с Алтая — занялся пленкой.

— Есть, товарищ подполковник!

— Врубай!

В помещение ворвались звонки, сбивчивые слова — неперенный реквизит ментовской ночной беспокойной жизни.

«Муж буянит...» «Ушла и не вернулась...» «Пальто из незапертой прихожей...»

И наконец:

«— Это Ефим... Анчиполовский...»

— Сделай громче!

— «Я чего звоню? — опер включил на полную громкость. — Утром подадут вагоны... А ключи дома! Штрафы! Ваш друг — мэр города, опять же...»

Бобина медленно переворачивалась...

— «К чему вам неприятности? А я бы сейчас съездил... Смена тут в 33-м хорошая...»

— Вырубай! Все — туфта!

«Ключи», «вагоны». «Мэр»... Лапша на уши! Агент — умница! Он сообщил шефу, что задержан! А наш дежурный — осел, если не хуже!»

Смердов окунул лицо в ладони, затылок поднялся над курткой.

— Давай еще раз!

Бобины снова двинулись.

— «Посмотрите на кинутую...»

— Стоп! — Смердов понял голову.

«Вот кто их интересовал! Иностранец!»

— Ключи иностранца, которого раздели, нашлись?

Помощник дежурного у окна вытянулся:

— Нет! Как сквозь землю, товарищ подполковник!

Все прояснилось.

— Прогони еще метров пятьсот!

Смердов прослушал все утренние переговоры дежурной части.

«Указание — «Освободить Анчиполовского!» — не за-

фискировано! А по смыслу — дежурный должен был записать его в первую очередь. Выходит, за «Анчиполовским» приезжали!»

Майор об этом не докладывал.

«Никому нельзя верить!»

Все снова упиралось в фальшивого Анчиполовского и человека, которому он на рассвете звонил домой — в здание, обслуживаемое Управделами ЦК КПСС.

Бакланов и постовой 46-го ждали на Чернышевского, в центре, перед рестораном.

Игумнов увидел их еще издали.

У «Готовой одежды» толпа выперла на проезжую часть. Машины шли медленно. В магазине шла распродажа дефицитных товаров для организаций.

— Привет.

Гаишник представил его. Постовой назвал себя сам:

— Крысин Анатолий.

— Не пускают? — Игумнов шутейно кивнул на ресторан.

Заведение было не из особо престижных, однако на дверях висела табличка:

«Мест нет».

Ниже виднелась и другая:

«Матери-героини пропускаются вне очереди».

Крысин усмехнулся:

— Будто матерям-героиням есть время для ресторанов... — круглолицый, аккуратный, он словно сошел с плаката «Сила милиции — в связи с народом».

«Только фамилия подвела...» — подумал Игумнов.

— Это нас с тобой не пустят!.. — Бакланов уже направлял разговор. — А Анатолия сюда под ручки введут...

— Как так? — Игумнов блеснул металлическим рядом.

— Пока тебя ждал, все разведаль! Крысина весь ЦК знает! И лично члены Политбюро. Точно?

Постовой улыбнулся:

— Пожалуй.

— Пост его — у центрального подъезда. На Старой площади. А здесь он сейчас — на усилении, — Бакланов кивнул на магазин.

Короткая цепочка милиции с трудом сдерживала толпу.

— Служба там колготная... — Бакланов развил тему. — Помнишь Восьмое отделение на спецтрассе? Выбежит

какой-нибудь — а тут правительственная машина. А то — кортеж! И Первое Лицо едет! Тут и ловчи, гайшник!

— Здесь даже посерьезнее, — солидно заметил Крысин. Бакланов угостил его сигаретой. — Могут и с лозунгами объявиться.

— Бывает?

— Сколько хотите. Так, вроде прохожие, а в последнюю минуту — и лозунги антисоветского содержания, и транспаранты. А то — националы.

— Тяжелый пост!

Крысин полностью вошел в тему.

— И смотри — чтоб какой-нибудь гад не облил тебя кислотой или себя не поджег. А то еще психи! Каждый день два инструктажа. Свое начальство и Комитет.

— Так ведь двойной тягой... — «МО-14562» достал жвачку. — Милиция и комитетчики. Так?

— У Главного здания изнутри — Комитет государственной безопасности СССР, — уточнил Крысин, — по другую — мы. Сорок шестое! А вообще, как один наряд! Задача общая.

Бакланов промолчал — вроде обдумывал. На деле — выпускал розыскника.

Игумнов не заставил себя ждать.

— У меня, между прочим, знакомый. Тоже у центрального входа. С их стороны... Может, ты даже знаешь...

Он оставил паузу, в которую так естественно теперь вписывался вопрос Крысина:

«Кто же это? Я их там всех знаю...» И его собственный ответ: «Виталий!..»

Но Крысин только улыбнулся.

— Хороший тоже мужик... — Игумнов повторил заход.

— Можно сказать, отличный. Да ты, наверное, его знаешь!

Снова — улыбчивое молчание.

Игумнов понял:

«Табу. Братство стоящих на воротах. О Комитете государственной безопасности СССР Крысин вести речь не будет. Можно было уезжать».

Толпа у «Готовой одежды» не редела. Донесся короткий свисток: «На помощь!»

Крысин махнул рукой:

— Я погнал!

Для них тоже нашлась работа.

У баклановской машины толпа коротко всколыхнулась. Передние нажали на задних.

Кто-то упал.

— Позволь! — Игумнов и гаишник пробились к эпицентру волнения.

С тротуара поднимался человек. Лицо было в крови, русые волосы разметались.

— В чем дело! — гаркнул Бакланов.

Несколько мужчин — по виду южане — угрожающе сдвинулись за их спинами — немногословные, с руками — одинаково на животах, в карманах.

Приезжих было человек двадцать. Один из них, как приказал, Бакланову:

— Спроси, что он на нас сказал! Пусть повторит.

При виде ментов русак воспрял духом:

— Пристали — «Продай талон на распродажу!» Да пусть валят к себе — и там командуют!

— Ты сам предложил!

Кольцо вокруг сжалось.

Потерпевший не чувствовал опасности, тыкал пальцем:

— Этот ударил! И вон тех двоих возьмите... А главный у них — с маленькими усиками!

Игумнов прервал его:

— В машину!

— Я? — мужик опешил.

— И быстро... — Игумнов дернул его за рукав, Бакланов — огромный, в белых ремнях — прикрыл сзади.

— Эх вы, милиция!

Южане заулюлюкали:

— Так-то лучше, мужик!

Гнев потерпевшего обратился на милицию.

— Сколько же они вам платят, черные, что вы их защищаете!..

Бакланов заложил глубокий вираж. Ему давали дорогу.

Через минуту-другую они снова остановились у «Готовой одежды». По другую сторону.

Бакланов перегнулся через сиденье:

— Выходи! И знай, с кем связываешься!

— Пошли вы! Продажные менты!.. — мужик не был благодарен. — На распродаже уже и брать нечего — чего я жене скажу?!

— Если б не продажные менты, — скажи, — нашла б ты меня сегодня в реанимации!

Когда Авгурова проснулась, было уже светло. Она

быстро собралась, прошла в кафе. Обитатели кают уже завтракали. Авгуровой подали континентальный завтрак — кофе со сливками, сыр, масло и круассон. Все свежее, в мизерных порциях.

Авгурова ела неспеша.

В кафе то и дело заглядывали соотечественники. Ждали, когда начнут возвращать паспорта, чтобы первыми сойти на берег.

С прибытием парома в Лимассоль жизнь их снова превращалась в гонку, доставание мест, билетов, дешевых средств перемещения.

Была пятница, агенство Аэрофлота в Никосии закрылось рано. Многим предстояло ночевать в аэропорту Ларнака либо платить шесть долларов за гостиницу «Лиго», известную всем плившим в Израиль.

— Несут!.. — раздалось из коридора.

Процедура вручения паспортов классным пассажирам заняла несколько минут. Паром причалил. Провожаемая завистливыми взглядами сограждан, мгновенно угадавших в ней свою, Авгурова спустилась в трюм.

Другой контрразведчик, на этот раз киприот, приказал положить сумку с колесиками на тележку с вещами других пассажиров. О взрывных устройствах речи больше не было. Валюта контрразведчика тоже не интересовала. В крайнем случае, наркотики.

— Плиз!

— Сенк ю.

Оставалась кипрская таможня. Здание ее находилось примерно в сотне метров.

Авгурова вошла неспеша, на ходу присмотрелась. Справа был зал с шопами, по бросовым ценам торговавшими электроникой и радиоаппаратурой. На стене висели два телефона-автомата.

Вначале она подошла к автоматам. Осмотрелась.

Таможенников было трое. Первым стоял пожилой грек, в вещах он почти не копался. Двое других были молодые, энергичные.

Авгурова выбрала старика, подошла, поздоровалась. Он махнул рукой, не глядя поставил на сумке мелком какую-то закорючку.

Авгурова вернулась к автоматам. Двухцентовые кипрские монеты она везла еще из Москвы. Подождала, пока уйдет мужчина, дозванивавшийся до Аэрофлота в Никосии. Набрала нужный номер.

— Аллоу! — раздалось на том конце.

— Здравствуйте! Я приехала...

— Очень хорошо... Слушайте! Там кафе. Оно единственное. Ошибиться невозможно. Через час я буду. Номер пускарик московского университета Патриса Лумумбы, собеседник, отлично говорил по-русски. — До встречи...

Кафе оказалось сразу же за дверью — навес с буфетом и стойкой. Несколько таксистов в углу. Работы им не предвиделось, направлявшиеся в Союз с коробками, чемоданами тащились за угол, к микроавтобусам.

— При-вет! — услышала она вдруг. Авгурова узнала голос, осточертевший ей за время поездки.

Фрида важно курила рядом с довольно громоздким багажом из коробок и чемоданов.

— Тому подарок, тому сувенир! Все просят... И никому не откажешь! Вы тут с друзьями?

— Да. Муж приятельницы...

— Может, он возьмет меня в Никосию?

— Мне не очень удобно... — Авгурова улыбнулась как можно приветливее. — Извините, Фрида.

Стальная дверь в квартиру открылась знакомо-легко и бесшумно. На этот раз ее открыли изнутри.

Квартирант Джабаровый приветствовал Игумнова на пороге.

— Добрый день!

— Добрый...

— Заходил участковый, — Игумнов выступал снова в роли соседа. — Просил вас оставить сведения о себе. Кажется, ему достаточно визитной карточки.

— Проходите.

Через несколько минут они уже сидели за симпатичным, с пластиковым покрытием столиком в кухне.

— ...Американский империализм в нашем регионе ставит на Турцию и Израиль! — Все попытки уйти от политики потерпели фиаско — Игумнов сдался. — ...Мой брат и я — оба выпускники университета Лумумбы. У себя, на Кипре, нам ни за что бы не получить ни образования, ни работы. Мы как коммунисты обязаны раскрывать людям преимущества социализма.

— Брат тоже здесь?

— В Никосии.

Романиди вскипятит воду, выставил банку гранулированного кофе.

— Социализм — это будущее! Запомните! Мне как-то

пришлось служить по контракту на руднике. В Замбии, у мастера-расиста...

Он поставил на стол начатую бутылку коньяка, две рюмки. Из холодильника появилась тарелка с маслинами.

— Негры у него работали из-под палки!

Киприот был сильно политизирован, не в пример Игумнову и, вообще, ментам.

«Издавека всегда все по-другому! И Брежнев, и Андропов с Черненко!..

Они выпили.

— Надолго в Союз?

Вопросы Игумнова можно было рассматривать как долг вежливости.

— Месячный курс для братских партий. При Академии общественных наук.

— Функционеры?

— Единомышленники. У себя я веду семинары по истории рабочего движения...

— Могли бы предоставить и жилье!

— Мне и предоставили. Целые апартаменты! — они еще выпили. — На Кипре у меня много хуже!

— Тогда почему же! — Игумнов обвел глазами кухню.

— Романтические отношения... — киприот подмигнул. — Одна очень милая девушка. С университетских годов. С Лумумбы... Теперь уже мужняя жена...

— Так это она познакомила вас с Сергеем Джабаровым!

— Не-ет! Джабаров сам меня нашел... Еще по пять грамм? — Романиди в совершенстве владел застольной терминологией. — Кто-то из общих знакомых рассказал ему о моих трудностях. Преклоняюсь перед вашими людьми! — он поднял рюмку. — За их процветание!

Киприот приятно и легко пьянел:

— На старые дрожжи!

— Утром вид у вас был плачевный, — Игумнов рискнул. — Я обратил внимание... И одежда. Словно во всем не своем!

Романиди потянулся за коньяком, каждый раз он наливал чуть-чуть — на самое дно.

— Капиталистическая манера — не считаться с простыми людьми. Вызов! Бессознательно толкаем их на стихийную экспроприацию. Да мы виноваты перед этим людьми больше, чем они перед нами!

— Грабежи! У нас это бывает.

Романиди запротестовал:

— В Соединенных Штатах преступность на несколько порядков выше! В Гарлеме даже днем нельзя быть спокойным за свою жизнь. Я сам виноват. Выпил. И ничего не помню.

— Надо обязательно заявить! В милиции были?

— Был! Но! — он как раз выпил, замахал рукой, державшей маслину. — Я и в милиции сказал: «Никакого производства!» Они меня поняли. Одели, как смогли, напоили чаем. Отправили. На Кипре я бы помучился... Меня бы еще и оштрафовали!

— Много пропало?

— Только одежда... Да! И ключи.

— Как же вы попали в квартиру?

— Жена Джабарова была на работе. Я позвонил — она привезла свои... И вот мы с вами сидим! — он снова махнул рукой. — Но какая охота была!

— Где же это?

— Специальное охотхозяйство, — Романиди объяснил: — Интернациональный клуб любителей охоты. Мы, киприоты, кстати, играем в нем заметную роль. За относительно умеренные деньги в валюте — охота, сауна...

«Интересно, знает ли он о месте пребывания мафиози...»

Прощаясь, Игумнов кивнул на здоровенные гантели в углу:

— Джабаров не демонстрировал свои рекорды?..

— Мы знакомы только заочно. По телефону...

— Вы не виделись? — Игумнов и не предполагал такое. — А ключи?

— Все через жену! Через Люсю!

«Тут не то... — Игумнов сразу понял: — Звонил кто-то другой!»

Таинственное исчезновение мафиози представлялось более чем подозрительным.

В коридоре Игумнов задержался.

Рядом с ключами, которые он видел утром, висела еще связка. Одного взгляда на нее достаточно было, чтобы заметить:

«Дубликаты. Болванки другие! И без фирменных знаков!»

Больница спала.

Бородач — хирург из приемного отделения внизу вызвался посодействовать, он был чуточку поддатый.

Смердов и опер-алтаец двинулись за ним. Лифт под-
нял их на пятый, к блоку интенсивной терапии. Длинный,
метров на триста коридор был темен. Островками свети-
лись настольные лампы на постах у ночных сестер. Сами
медсестры отсутствовали.

— Сюда... — позвал хирург.

Раненый лежал у окна под капельницей, он слышал,
как скрипнула дверь, открыл глаза.

— Лежи, лежи... — сказал Смердов.

Все трое подошли к кровати.

— Мы на два слова! — Смердов говорил жестко. —
Преступник, который тебя подрезал, задержан. Он у нас.
Надо бы кое-что уточнить.

— Я сказал... — чуть слышно прошептал раненый.

— А именно?

— Упал я!

Смердов прервал грубо:

— Мозги нам не парь, малый!

— Я сказал...

— Доктор, — Смердов обернулся к хирургу. — Вы
посмотрите пока других больных. А мы пошепчемся...

Бородач конфузливо улыбнулся. Две палаты интен-
сивной терапии были соединены общей прихожей.

— Хорошо...

— Прикрой дверь, — скомандовал Смердов, едва хи-
рург вышел.

Опер отошел к двери.

— А ну, быстро! — приказал Смердов. — А то я
посмотрю, какой ты перой, если тебе швы распустить...
Ну!

Он поднял одеяло. Справа на животе белела наклейка.

— Быстро! — наклейка была уже в руке у Смердова.
Безобразный шов заканчивался коротким шнурком. —
Быстро! Он высокий? Среднего роста?

Смердов уже держал конец шнурка.

— Ну!

Раненый сдался.

— Среднего.

— Давно бы так. Немолодой?

— Да. Худощавый.

— А одет?

— В осеннем пальто...

— За что он тебя?

— Сам полез. Пьяный.

— Опознать сможешь?

— Да.
— Ладно, — Смердов прихлопнул наклейку. Раненый застонал.
Вошел хирург.
— У вас все?
— Да, уходим. Где у вас телефон — чтоб поменьше ушей. Фу, черт! — Смердов чуть не сбил капельницу.
— В ординаторской — спят...
— А автомат?
— Травма конечностей. Там совсем мало звонят. Все лежащие...

12

Съезд закрылся торжественно. Заключительным словом. Коллективным пением «Интернационала». «Бурными, долго не смолкающими аплодисментами».

Зарубежным делегациям еще предстояли поездки по стране. Встречи с трудящимися. Представительство.

Большинство своих — передовые рабочие, доярки, учителя — уезжали сразу. Для них праздник заканчивался одномоментно и навсегда. Почти никто не пожелал задержаться в столице хотя бы на сутки. Впрочем, отъезд их был заранее расписан. Повагонно, пополочно.

Вокзал снова был выдраен, оцеплен. Сновали черные «Волги». Транспортная милиция отсвечивала парадными кашне и белыми сорочками.

Бакланов проехал вдоль перрона, подвез Игумнова к новомосковскому поезду.

Надя ждала их у вагона.

— Есть новости...

Она протянула форменную справку Главного научно-исследовательского Центра управления информацией, в просторечьи — Первого спецотдела МВД, ведавшего регистрацией привлеченных к уголовной ответственности.

— Волоков судимый, ребята... Я читала приговор. Бывший работник розыска. Он избил подозреваемого.

— На допросе?

— Да. В итоге три года привлечения к труду На общих основаниях.

— Опер?

— Старший оперуполномоченный розыска 33-го...

— Этого следовало ожидать... — Игумнов быстро проглядел бумагу Информационного центра. — Его друзья, наверняка, тоже из 33-го... Они могли пройти по уголовному делу как свидетели. Волоков признался?

— Нет. И никого не назвал.

— А того в чем подозревали?

— Там была серия крупных квартирных краж. Потом ему все-таки доказали. Осудили на шесть лет. Но суд не принял Волокову как смягчающее его вину...

Подошедший Цуканов заметил:

— Вот если бы прихватили заодно и квартиру судьи, эффект был бы другой!

— Муса приехал?

В мастерской на Каляевской, которую упомянул Катала, заказ Джабарова действительно значился. Игумнову показали копию наряда на установление ему двери повышенной прочности.

— Вон они тусуются...

Игумнов взглянул вдоль платформы.

Алые транспаранты и машины выпадали из куцей цветовой гаммы станции. Бетонно-серый отлив шпал. Подтаявшее междупутье. Пригородные поезда цвета первых красноармейских тачанок.

У табло, в конце состава, виднелась кучка мужчин, вещей при них не было. Он разглядел центрального.

«Муса...»

Катала тоже узнал ментов, показал приятелям.

Принудительный привод и зорек следователя возбудить уголовное дело поубавили ему спеси.

Команда, однако, судя по ее многочисленности, настроена была воинственно. Игумнов разглядел охранника, которого он в последний раз видел у кафе — «метр с кепкой», он и теперь что-то держал на плече — то ли зонт, то ли трубу.

— Качан тут? — спросил Игумнов.

Цуканов его не видел.

— Попробуй, пожалуйста, разыскать... И еще. Надо отвезти с вокзала Николу!

— Борис... — обычно в выходные Верка звонила по городскому телефону, на этот раз звонок раздался по местному.

— Ты где?

— В депутатской... Зайди на минуту! — Качану показалось, она расстроена.

— Иду.

Было непонятно — что делала Верка в депутатской.

Сам Качан за время службы был в ней всего несколько раз — смотрел футбол. Большая гостиная, цветной телевизор, электрический самовар на столике. В холодильнике — неприкосновенный депутатский запас: печенье, «боржоми» и конфеты. Входная дверь на запоре.

Звонок задребезжал прерывисто, несильно. Дверь открыла дежурная, низкорослая, с сединой, перекрашенной — ни о чем не спросила, заперла дверь, поплыла по широкому коридору в гостиную — тучная, в красном берете, длинной черной шинели, словно вытянутой на укороченный сверху контрабас.

В гостиной было пасмурно: свет с улицы едва проникал сквозь плотные шторы.

Первой, кого Качан увидел, оказалась Динка, механик Веркиной смены — добродушная бесцветная уродка.

Динка стояла у двери. В торце длинного стола сидела с зареванной физиономией Верка. Лицо у нее было красное — ревела она, видно, давно. Увидев Качана, потекла снова.

Дальше, в коридоре подсобного помещения, виднелась пышная блондинка средних лет. Борька ее сразу узнал:

«Веркина мать... А эта еще зачем?»

У окна, за письменным столом сидел мужик — рыжий, с острыми чертами лица, с глубокими провалами глазниц.

Качан подошел ближе.

— Узнал?

— Транспортное КГБ? — Качан не был уверен. — Козлов?

— Знаешь, значит! Да ты садись!

Качан подвинул стул.

— Девочки, вы пока пройдите... Ты — туда, — Козлов показал Динке на внутреннее помещение, — а ты, Вера, в коридор. Там стул. Скоро будете свободны.

Дежурная по депутатской исчезла еще раньше — неслышно растворилась вместе с шинелью, рыже-седыми прядями и сплюснутым контрабасом.

— Кто-нибудь знает, что ты здесь? — спросил Козлов.

— Нет.

— Ну и хорошо... Поговорим, как мужики, и никто ничего не узнает! Прошлой ночью Верка приезжала к тебе?

«Вот оно что...» — он успокоился.

— А зачем она ко мне поедет?

— Я не спрашиваю — «зачем»? Приезжала или не приезжала?

— Нет.

— После волгоградского... Ключ от ячеек Горячкиной оставили. Дине. Может, напомнить? Да лучше она тебе сама скажет. Быстрее будет. Вера!

Из коридора появилась заплаканная Верка.

— Было? — Комитетчик поднял бумаги со стола. —

Здесь все правильно записано?

Верка кивнула; на Качана она старалась не смотреть.

— Посиди...

Верка снова вышла.

— Тут две семьи можно разбить. Твою и ее. А зачем?

Кому это нужно? Так?

— Так.

— А можно, что никто не узнает. Это уж как мы с тобой решим... Если найдем общий язык! Найдем? Как считаешь?

— Не знаю.

— Что же она? Врет?

Качан пожал плечами.

— Вера!

Верка снова появилась в дверях.

— Друг-то твой! Говорит: врешь на него!

Верка зашмыгала носом.

— Может, ты все выдумала?! — картина была тягостная. Козлов был никудышный психолог. — А?

— Не-ет...

— Я верю... — он принялся снова за Качана. — Она описывает, где ты живешь. Дом, квартиру...

— Может, кто ей рассказал? — Качан пожал плечами.

— Ну, ты нахал!.. Да мне стоит только позвонить твоей жене и ее мужу. Знаешь, что тут сейчас произойдет?

Качан легко представил. Во время домашних сцен он то прикрывал дверь, чтобы жена не выбежала на лестницу, то форточку — чтобы не слышали внизу, у магазина. Валька была истеричной, присутствие посторонних ее только подстрекало. Да и Веркин муж, судя по рассказам, был тот еще хлюст.

— У нее же маленький ребенок!

— Поэтому лучше, чтоб миром. Согласен?

Качан не поднял головы.

«Попал ты, Борька... Потому что сначала делаешь, потом думаешь! И с кем ты общаешься — все такие. Выпьете пять грамм — и нет удержу!»

В первый раз с Веркой тоже было по пьянке. Пассажир ехал из Германии, поставил чемодан, просил посмотреть: вещи все дорогие. Расплатился коньяком. Тут и распили всей сменой.

— Давай по-хорошему, Качан. Делегаты уже на подходе. Я ведь не могу долго тобой заниматься. Кончится терпение — знаешь, что будет?

Качан промолчал.

— Динка наберет телефон мужа и все расскажет! Последний раз спрашиваю.

Качан не ответил.

— Дина! — крикнул Козлов. — Горячкина!

Уродка вошла. Маленькая, плоскогрудая, ноги — палки.

— Я дам команду — и ты позвонишь Сергею... Скажешь ему, как все было в последнюю ночь. Поняла?

— Поняла! — у уродки в глазах мелькнуло жестокое любопытство. Она ждала продолжения.

— Там, в коридоре, телефон.

— Я знаю.

— Иди. Я крикну... А потом позвонишь его жене. Телефон есть?

— Я записала.

— Все.

Она послушно вышла.

— Не вынуждай. Давай, Качан... Все будет хорошо. Не мне это нужно! Одно дело делаем в конце концов, — он взглянул на часы — время подпирало. — Ведь правда?

— Ну!

— Мне не надо твоего признания, Качан! Нужно взаимное доверие. Было дело?

Качан не ответил.

— Было или нет?

— Нет.

Козлова передернуло.

— Гнать вас надо отсюда всех! Поганой метлой! Верно?

— Со стороны виднее, — Качан пожал плечами.

— «Виднее!» Какая от вас борьба с преступностью! Да что я с тобой церемонюсь?! Валерия Александровна!

Появилась Веркина мать.

— Слышали?

— Я все слышала... — по лицу ее растеклась краска. — Простите, Александр Сергеевич! Дура еще!

— О себе не хочешь думать, о них подумай... — Козлов ткнул пальцем. — Тебе жалко их? Ну? Говори! Приезжала она к тебе?

Веркина мать отвернулась.

— Нет.

— Горячкина!

Та уже стояла в дверях.

— Звони!

Веркина мать взвыла. На письменном столе зазвенели разной продолжительности звоночки. Аппарат был параллельный.

Качан поднялся, пошел к дверям.

— Если б моя дура стояла на своем, — буркнула Веркина мать, — ни в жизнь им ничего не доказать...

Никола торчал на втором этаже, в зале для транзитников. Народу было немного. По поднятому к потолку телевизору передавали все ту же бесконечную говорильню.

«Неужели не надоело... В натуре!»

Съезд Николу не колебал; он знал главное по жизни:

«Вор — украдет, фраер — заработает».

Отсюда и мысли каждого должны быть всегда только существенные:

«Для фраера — как заработать? Вору — как украсть?»

Занятия эти не следовало путать: вора — вкалывать, фраерам — воровать.

Для фраеров, которые все же решались красть, менты держали в зале ловушку — уже несколько часов у стены стоял чемодан с сюрпризом. Упакованный, с уздечкой. На колесиках.

Карпец — младший инспектор, работавший со спецчемоданом, сидел ближе к экрану и ухом не вел: вой, если бы чемодан потащили, мог поднять и покойника.

Было в зале много и других тихушников — с газетками, с книжками.

«Книги берут, а не разворачивают! Тебя ж не читать послали!»

Контора зыркала по сторонам. Никола старался не встречаться взглядом...

«...По телеку показывали, — он еще в зоне видел, — захват или омон — лица у ментов не закрыты. Запоминай, мол! И только на глазах — ма-а-аленькая полоска! И хрен узнаешь!»

За окном уже горели светильники.

Никола видел, как вдоль перрона проехала патрульная машина ГАИ.

«Игумнов вернулся. Есть новости...»

Мимо главной лестницы Никола прошел к боковой — тихой, со сплошным бордюром, отделенным мраморной плиткой. Лестница делала два крутых колена, и дальше терялась в лабиринте административных помещений. Людей тут было мало. Вор только ей и пользовался.

Спуститься не успел. Гибкий, с вытянутым черепом, с грубыми, выдававшимися вперед надбровьями мужик поднимался навстречу.

— Привет!

Никола узнал Ярославского Залетного. Рядом следовал другой знакомец — коренастый кавказец с усами. Катала. «Эдик!..»

Никола с ним тоже сидел. В Истре. За нанесение телесного повреждения. Дело тогда замяли. От каталы и потянулась ниточка к ночным убийцам, таксистам — охотникам на женщин. Кавказец, естественно, об этом не догадывался.

— Ты на воле? — он не удивился. — Человека зарезал и не сидишь!

За Залетным и Эдиком поднималось еще несколько их кентов. Шедший последним — низкорослый, в тесном пиджаке нес на плече короткий, в черном чехле зонт.

— Зачем мне сидеть? — сказал вор. — Пусть мусор сидит...

— Надо разобраться!

— Воры есть среди вас? — Никола не ждал ничего хорошего от этой встречи. — С вором могу объясниться!

Игумнов разговаривал с Мусой у себя в кабинете.

Кавказец был горд собой.

— На очной ставке этого таксиста чуть не прибил, гада... — Муса вертанул плечами под неохватной курткой. — Девочку душишь! Моли Аллаха, что на воле не встретился!..

Игумнов знал об этом: следователь-женщина звонила — благодарила за помощь.

— ...Ты же, говорю, был тогда вместе с твоим кентом, который рассказал про кольцо!..

Игумнов больше помалкивал — он вызвал каталу не за тем.

— ...За рулем сидел! Не забыл?

Внезапно Муса замолчал — внимание его привлекла пепельница на столе — плоская чаша, грубая подделка под хрусталь. Игумнов держал в ней скрепки, милицейскую галантерею.

Катала даже подался вперед.

«Узнал...»

Поверх скрепок, затупленных лезвий, металлических пуговиц лежали два фирменных ключа.

— Откуда они у тебя, начальник! — Муса протянул руку.

— Коллекционирую.

— Нет, серьезно!

Он и не пытался скрыть заинтересованность.

— Приходилось видеть?

Муса колебался:

— Это ключи Сергея Джабарова... — Муса перегнулся, полновесный живот атлета налез на край стола.

— Ты видел его замки?

— Я сам заказывал. И дверь, и замки.

— Сколько было ключей? Помнишь?

— Три пары...

В квитанции заказа значилось то же:

«Импортный замок с тремя парами ключей...»

Один — у Люськи.

Один — в прихожей. На гвоздике.

И эти!

На перроне загремело радио: кому-то пришла идея транслировать закрытие съезда непосредственно на платформы.

«Все фирменные ключи на месте... Джабаров и при желании не попадет в свою квартиру. Но, может, кто-то считал, что они ему больше не понадобятся!»

Разборка началась тут же, у лестницы.

— Алексея помнишь? — спросил катала. — Он с нами был в камере... Как разговор наш наверх попал? А ведь мы только трое сидели...

— Вас кинули ко мне? — у Николы был существенный аргумент в его пользу. Менты, как правило, сажали первым в камеру своего человека. Обосновавшийся получал, таким образом, неоспоримое преимущество старожила. — Или меня к вам?

Он намеренно обходил Залетного, поскольку рассчитывал на его помощь.

При разборке могли всплыть обстоятельства, скрытые

им от кентов. В частности, как сам Залетный оказался в 33-ем...

Но катала только отмахнулся.

— От Алексея к с и в а пришла. Следовательно ему прямо сказал, кто его вложил. И почему ты на свободе! Управление на транспорте! Вот!..

«Продажные менты...»

— ...Меня самого взяли в гостинице в ту же ночь! А кто знал, что я там? Ты и Алексей! Но Алексей сидит!

Никола выругался.

— Да в московских гостиницах вертухай на вертухае!

— Менты приехали четко за мной! Знали про пистолет!

— Они тебе что хочешь скажут!

— У меня там баба — администратор. Я ей плачу. А брали меня транспортные менты. С этого вокзала. Фиксатый. Начальник ментовки.

Кавказец негромко добавил по-своему.

Никола погибал. В огромном, набитом конторой, зале ни один гад не смотрел по сторонам — только на Съезд в телевизоре.

Богатый чемодан-ловушка все стоял у стены.

«Хоть бы кто-нибудь поднял...» Пронзительная сирена мгновенно вспорола бы тишину.

Каталы взяли Николу в кольцо — даже при желании он не смог бы теперь вырваться.

«Вот как бывает...»

Из десятков разборок выходил он невредимым, незапятнанным, авторитетом, никогда — с пацанов — не знал страха за жизнь.

Что-то в нем дрогнуло.

— погоди! — он обернулся к Залетному. — Ты — вор! Я вижу людей... Скажи слово!

Залетный был сейчас союзником по жизни — когда-нибудь его ждало то же.

«И начальство в 33-м не погладят по головке, если их человек участвовал в мокрухе...» — Никола не сомневался в намерениях бригады.

— Я лично к тебе ничего не имею... — Залетный покачал головой.

— С тобой тоже еще разберемся!

Катала кивнул мужичку с зонтом.

Короткая металлическая трубка в черном чехле с виду несильно коснулась шеи вора.

Голова его вдруг свалилась набок, повисла на одной коже, как сбитая верхушка на сломанном стебле.

— Уходим! — скомандовал Эдик.

— Этого мужика ты видел? — Игумнов достал из стола фотографию Волока.

Муса сразу его узнал:

— Он меня брал в «Аленьком цветочке»... Это мент! Лейтенант милиции... Я убежал от них! Из машины!

— Он был за рулем?

— За рулем был другой. В пуловере, невысокого роста...

Их прервал зуммер из дежурной части — звонил Картузов:

— Цуканов у тебя?

— Нет.

Оба вели себя так, будто не было никакого рапорта Игумнова, все шло заведенным порядком.

Картузов помолчал. В паузу ворвался голос дежурного, он обзванивал офицеров:

— Весь личный состав на митинг! Одобрение принятых Съездом решений...

Митинг должен был плавно перейти в инструктаж, очередное Большое Сидение и далее в проводы делегаций.

— Всем обязательно!

— А Качан? — Картузов был чем-то обеспокоен.

— На вокзале. Что-то случилось?

— Подобрали твоего человека... На лестнице. В бессознательном состоянии.

— Николая Ивановича?

— Да. Черепная травма. Вызвали «скорую»...

— Я с ним поеду!

— Нет! — у Картузова было все продумано — он потому и звонил. — Поедут Качан или Цуканов! Ты тут нужен! Скубилин уже выехал. Со всем синклитом. Минут через двадцать будут здесь!

— Куда наряд у «скорой»? — крикнул Игумнов.

— В Седьмую больницу! На Каширку! Все! Ищи Качана! — это относилось уже к дежурному. Картузов бросил трубку.

Когда раздался звонок, генерал Скубилин пил жидкий чай с лимоном, который заварил для него лично его голубой помощник.

— Ты радио слушал сегодня? — спросил Жернаков в трубку.

— Нет, Борис Иванович. Не слушал. А что?

— Про твоего Саидова передавали. Транспортный прокурор освободил его из-под стражи. Сам приехал в Бутырку к нему извиняться!

— Вот осел!

Скубилин хитрил: перед поездкой в тюрьму ему звонили. Все тот же заместитель транспортного прокурора. На этот раз не судачили ни о парилке, ни о детективах.

— Я узнавал на Радио... — зам был в прострации от случившегося. — Там тоже все в полном недоумении. Кто поставил материал? И, заметьте, какой ракурс! Такое решают на уровне зампреда. С подачи ЦК! «За продажного мясника вступился прокурор дороги! А героя — молодого оперуполномоченного — уперли в следственный изолятор!..»

Жернаков тоже недоумевал:

— Кто-то шибко надавил сверху. Так или иначе, придется тебе Саидова восстанавливать.

— Что происходит, Борис Иванович? — сфальшивил Скубилин. — Объясните!

— Съезд заканчивается. А значит, завтра — или мы их, или они!

— С жалобой насчет дачи не решили?

— Ильин взял себе. «Для подготовки проекта заключения...» Доволен, сукин сын. Что делать собираешься? — спросил еще замминистра.

— Хочешь — не хочешь — а надо на вокзалы. Проводы избранников Партии. Служба есть служба!

— Тут ты прав! Никто другой за нас это не сделает. Держи руку на пульсе!

Скубилин положил трубку, допил чай, поднялся.

По телевизору давали отрывки из доклада председателя мандатной комиссии.

Привычно показав генсеку — «убедительно раскрыты...», «научный анализ...», «по-ленински откровенно и глубоко...» — оратор дальше курил фимиам всем подряд. — «Нерушимая дружба»... «Совершенствованию социализма на многие годы вперед...»

Он вырубил Разумовского.

«С Саидовым прояснится, — Скубилин не предполагал, какие силы стоят за молодым горцем. — Сейчас это модно — лить грязь на правоохранительные органы. Такое время. Играют на чувствах толпы...»

Звонок замминистра на этот раз его не расстроил.

Расстановка сил в борьбе с Ильиным, Авгуровым и всей их кодлой изменилась. И не в пользу последних.

«Жернакову об этом пока неизвестно!»

Полученная накануне информация была из первых рук:

«Четвертое управление КГБ — контрразведка на транспорте — вплотную занялась частно-предпринимательской деятельностью Авгурова и его близких».

Источником был уволенный комитетский генерал Зорин, бывший начальник Козлова.

«Небольшая, но теплая компания: поп, становой пристав, трое блядей и я... — он был доволен. Снова включил телевизор. — А теперь посмотрим: чья возьмет? Отдел Административных органов или Комитет государственной безопасности!»

Скубилин подошел к вешалке, приготовился переэкипироваться по-генеральски.

Он не собирался оставаться пассивным созерцателем единоборства начальника транспортного КГБ с его врагом и конкурентом Авгуровым.

«Транспортная милиция еще скажет свое слово! Я тоже обещаю сюрприз... И тебе, и Ильину!»

Провожатые — Сократис и Нина Романиди — приятные, интеллигентные люди — привезли Авгурову в аэропорт Ларнака поздно вечером. Прямо из ресторана.

В аэропорту супруги извинились. Они не могли присутствовать при посадке. Утром обоим следовало быть на службе: ему — в отделении Общества дружбы, она преподавала марксистскую философию в партийной школе в Никосии.

— К сожалению, не удалось никак подыскать замену, — выпускники Лумумбы, они говорили по-русски с небольшим акцентом.

— Я прекрасно одна уеду!

Они еще посидели в открытом кафе, на крыше здания аэропорта.

Было начало марта, вечер выдался исключительно теплый. Красные черепичные крыши вдали напомнили Израиль. Как и смуглые кипрские школьники. Они проходили к автобусам, в руках дети несли транспаранты.

— Дети протестуют против турецкой оккупации острова, — объяснил Романиди. — Но туркам — это как дробь слону! Турция и Израиль — сейчас два главных палача на Ближнем Востоке!

Новые друзья придерживались жесткой ориентации времен Московского фестиваля демократической молодежи.

Авгурова попыталась сменить разговор:

— И не опасно для детей? Вот так... С плакатами!

— Вообще-то у нас спокойно. Было, по крайней мере. Пока не открылся великий этот морской путь Лимас-соль — Хайфа...

Супруги неодобрительно относились к новым веяниям в регионе, к транзитникам, к заигрыванию Комитета сторонниц антивоенного движения с сионистским государством.

— Им дай палец, они всю руку отхватят! Я эту публику знаю. У нас они тоже хотели поднять голову.

Жену интересовало другое:

— Не перегибают у вас с гласностью? Иногда в ваших газетах такое, что мы, коммунисты, тут просто не знаем, как объяснять людям... — она развела руками. — Вот сейчас! В докладе Горбачева. Опять — Узбекистан, Киргизия...

— Наша буржуазная пресса уже основательно погрела на этом руки. Может, хватит? — Сократис взглянул на часы. Их циферблат украшало цветное изображение Саддама Хусейна. — Ну! Удачи!

Романиди помогли ей спустить вещи на первый — основной — этаж, погрузили сумку в никелированную тележку.

— Я говорил с нашими друзьями из аэропорта. Все будет в порядке...

После отъезда супругов время пошло быстрее. В зале появились еще соотечественники, шумно между собой заговорили.

«Наша беспардонность, — подумала Авгурова, — спросил — и не дослушал. Уже неинтересно! Перебил — вмешался...»

В общественном туалете — безукоризненно чистом, пустоватом — соотечественницы сматывали в невероятном количестве белоснежную мягкую туалетную бумагу. У телефонов-автоматов бухарский парикмахер-еврей прилаживал к розетке электрический кипятильник: готовился заварить зеленый чай.

Шел второй час ночи. Регистрация пассажиров на рейс 341-СУ Ларнака — Москва задерживалась. Стойку «Аэрофлота» еще с вечера облепили желающие лететь — все те же бедолаги, плывшие вместе с Авгуровой на пароме из

Хайфы. Они составляли списки, устанавливали очередь. Ни у одного билет не был заранее закомпостирован.

Авгурова ждала. Романиди предупредили: к ней пойдут, пригласят к стойке.

«Ни о чем не беспокойтесь!..»

Объявляли об отправлении очередных рейсов. Мимо Авгуровой пробежали две хорошенькие маленькие сучки с румынского рейса. Полненькие, в сапогах с длинными шнурками. У обеих в руках были огромные куклы. Девочек ошмонала полиция, они побросали кое-как вещи и волочили сумки за собой по мраморной плитке.

«Что уж они там везли?! Противозачаточные средства в немыслимом количестве? Наркотики?»

Днем вместе с Сократисом и Ниной они зашли в магазин, поблизости от их дома, на Платия Элэфтэрияс — неброский, с белой, похожей на рис, крупчаткой на витрине, нанизанной на нити и уложенной кольцами.

В магазине их уже ждали. Романиди проверили отобранный заранее товар, завернули в целофан. Авгурова отсчитала требуемую сумму.

— ...Ларнака—Москва... — коверкая безударные, неожиданно произнесло радио.

Транзитники вокруг на секунду замерли. Над стойкой вспыхнул свет. «Аэрофлот» объявлял регистрацию.

К Авгуровой подошел смуглый молодой человек — служащий аэропорта, она видела его разговаривающим с Романиди:

— Госпожа Ирина!..

Скубилин был в ударе.

— У делегатов праздник!.. Они выработали исторические решения, которые нам с вами претворять в жизнь. Съезд — тя-яжкий труд! — он было совсем закручинился. — Но сейчас работы позади. Их День ничем не должен быть омрачен!

Вокзальную милицию снова загнали на инструктаж часа на полтора раньше, чтобы к приезду генерала все были на местах.

После начальства и муха не должна влететь!

Большинство постов оставалось открытыми.

Игумнов медленно зверел.

— ...Кто-то из делегатов, возможно, окажется выпивши! — Скубилин выбрел на прямую дорогу. — Это никого не касается! У них был сегодня праздничный обед.

Все поняли.

— А то ведь у нас как? Увидят — порядочный человек выпивши — рычат, словно никогда не нюхали! А сами — в праздник и не в праздник — нальют беляма!..

Личный состав развеселился.

— ...Делегаты везут сувениры. Для них в Кремлевском дворце работал киоск. Некоторые непременно что-то приобрели на память о Съезде. Так что вещей окажется больше, чем когда они ехали сюда. Надо это учесть! Кубинские слушатели, которые везут вещи из гостиниц, получили подкрепление...

— А много они везут? — крикнул один из курсантов.

— Поставь себя на их место, вот и поймешь!

— Я на их месте никогда не буду!

Начальник транспортного КГБ незаметно взглянул на часы.

Скубилин закруглил: им надо было перебраться несколькими словами наедине.

— Начинайте готовить приказ о поощрении. Никого не забыть! Самого последнего милиционера, кто внес свою лепту... Деньги, грамоты. Снятие ранее наложенных взысканий...

«Рафики» кубинцев задерживались. Вокзальные носильщики, начищенные, причепуренные, держали наготове огромные телеги Отделения перевозки почты, запряженные электрокарой.

Игумнова предупредили:

— Один взял двадцать ящиков «казачка». «Рафик» целиком идет с его водкой.

— Пошли они!.. — круг ответных реакций начальника розыска заметно сужался.

Он вызвал по рации дежурного:

— Инкассация! Не забыл? Двадцать один час!

— Тут свою фамилию забудешь!

В их разговор ворвался голос Картузова — он находился на дежурном приеме:

— Из задействованных на проводах делегатов брать запрещаю! Выдели из дежурки. Кто не при деле...

— Пошли инспектора по делам несовершеннолетних. Кузанкову. Все равно нет доставленных!..

Игумнов плюнул под ноги.

«Лишь бы отчитаться потом...»

В последний момент появился Качан — притихший, словно побитый. Игумнов не стал интересоваться, где он был. Спросил:

— Насчет Николы — в курсе?
— Думаешь, это — к а т а л ы ?
— Однозначно. Мусу я не отпустил. Допросим, с кем он приехал на вокзал.

— Эдик?
— И Эдик тоже. Там был один. Видимо, с металлической трубкой. Охрана «Аленького цветочка».

— Внимание! — раздалось неожиданно, одновременно во всех рациях.

Качан успел спросить:

— К Николе поехали?

— Карпец вроде. Картузов обещал!

— Карпеца я видел на выезде — у «Траурного поезда Ильича»... Может, уже вернулся?

Игумнов по-блатному скрипнул зубами.

«Все не так! Все не так, ребята...»

По радио грянул марш.

Первой появилась машина ГАИ. Стреляя вращающимся светом, патрульная описала полукруг по перрону.

«Бакланов!» — сердце Игумнова смягчилось.

И сразу следом один за другим показались автобусы. Делегаты ехали весело. С песнями.

Цепочки охранения развернулись, пропуская «Икарусы». Блестящие, только что с мойки, автобусы выстраивались в линию, мотор к мотору. От депутатской, от черных «Волг» с букетами цветов потянулись провожающие.

— Делегатам Двадцать седьмого... — заорали в мегафон. — Исторического...

— Га-га... — отбивало от стен.

— Ура-а-а!..

— Ма-лад-цы... Ма-лад-цы... — поддала группа скандирования...

Постукивая на стыках, от выходного светофора уже сдавал состав. Первым пятил не знающий толчков, с салоном, спальней, служебными купе, автономной системой электропитания и связи вагон Первого лица Республики.

В пути вагон автоматически становился последним.

Сановная толпа провожающих прибила вместе генерала Скубилина и Картузова. Отъезд делегатов освобождал бывших приятелей от необходимости кривить душой во второстепенном.

— К концу, кажется...

Настроение у обоих было приподнятое: Скубилин го-

товил свой сюрприз, опираясь на две ответственные службы Комитета государственной безопасности СССР и, в конечном счете, на его Председателя; Картузов знал о поддержке Авгурова Первым лицом Республики — членом Политбюро ЦК КПСС.

— Баба с возу... — Скубилин кивнул на автобусы. Картузов поддержал:

— Быстрее бы уж, Василий Логвинович!

— Внимание! Внимание! — билось в рациях. — Внимание!

Делегаты покидали автобусы. Разгоряченные, довольные — с одинаковыми кейсами-«дипломатами» — подарками участникам Съезда, с тяжелыми свертками из Книжной экспедиции; сумочками, баулами, цветами.

— Товарищи... — гремел мегафон. — Не будем спешить в поезд! Дадим время охране принять вещи, которые доставят из гостиниц, и расставить их в купе...

— Едут!.. — Голицын — в куртке-«аляске» с синтетическим подбоем, руки — в карманах — показал Волоку на перрон. Там показалась машина.

— В самое времечко...

13

Автомашина ГАЗ-24 отделения Госбанка прошла перрон, узкой протокой между спецтранспортом свернула к кассе доходов.

Голицын и Волоков ждали инкассаторов, прохаживаясь вдоль торца здания.

Вокзальное радио доносилось сюда лишь изредка — но в какую-то секунду оба сразу вдруг поняли:

— Началась посадка!

— Дел им теперь хватит... — Голицын поигрывал мускулами под курткой. — Только бы наш комитетчик не сменжевался!..

Субанеев сидел в «Жигуле» по другую сторону здания. Оттуда он не мог видеть «Волгу» Госбанка, подъехавших к служебному входу инкассаторов.

— Все будет нормально, — Волок по обычаю не колебался.

В трехстах метрах по Садовому кольцу, стреляя снопами

света, двигался транспорт; на подъезде, у вокзала, было пусто.

— По местам... — Голицын мигнул. Он должен был появиться в последнюю минуту, когда сборщик вернется из кассы назад, в машину, с сумками. — До скорого!

В горле у него запершило: для крепости духа они долбанули по граненому стакану коньяка.

«Надо бы больше...» — подумал Волоков. На нем была выдавшая виды милицмейская шинель с погонами лейтенанта и фуражка. От волнения ли или от пронизывающего ветра он не почувствовал выпитого.

«Волга» остановилась метрах в десяти от служебного входа, за цементным бордюром, окаймлявшим здание. Инкассатор на заднем сиденье остался у мешков с собранной уже выручкой, второй — сборщик, ехавший рядом с шофером, сразу вышел. С сумками ушел в кассу.

Волок украдкой наблюдал. Вокруг было тихо. В машине тоже ничего не происходило.

«Сейчас сумма утроится. Без малого подойдет к миллиону!»

Главная выручка, безусловно, шла отсюда. Из касс дальнего следования.

Бежали секунды.

В голове было пусто.

На занятиях по философии в Академии вбивали: «Движение и время как формы материи...» А он сидел пень-пнем.

«А все просто! Сколько времени отпущено нам до начала погони? Успеет ли добежать до машины?»

То и дело порывался идти легкий снежок, но тут же стихал.

«Не хватит времени — прекратится движение. Не станет материи, которая называлась Волоков и Голицын...»

Волок не представлял, что в состоянии размышлять на такие отвлеченные темы.

«Голицын бы удивился!.. Метры от двери до бордюра, они же — время!»

Все было наглядно.

Движение сборщика к выходу.

Время, которое он, Волок, ждет с пистолетом. С патроном в патроннике.

И Вечность.

Суть диалектического метода философии.

Хлопнула дверь. Инкассатор шел быстро. Он нес три сумки — две в руках и третью под мышкой.

Четвертую тащила молодая женщина-лейтенант, инспектор по делам несовершеннолетних.

«Ты-то, деваха, зачем впуталась?» — подумал Волоков.

Инкассатор был уже в машине, подавал сумки на заднее сиденье — старшему, тот укладывал их в мешок. Женщина-инспектор ждала, когда они отъедут.

— «Россолимо»! — Голицын появился внезапно, но Волок был уже готов к стрельбе на поражение.

Мишени были заранее распределены.

Со звоном разлетелись лобовое, а затем и боковое стекла.

Водитель погиб первым — почти мгновенно — Голицын из обрезка поразил его в шею, повредив наружную и внутреннюю сонные артерии.

Волок стрелял из «макаровского» — который попал к ним в электричке после убийства милиционера. Двумя пулями был убит находившийся на первом сиденье сборщик и еще четверья женщина-лейтенант. Волок пробил ей грудь, оба легких и почки. Он еще выстрелил в шофера, но тот был уже мертв.

Последним выстрелом Голицын вырубил остававшегося в живых инкассатора со второго сиденья.

Путь к деньгам был открыт...

Большой инкассаторский мешок, уже опечатанный, схватил Голицын — да он бы и не позволил другому. Это был его личный приз. Лавровый венок победителя. Лежавший рядом на сиденье инкассатор застонал — он был жив. Двое других — шофер и сборщик впереди — не двигались.

Голицын забросил груз на спину, трусцой побежал вдоль здания.

Волок со вторым мешком, с пистолетом держался метрах в пятнадцати сбоку.

Было снова тихо.

С Дубининской улицы доносилось громохание трамваев на кругу, их drobные стародедовские звонки.

Несколько пассажиров двигались навстречу — тоже с мешками, с сумками. Были заняты разговором — Голицына и Волкова даже не заметили.

Все же свидетель нападения был. Волоков отметил его боковым зрением — тот стоял сзади, ближе к перрону. Когда Голицын схватил мешок и побежал, свидетель очнулся — бросился на перрон.

«Беги, звони... — подумал Волок. — Через пару минут нас тут не будет...»

За углом Субанеев — в пятнистой армейской куртке — уже включил мотор, держал двигатель на малых оборотах. Увидев бегущих, он сдал назад, притормозил; потом, перегнувшись через сиденье, открыл обе дверцы.

— Быстрее...

Их не надо было торопить. Голицын бросил мешок под ноги, между сиденьями, свалился сам. Волоков проделал то же. Подобрал ноги. Хлопнул дверцей. Одновременно хлопнула дверца с другой стороны. За Голицыным.

— Понеслись!

Маршрут отхода был отработан. Голицын трижды представлял каждого провести «жигуль» Дубининской и перестулками.

«Неизвестно, кто вернется в машину, кто останется на дороге...»

Вернулись, слава Богу, все!

Субанеев прогнал «жигуль» вдоль прирельсового почтамта, вырулил поперек трамвайного полотна. Ему ничто не помешало. С хода влился в прерывистый, но не останавливающийся ни на минуту поток автотранспорта.

Волок тем временем скинул шинель, надел куртку. Фуражку выложил к заднему стеклу, на гаишников вид милицейской атрибутики в автомобиле, рядом с дорожной аптечкой, всегда действовал успокаивающе.

Голицын еще раз внимательно оглядел примыкавшую к вокзалу зону — никто не появился вслед за ними. Ни пешком, ни в машине.

«Тут у них будет первая заминка... Найти свидетеля, который видел, как мы садились в «Жигули...»

Узкий проход к служебному входу в кассы, откуда прогремели выстрелы, был забит машинами и людьми. Никого не пропускали.

Кто-то из чужих попытался оттолкнуть и Игумнова.

— Пройдите...

«Постоянно действующий заградотряд...»

— Уголовный розыск! — Игумнов — плечо вперед — раздвинул цепочку.

Открылась леденящая душу картина.

Стекла инкассаторской машины зияли бесформенными отверстиями. Капот усеян клинообразными белыми осколками, дверцы открыты. В машине все было мертво-неподвижно. Черно.

Инспектор по делам несовершеннолетних лежала поперек тротуара — ногами к цементному бордюру.

— «Скорую помощь»... — кто-то метнулся — звонить.

— Уже вызвали!

Игумнов нашел Качана.

— Будешь за меня. Адрес Волокова знаешь?

— Да.

— Готовь засаду у дома!

Начальства на месте происшествия не было.

«Не оставят делегатов! «Личная и имущественная безопасность...» Взаимовражда и интриги! Холуйство... Сволочи! Вас же предупреждали!..»

Взлохмаченный, с сумасшедшими глазами мужик выскочил из багажного зала, бросился к постовому:

— Я их видел! Двое. Один в милицейской форме! С мешками. В ту сторону! — он показал вдоль здания.

Несколько человек бегом рванули к Дубининской. Машин не было.

Цуканов крикнул кому-то:

— Запиши свидетеля!

Сбоку, по панели, лавируя между тачками носильщиков, вырвался патрульный «жигуль». Бакланов открыл дверцу.

— Цуканов, Надя... — Игумнов взял самых опытных.

Чужое начальство высокого ранга положило, было, глаз:

— Старший лейтенант... Минуту!

Но Бакланов уже газанул через двор.

— Здесь тормози! — крикнул Игумнов.

У угла прирельсового почтампта, рядом с церковью, отданной под цинкографию, все, кроме Бакланова, выскочили, заметались по тротуару. Никто из прохожих не видел милиционера, тащившего мешок.

— Сейчас милиция на каждом шагу!

Пьяненькая продавщица у пустых ящиков вспомнила:

— Вроде стояла машина... — милиционера, садившегося в нее, и другого человека — с ним — она не видела.

— Давно?

— Видно, только уехала.

— Какой марки?

— Я не разбираюсь... — она махнула рукой. — Вроде «жигуль». Зеленоватый!

— Не Волокова, — заметил Цуканов.

Игумнов кивнул.

«Охранник со Старой площади! Вез Ксению с подругой...»

— Едем!

«Если преследуешь — еще есть шансы догнать, кто ждет — тот уж точно никого не поймают. Из милицейского катехизиса...»

С места преступления по радиации уже передавали ориентировку о нападении на инкассаторов.

«— ... Трое убитых и тяжелораненый. Один из преступников одет в форму офицера милиции. В фуражке. Похищены два инкассаторских мешка с денежной выручкой...»

Игумнов перебил:

— Не исключено, что они гонят в машине комитетского охранника! Виталия! Зеленоватые «Жигули», пятая модель!..

Переулки, которыми они уходили, были исконно замоскворецкие: Зацепа, Щипок, Строчановские...

Изуродованные типовыми «хрущобами» из малонаселенных, патриархальных они превратились в ничем не примечательные, безликие, без родства и истории.

Голицын следил, как Субанеев ведет машину; тот явно нервничал.

«Стоять на воротах в ЦК проще и безопаснее! Что ни говори!...»

Субанеев как-то показал свой пост за забором. Ограниченный двумя стояками пролет ограды против памятника Героям Плевны. Никто не подойдет. Не сунется. А сунется — полно еще субанеевых. Проезжающие водители старали не глазеть по сторонам. А по тротуару люди вообще не ходили.

«Я-то считал, что мы все тут такие крутые!..»

Субанеев был явно растерян:

— Сейчас бросятся за нами!

— Было бы на чем! Транспорт расписан за делегатами. За их вещами!

— Смотри! — сказал Волок.

Мимо прошел «Москвич», у заднего его стекла тоже лежала милицмейская фуражка.

— От врача...

Поблизости располагалась поликлиника МВД. Сотни ментов грели тут простуженные на постах уши, носы, сдавали кровь и мочу, открывали больничные, угождали туповатым противным бабам — психиатрам. От них зави-

своя судьба. Объявит дураком или пьяницей — лишишься оружия!..

— Давай по глотку, — предложил Волок.

— Работнику культуры?

Голицын привычно над ним подтрунивал.

«Инспектор по музеям и выставкам...» — он не мог без смеха видеть выписанное Волокову удостоверение. — Искусствовед! Тонкий знаток деревянного зодчества!»

В собственной его семье — преподавателя одной из военных академий и завуча спецшколы — Волока подняли бы на смех.

«Самое большее — ты тянешь на мастера производственного обучения, Волок!»

Волок обижался.

«А ты? Недоучившийся курсант Высшего политического училища! Не забывай: я закончил Академию Министерства внутренних дел СССР!»

«Так легко об этом забыть!»

Голицын на секунду отвлекся от трех трупов у входа в кассу сборов и двух набитых деньгами мешков сзади.

«Но друг верный. Стоял на суде насмерть. «Подозреваемого я и пальцем не тронул!» Никого не взял с собой по делу. С тем и получил срок. А ведь жесткий тот допрос квартирного вора не он предложил! Смердов! Волок был лишь исполнителем, как и другие... Главк то умолял, то приказывал: «Делайте все! В МГК рвут и мечут... Москву захлестнула эпидемия квартирных краж!» Обворовали ответственного работника аппарата ЦК. Могли полететь головы! А крайний — опять оперуполномоченный! На суд никто из начальства и не пришел!»

— Счастливый человек ты, Волок! В рубашке родился... — Голицын передал бутылку. — Держи!

«Не знаем своей судьбы! Рвемся в уголовный розыск. Раскрывать, рисковать... Ложимся собаками за чужое добро! А нам — награда!»

Мысли шли вразброс.

«Теперь мы сами обеспечили себя...» — он оглянулся, посмотрел на инкассаторские мешки.

— Тут еще есть, — Волок возвратил бутылку.

Проезжали мимо здания Советского Райуправления, примечательного тем, что находилось на территории соседнего района. На Большой Серпуховской было тихо, на Добрынинской площади пропустили пожарников. Выехали на Пятницкую. Она, вообще, выглядела пустынной. Маршрут отхода был выбран удачно.

Внезапно Субансев, о котором как-то забыли, сказал:
— За нами патрульная. По-моему, они хотят, чтобы мы остановились.

— А ну! Сделай погромче!

Водитель замешкался. Смердов сам крутанул регулятор. Рация барахлила. Дежурный по городу заканчивал ориентировку:

«...В инкассаторских мешках — деньги в сумме миллиона рублей... Примите меры розыска...»

— Давай-ка к тротуару, — приказал Смердов.

— Может, к себе успеем? — как бы беспечно предложил водитель. У него были свои планы на вечер. Для начала следовало поставить машину у отделения.

— Прижимайся. Вон у автоматов!..

Вокруг одного из престижнейших в столице центральных гастрономов повсюду были припаркованы машины. Хорошо одетые люди ловили «леваков» чуть ли не на середине Садового. Тротуары заполняла праздничная толпа.

«Съезд закончился... Можно и отметить!» — район числился за высшим партийным кругом.

— «Внимание всем постам...» — рация снова заговорила.

— Правее... — приказал Смердов. Впереди виднелась шеренга телефонных кабин. — Тормози!

— Как скажете.

Водитель ткнулся в обвод тротуара.

«...Нападение на инкассаторов...» — рация работала рывками: половина слов не долетала. — «На месте преступления трое убитых...»

Смердов слушал с каменным лицом.

«...Один из преступников одет в форму сотрудника милиции... Скрылись на машине «Жигули» зеленоватого цвета...»

Смердов взглянул на часы:

«21.45...»

Ехать в отделение не имело смысла.

События надвигались угрожающим образом.

— Постоим!

— Вас понял.

Какая-то дама — в шубке, с безупречно уложенной головкой — нагнулась к дверце:

— Как насчет Ленинского проспекта?

— Не едем.

— Сто рублей...

Смердов поднял стекло.

— Хам!

Новых известий от дежурного не поступало.

— Ушли, — легкомысленно заключил водитель. —

Теперь до конца жизни можно не работать! — в голосе слышалось уважение. — Если в один прекрасный день не расстреляют...

Предполагал ли он, что преступники — его бывшие сослуживцы из 33-го?

В ту же секунду прорезался не имевший доселе отношения к делу «ПГ 44—86» полка патрульно-постовой службы:

— Вижу зеленые «Жигули» «11—13»!

«Субанеев Виталька! Его номер!»

Смердов мог заканчивать поездку прямо здесь, у тротуара. Дальнейшее при таком раскладе теряло смысл.

«...У заднего стекла лежит милицейская фуражка. В машине минимум трое... Принимаю меры...»

Связь прервалась.

— Я сейчас!

Смердов вышел из машины. Мысль работала четко.

«Картотека ГАИ уже ищет владельца. Через минуты он станет известен. Для опытного следователя нападение можно считать уже раскрыто... Субанеев всех сходу заложит...»

Ближайшие события, касавшиеся лично его, Смердова, тоже легко прогнозировались:

«Могут прийти еще сегодня. В крайнем случае — завтра с утра. С санкцией на арест... — дальнейшие перспективы представлялись туманными. — В конце концов, если не наделаю глупостей, выпустят. Дело прекратят. На компрометирующих основаниях. И куда дальше? Кому нужен?»

Необходимо было решаться на какой-то совершенно невероятный, немыслимо-дерзкий шаг.

Толпа обтекала его. По случаю закрытия Съезда был бум с провизией, народ тащил из «Новоарбатского» консервы, яйца. Лимоны закупали как картошку.

Смердов вернулся к машине:

— Подробности передали?

— Вот, кажется...

Рация опять барахлила:

— ...Продолжаю двигаться... — сообщила патрульная. — Квадрат Б-3... — Это был все тот же ПГ полка патрульно-постовой службы.

— Едем? — спросил водитель.
— Подожди. Я сейчас.
«Теперь не отпустят. Вцепились!.. Дежурный соберет патрульные машины со всего города. Это все!»
Смердов вошел в кабину автомата. Набрал «02».
— Дежурного по МУРу! Очень важно. По поводу нападения на инкассаторов...
— Соединяю.
«Инспекция по личному составу при необходимости легко установит, когда я звонил...» — Звонки по «02» записывались и хронометрировались.
— Дежурный по МУРу!
— Смердов. Замнач 33-его. Я в курсе насчет этой машины «11—13». По поводу инкассаторов.
— Отлично! Оставайся у трубки.
«Ну, давай, Смердов, теперь только не оплошай!..»
В трубке щелкнуло:
— Смердов? — голос был начальственный, басовитый.
«Замнач главка...»
— Что хотел?
— «Жигули» «11—13» — сотрудника КГБ Субанеева Виталия Александровича. Вот адрес...
— Так... Так... — генерал точно открывал на бумаге. — Так...
У кабины крутились какие-то люди, показывали, что хотят звонить. Смердов повернулся спиной.
— Связи Субанеева: бывшие работники 33-го Голицын и Волоков...
— Так...
— Вот адреса...
«МУР есть МУР!» Теперь можно докладывать в Главк, в Министерство, в ЦК «Особо опасное преступление в Москве раскрыто за несколько минут. Столичная милиция работает...»
— Спасибо.
В трубке замолчали.
Потом снова возник дежурный по МУРу.
— Смердов! — «по фамилии и на «ты»? Это был хороший признак. — Откуда звонишь?
— От «Новоарбатского». У магазина.
— Можешь сейчас приехать?
— Еду!
Несмотря на явное возмущение людей у автомата, Смердов набрал еще номер:

— Добрый вечер...

Ему снова повезло. У телефона оказался именно тот человек, который был нужен.

— Смердов беспокоит из 33-го... Помните: одного вашего охотника раздели. Киприота... Я его вызволял...

В трубке слушали молча. Накануне абонент убедился в том, что его телефон прослушивается.

— ...Егеря там — молодые парни. Игорь, Юрий... Я чего звоню? — Смердов искал нужную линию поведения, но человек, которому он звонил, и не собирался облегчать ему неприятный разговор. — Я чувствую, что ими заинтересовалась транспортная милиция...

Снова — ни звука.

Но Смердов каким-то образом вдруг понял:

«В цвет!»

Кооператив «Байкал», устраивавший охоту для иностранных коммунистов, представлял интересы партийной казны и милицейского истеблишмента. Смердов слышал об этом от Субанеева. А транспортная милиция и КГБ — Субанеев знал об этом по его прежней работе и нынешней деятельности в спецохотхозяйстве — настойчиво и нескромно этим интересовались.

— И тот... «Анчиполовский»... — вдруг вспомнил. — По телефону... «Подадут вагоны...» Никакое не КГБ! Транспортники!

— ...Их явно провоцировали. Вы слушаете?

— Да.

— Кто-то дал задание своему человеку на разработку Волокова... Егеря!

Трубка снова подала признаки жизни:

— Кто именно? Знаете?

— Можно установить... — Смердов продиктовал телефон Игумнова, по которому ночью звонил Никола. — Это домашний... Встреча произошла на территории 33-го, у магазина... Волоков, по-своему, неплохой человек. Но — любит выпить. Голицын — такой же. Их легко склонить на авантюру. Скомпрометировать спецохотхозяйство и организаторов «Байкала»...

В кабину уже стучали.

— ... Перед встречей с Волоковым их человек нанес тяжкое телесное повреждение ножом. Потерпевший до сих пор в реанимации... Виновного задержали, но транспортники его, по существу, похитили...

— А установочные данные?

— При задержании он назвался Анчиполовским...

— Что-ж! Кое-что прояснилось... — абонент — Авгуров — явно остался доволен. — Я дам команду — вам позвонят. Как вы сказали?

— Смердов! 33-е! Всегда готов помогать...

Народ у кабин больше не выбирал выражений, ко-стерил, как мог. Смердов не удостоил их взглядом, выскочил, подбежал к машине. Водитель удивленно глянул на него.

— Домой?

— В МУР! Быстро!

Подлетая к Москве, Авгурова в конце салона увидела Фриду — в Ларнаке, на посадке она ее не заметила.

Супруга популярного телекомментатора-международника приветствовала ее кислой улыбкой — с недосыпа у нее разболелась голова.

Еще раньше пассажирам первого салона к фирменному завтраку предложили спиртное. Иностранцы хлопнули по рюмке, отечественных охотников пить не нахаляву не нашлось.

«Аэрофлот» на это и не рассчитывал.

Дело было не только в нехватке валюты. Впереди предстояло непредсказуемое, может самое тяжелое и трудное в поездке: московская таможня.

Авгурова послала своей преследовательнице воздушный поцелуй.

«Уже скоро...»

Самолет легко коснулся полосы. Поддатые иностранцы зааплодировали.

— Температура за бортом минус шесть градусов...

Киприоты потянулись к сумкам с теплой одеждой.

Своя погода не колебала. Внутри металлической трубы, соединявшей самолет с аэропортом, шли медленно, вживаясь в возвращение в собственный образ, к оставленной жизни.

Фрида пристроилась к Авгуровой, но помочь уже не просила, пыхтела сзади. Коробки, пакеты были уложены в сумку, казавшуюся неподъемной, она тащила ее волоком.

«Граница!»

В узком проходе перед будкой солдата-погранични-

ка — Авгурова задержалась не больше минуты. Паспорт, декларация. Внимательный, чуть настороженный взгляд молодого аккуратного комитетчика.

— Пожалуйста!..

В зале для выдачи багажа она тоже не задержалась, погрузила вещи в хромированную металлическую тележку — их было не так много, нашла старшего таможни.

— Здравствуйте. Вот мой документ. Как член делегации такого уровня, я освобождена от осмотра...

Старший — с диковинными знаками отличия, наподобие лесничих, — взял документ.

— Здравствуйте... Авгурова... — он внимательно взглянул на нее. — Сейчас разберемся.

— Обычно мы проходим как депутаты Верховного Совета.

— Да, да... Сейчас.

— Извините... — Фрида слышала разговор. У нее, как и других делегатов, не было охранной грамоты. Не заслужили. — Мы члены одной делегации! Почему одних пропускают через депутатскую, а других...

Авгурова ждала чего-то похожего; не представляла лишь детали:

«Попросит, чтобы меня обыскали? Скажет, что я везу наркотики? Оружие? Провокаторша!»

— Вам ведь не обязательно через депутатскую? — старший посмотрел на Авгурову, вернул бумагу.

— Нет, конечно.

«Все зависит от инструкции, которую тебе дали. Приказали «Найти!» — значит, и в депутатской обыщите!»

— А насчет досмотра я предупрежу контролера... — он показал на молодого человека за столом. — К нему пожалуйста.

— И мне? — спросила Фрида.

— Пожалуйста, — таможенник еще раз обернулся к Авгуровой. — Я прослежу.

К молодому человеку стояло двое.

Бухарский еврей, ладивший отечественный электрокипятильник к розетке вблизи кипрского общественного туалета в Ларнаке. Пожилая горянка.

Контролер, как показалось Авгуровой, не жаждал крови.

Откатил тележку разом повеселевший бухарец, он словно вышел из бани.

— Следующий!

Зловещего вида горянка с острым профилем, словно выбитом на камне, то-то лепетала:

— Брат послал внучке! Оно маленькое...

Контролер махнул рукой:

— Забирайте. Следующий!

Следующей была Авгурова.

«Предупрежден или нет...» — она не видела, чтобы старший подходил к стойке.

— Ставьте вещи... — сказал контролер.

Авгурова оглянулась. Старшего, с которым она разговаривала, нигде не было.

— Декларацию!

Поворачивать назад было поздно. Какой-то сотрудник аэропорта — таможенник? комитетчик? — подошел к контролеру, хотел что-то сказать, тот остановил его:

— Сейчас! Ставьте вещи!

На этом этапе другого выхода не было.

Она спокойно протянула декларацию и другую бумагу.

— Багаж досмотру не подлежит.

— Вещи... — он не поднял головы.

Ее сумка-мешок проплыла внутрь «черного ящика» и там остановилась.

Контролер и второй — подошедший к нему — вдвоем вперились в экран. Потом контролер снова включил транспортер — сумка показалась по другую сторону ящика.

— Пожалуйста, покажите, что у вас там. Кладите сюда.

— Ознакомьтесь с бумагой! Багаж не подлежит досмотру...

— Мне ничего не известно.

Старший так и не появился. У Фриды на лице блуждала глумливая ухмылка.

«За мной охотились!..»

— Откройте сумку!

— Пожалуйста.

Контролер даже не взглянул на ее сувениры — серебряные цепочки из Кфар-Цион, арабские дешевые кольца с агатами, чашки с алыми сердечками — «Фром Израиль виз лав»... — «Из Израиля с любовью...»

— Разверните!
Тщательно упакованные Сократисом Романили пакеты. Продолговатые мелкие крупички, круглые белые шаших моллюсков.

— Ваш жемчуг? Почему не указали в декларации? Дальнейший разговор не имел смысла. За ней следили.

«Это же сука, что стоит сзади!...»
Все было похоже на плохо срежиссированный спектакль.

— Молчите? — спросил контролер. — Тем хуже. Тут состав преступления. Контрабанда жемчуга на тысячи долларов. Крупный размер... До конца жизни не выйдете!

Шофер милиционер патрульно-постовой службы на «Москвиче» — «ПГ 44—86» — молодой двадцатитрехлетний парень — ехал не один. По дороге посадил старослужащего — фамилию его он не знал, но видел в полку.

— Далеко едешь? — спросил старик.

— На Дзержинку.

— По пути... В дежурную аптеку я... — было ясно, добирался он из Второй поликлиники. С Зацепы. По дороге успел поддать. Но не сильно.

— А живешь? — поинтересовался водитель.

Проблема жилья вставала перед ним весьма остро. Он собирался жениться. Невеста, как у большинства лимитчиков, была тоже из общаги.

— На электричке надо... — объяснил старик. Ему было уже под сорок. — В Шугарове.

— Далеко!

— Поезда ходят.

— А на Зацепе зачем?

— Радикулит замучил. А в аптеке на Дзержинке — сестра.

— Управляющая?

— Вроде того. Полы моет...

Ориентировка о розыске преступников настигла их в 21.45, когда они подъезжали к Советскому райуправлению.

«...Трое убитых и тяжелораненный... Автомашина «Жи-

гули» зеленоватого цвета... Один из преступников в форме офицера милиции... Повторяю...»

— Смотри!.. — водитель показал на дорогу.

Впереди двигался зеленоватый «жигуль». На заднем сиденье, у стекла, мелькнула форменная фуражка.

— Может, проверить?

— Давай! Чем черт не шутит!

— Подожди!

Водитель включил рацию:

— Я — «ПГ 44—86». Вижу зеленые «Жигули» «11—13»... Повторяю...

«Жигуль» впереди шел ровно. «Москвич» пошел на обгон. Сидевшие в «Жигуле» три мужика — двое впереди и один — на заднем сиденье — равнодушно глянули в их сторону.

— Приказываю остановиться! — объявил шофер-милиционер в микрофон.

Водитель «жигуля» принял к тротуару, затормозил. «Москвич» тоже остановился.

— Выйдешь? — спросил водитель у своего спутника.

— Ну как же, — старослужащий закричал, выбрасывая ноги на мостовую. — Оружие есть?

— Все в порядке, — шофер-водитель вогнал патрон в патронник, не выпуская пистолет из руки, опустил в карман.

Хозяин «Жигулей» — в пятнистой короткой куртке армейского образца, с чуть обрюзгшим приятным лицом, заговорил еще на подходе:

— Добрый вечер, командир! Вроде без нарушений...

Водитель-милиционер согласно кивнул.

— Тогда чего? Проверки на дорогах?

Они подошли к «жигулю».

«Молодые мужики... Черт их разберет...»

Милиционер поймал взгляд старослужащего — тот показывал в глубь машины.

Под расстегнутой курткой у сидевшего сзади блеснули металлические форменные пуговицы.

«Они! Ну, держись!..»

— Откуда следуете? — он постарался овладеть своим голосом.

— Вам место, да? — владелец «Жигуля» не сразу сообразил, что от него хотят. — Из Орехово-Борисова...

— Через Дубининскую?

— Я тут редко бываю.

В ту же секунду человек в «аляске», сидевший на первом сиденье «Жигуля», выскочил на мостовую. Он оказался вооруженным.

Ударил вспышка. Одна-другая... Пули просвистели над головой. Шофер милиционер тоже выстрелил, убежал. Пассажир, прячась за капот, стрелял не целясь. Выскочивший с заднего сиденья тоже открыл огонь. Под расстегнутой курткой снова блеснули металлические пуговицы.

— Мент! Сука!

Водитель милиционер несколькими прыжками пересек не особо широкую улицу — другая сторона была темнее.

Стрельба парализовала движение.

Старослужащий добежал до патрульной, включил рацию:

— Всем постам! Преступники оказали сопротивление... Водитель ППГ ранен...

— ...Уходят в направлении Овчинниковской набережной! Прием!..

Ему отозвалось сразу несколько ППГ.

Позади, от Серпуховской площади, уже шла помощь. Мелькнула тревожная круговерть сигнального огня.

«Госавтоинспекция!»

Это был «МО-15642» с вокзальными ментами. Бакланов и Игумнов выскочили из машины.

— Жив? — Игумнов броился к милиционеру водителю. Тот сжимал кисть. Платок был красный от крови.

— Там они... «11-13»!

«Жигули» были уже на следующем перекрестке.

— Теперь не уйдут!

— Сейчас круто вправо! И еще вправо! — приказал Голицын. — И на тормоз. — Маневр и его место были предусмотрены. — Глуши!

Следовавшая за ними патрульная ГАИ, не останавливаясь, проскочила дальше.

— Волок! Займемся деньгами...

Они стояли на небольшом тесном пустыре рядом с кирпичным нештукатуренным домом. Повсюду вокруг разбросаны были ржавые прутья. Школьники хранили тут собранный металлолом.

— Сюда!

Инкассаторские мешки легли в багажник вместе с боеприпасами.

— Еще по глотку... — предложил Волок.

Он и Голицын по очереди приложились к бутылке.

Субанеев занервничал:

— Увидят, что нас нет — сразу вернутся...

— Твое предложение? — спросил Голицын.

— Разбегаться!..

— А машина? Сразу станет известно, чья она! Ночью же сегодня к тебе придут.

— Скажу, что угнали.

— Не поверят!

— Буду стоять на своем...

— Не сможешь. Я говорю тебе как опер... К утру они уже выйдут на меня и на Волокова!

Комитетчик взмолился:

— Я буду говорить, что вас не знаю!

— Ерунда!

Но Субанеев же не внимал доводам разума:

— Я никого не выдам! Честное слово!

— Пойми!.. Свидетели запомнили приметы. Запросто опознают. Там четыре трупа, нам — вышка!..

— Будем стоять на своем!.. — Субанеев открыл дверцу. — Другого выхода нет!

— Есть! — Голицын взглянул на Волока.

Тот понял.

— Какой? — Субанеев пригнулся, вылезая.

— «Россолимо»!

Волок с заднего сиденья дважды выстрелил комитетчику в спину. Тот вывалился в открытую дверцу.

Голицын пересел за руль. Включил зажигание, проехал несколько метров. Остановился.

— Дай пистолет!..

— Держи! — это была все та же «Ческа збройовка», из которой убит был Сизов.

Голицын вышел из машины, прошел к месту, где лежал Субанеев. Выстрелил в голову, лежавшего.

— Так будет вернее.

И сразу же с улицы послышался звук милицейской сирены.

Об Авгуровой явно забыли. Не вызывали. Не предложили еды.

Комната, в которой она находилась, была небольшим учебным классом — милиционеры проводили в нем свои собрания, вывешивали стенгазеты.

Где-то за стеной работал телевизор. Шла передача с последнего заседания Съезда. Оратора прерывали аплодисментами.

«Заключительное слово...»

Домой позвонить не удалось — телефон в помещении отсутствовал.

Сразу после полудня постепенно стало темнеть.

Авгурова смотрела на взлетное поле за окном — мерзлое, пустое, как весь этот день. Даже через стекло чувствовался знобкий безотвязный ветер.

В голову лезли никчемные в ее положении мысли.

В прошлом она не раз жалела, что не оставила себе фамилию первого своего свекра.

«Все было бы проще!»

Однако бывший супруг при разводе проявил не свойственную ему настойчивость — состоялось якобы соответствующее решение Секретариата ЦК.

Сейчас Авгурова больше об этом не печалилась.

«Да Бог с ним!» — одиозная тень покойного свекра ходила бы сегодня за ней по пятам!

«Свердловы», «Микояны», «Берии»... Меняй фамилию — не меняй! Всех все равно знают! Вновь поднявшись на Верх — тоже пришли не со стороны! Тут же и росли рядом. В «Лесных далях», в Жуковке, в Барвихе... Знакомые. Либо друзья общих знакомых!»

Авгурова забылась сладким коротким сном тяжело больных и задержанных.

Ей привиделись белые дома из благородного иерусалимского камня и золотой купол мечети Омара.

— Где-то тут...

Бакланов затормозил. Пространство пустыря замыкали вокруг невысокие дома — темные, отданные под небольшие конторы, цеха.

— Да вот!.. — фары осветили несколько голых деревьев впереди; свалку.

Тут же темнел оставленный «жигуль».

— Арзамас... Я «МО-14562»... — Бакланов передал место своего нахождения.

Голос его перекрыл царящий в эфире бардак, который, кстати, при первых же его словах мгновенно прекратился.

— Замыкаем квадрат... — дежурный отозвался множеством позывных. Все патрульные машины — услышь они — должны были чуть ли не стеной перегородить переулочки-тупички.

Хлопнула дверца — Игумнов вышел из машины. Зам с Баклановым вышли следом.

Надежда осталась одна — при рации.

— Аккуратнее, — сказал Игумнов.

Надя отвела глаза.

Менты осмотрели брошенный «жигуль».

Машина была пуста. Игумнов дернул ручку багажника — он был заперт.

— Далеко уйти они не могли.

— Да вот!..

За машиной, в нескольких шагах, лежал человек в короткой пятнистой куртке армейского образца.

Игумнов нагнулся — висок неизвестного еще кровоточил. На груди была тоже кровь.

— Охранник со Старой площади... — он кивнул Цуканову. — Скажи Наде — пусть вызовет «скорую»!

— Понял.

— А мы осмотримся...

Цуканов вернулся. Игумнов с Баклановым двинулись дальше по пустырю.

Цуканов догнал их, когда они подходили к домам.

— Сейчас будут!

— Кто-то идет... — заметил Игумнов.

От одной из домов пробирался черный от копоти человек. Он нес ведро.

— Эй, друг!

Человек подошел. Он дежурил в котельной, нес выбрасывать золу. Горячий пепел поблескивал угольками.

— Никто не заходил к тебе?

— Нет.

— Тут одна котельная?

— Две. Вторая вон она!.. С автоматикой.

— Аккуратнее, — повторил Игумнов. — Сначала обойдем вокруг.

— Помирать никому не интересно, — поддержал Бакланов. Огромный, в зимней форменной амуниции, «МО-

15642» служил отличной мишенью. — У меня в машине коньяк. «Двин». Грех не попробовать...

— Подарок?

— Знакомый передал... — Бакланов ушел от ответа.

Все было тихо.

Они разошлись. Бакланов остался у двери, Игумнов и его зам двинулись в обход, навстречу друг другу.

В окнах котельной просматривался выложенный кафелем просторный зал. Трубы были ярко раскрашены во избежание ошибок. На окнах краснела герань.

В дальнем углу за столом человек, очевидно, оператор, читал книгу. Он не был похож ни на Волокова, ни на другого, которого описывала Ксения.

Они вернулись к дверям.

— Наши едут! — сказал вдруг Бакланов, оборачиваясь.

На пустырь одна за другой въезжали патрульные машины.

В ту же секунду с боковой стороны со звоном вылетели стекла. Бакланов, стоявший ближе других, ногой распахнул дверь.

— Осторожнее!

Но Бакланов был уже внутри.

Игумнов всем телом в прыжке вломился следом.

Как сон, мелькнул в памяти кровавый бой на подступах к Лошкаргаху. Засада у Трех мостов. Пылавшие бэтээры в низине.

Цуканов бросился к окну.

Ударили выстрелы.

Игумнов проскочил в глубь котельной.

На полу, против двери, раскинув руки, лежал человек. По приметам Игумнов узнал второго приятеля Волокова. На уровне головы виднелся выпавший пистолет «Макарова».

«Застрелился...»

Человек за столом по-прежнему не шевелился — видно, преступник приказал ему сидеть молча, не двигаясь.

— Бакланов!

Бакланова Игумнов увидел сбоку от двери. Он лежал на спине, ничего не мог произнести. Пуля попала ему в живот.

Спецсообщение о бандитском налете и ликвидации преступной группы поступило на Житную в МВД СССР в 22.40.

Многим начальникам железнодорожной и городской милиции не сносить бы головы, если бы не впечатляющее результативное задержание.

«...Участники банды обезврежены.

На месте самоубийства Голицына изъят пистолет системы «Макарова» — табельное оружие, принадлежавшее убитому милиционеру транспортной милиции Сизову Л.Н.

Похищенные деньги в сумме 833.120 руб. 55 коп. возвращены в Государственный Банк СССР.

Ведется следствие».

Одновременно милиция ходатайствовала о представлении к правительственным наградам экипаж инкассаторской машины (в том числе двух человек посмертно) и сотрудников, наиболее отличившихся в задержании преступников по горячим следам: начальников и оперативных дежурных подразделений.

Содержание сообщения было немедленно передано в Административный отдел и Секретариат ЦК.

Случай был исключительный.

Дали на радио, телевидение. В центральные газеты.

Фамилия генерала Скубилина попала в прессу. «Железнодорожная милиция не приняла всех зависящих от нее мер...»

Некоторые особенно одиозные факты были, однако, упущены и в последнюю минуту снято упоминание о пистолете «Макарова», обнаруженном у бандитов.

Чья-то имеющая власть рука, рассчитывая, видимо, на ответную благодарность, отвела угрозу от Московского транспортного прокурора: по обвинению в убийстве милиционера были осуждены невиновные. В том числе один — к расстрелу...

Та же рука внесла дополнение и в ходатайство о представлении к наградам особо отличившихся в розыске:

«Смердов Б. А., подполковник милиции — заместитель начальника 33-го отделения милиции...»

Вокзал был полон милиции и приданных сил. Гремело радио.

Прибывали автобусы с отъезжающими.

Кубинцы доставляли «рафики» с чемоданами. Оставшиеся на вокзале оперативники разносили вещи в купе.

Мероприятия проводов делегатов Съезда продолжались. В дежурке Игумнов узнал последние новости.

Оперативная группа во главе с Качаном задержала Волокова — третьего участника нападения — при подходе к дому без единого выстрела. Волоков не оказал сопротивления.

В багажнике автомашины Субанеева были обнаружены оба похищенных инкассаторских мешка с деньгами, а также шинель офицера милиции, два обреза охотничьих ружей, револьвер «Ивер Джонсон» с боеприпасами и две самодельные гранаты.

Его интересовало главное:

— Надя звонила? Как Бакланов?

— А вот телефонограмма...

Кроме них в дежурке никого не было, дежурный не дергался.

Игумнов прочитал:

«...Слепое огнестрельное пулевое ранение живота, проникающее в брюшную полость, опасное для жизни...»

— Надя осталась в больнице, — сказал дежурный. — Вместе с его женой...

— Начальство поехало?

— Машины нет. Картузов сказал: «Госавтоинспекция сама поедет». Он же — от них!

— Был-то он с нами! А Никола?

— Руки не доходят, Игумнов! Столько крови за вечер! Пять убитых. Два тяжелораненых... Еще Никола!

— Я сейчас еду к нему!

— Тут, кстати, насчет тебя звонили...

— Исчурков?

— Авгуров! С Картузовым разговаривал. Спрашивал про твоего человека. Анчиполовского! Может быть такой?

Под Николу копали. Теперь Авгуров.

— Первый раз слышу.

— Картузов тоже сказал.

— Вечно они лезут! Вмешиваются, портят! Нет жизни от них! Все?

— Не все. Твою жену оставили в больнице. Госпитализировали. Какие-то безотлагательные дела...

Он напрочь забыл о ней!

— Где?

— В Онкологическом Центре, — дежурный объяснил. — На Каширке. Рядом с Николой. Он — в Седьмой.

— Жена сама звонила?

— Профессор. У меня записано. Есть проблемы... Дежурный знал больше, чем говорил.

«Только не это!»

— Что за день! Дай патрульную! Я быстро — в один конец!

Дежурный развел руками.

— Патрульную взял Авгуров.

— Что у них — машин нет?

— Видно, свою не захотел!

— Далеко?

— В Шереметьево.

— Сволочи!

Дежурный поднял глаза на часы.

— Сейчас как раз электричка... Потом долго не будет. До Коломенского, а там через жилой массив и по Старо-Каширскому...

Авгурову разбудил щелчок выключателя — вспыхнул свет. В помещение входили трое.

— Бедняжка! Совсем заждалась!

Она увидела своего мужа и мужа сестры — Ильина. Третий был моложавый — в синей форме с петлицами.

«Прокурор...»

В руке он нес ее сумку.

— Простите великодушно за то, что так получилось, — сказал прокурор. — От своего имени и от имени своих подчиненных приношу искренние извинения...

— Прощаешь? — спросил ее Ильин. — Тогда подайте друг другу ручки. Скажите: «Мирись-мирись...»

Мужчины были оживлены, все трое, по-видимому, только что выпили.

— Пойдемте отсюда! — ей было не до дурачеств.

— Конечно.

Почти бегом она выбралась наружу.

Было по-новогоднему бело. Вдоль взлетного поля вовсю гулял прогонистый колкий ветер.

Морозило.

Против служебного входа ждала патрульная машина.

Увидев пассажиров, шофер включил тревожную круговорот огня над кабиной.

Игумнов выскочил на перрон.

Стучали компрессоры. К отходящему электропоезду со всех сторон бежали люди.

Машинист дал сигнал. Сжатый воздух с шипением обнаружил себя в автоматических дверях. Они вроде закрывались, но электричка стояла.

«Любимое развлечение поездных бригад...»

Народ бросился к дверям.

Игумнова буквально внесло в тамбур, а затем дальше, в салон. Там уже все кипело. Игумнов увидел незнакомого милиционера — старослужащего, того швырнуло в проход к окну.

Состав наконец двинулся, на ходу, закрывая двери.

Электричка была из дальних, что редко ходят — набитая любителями зимнего лова — в ватных брюках, брезенте поверх полушубков. Дребезжащая. Темная.

«Сволочи! У них президент звонит семье полицейского, чтобы выразить соболезнование!»

Впереди Игумнов снова увидел милиционера-старослужащего. Напротив него оказалось свободное место.

Милиционер сел, когда сразу с двух сторон закричали:

— Куда?! Не видишь, папиросы лежат! Занято!

— Привыкли — на машинах! Да пьяных обирать... Менты!

Злобный старичок, без ватника, со значком Участника заорал страшным голосом:

— Гад! — он готов был сожрать милиционера-старослужащего вместе с дерьмом. Лицо его перекосило. — Зажрались!

По другую сторону от прохода тоже вскочили.

— Я те сейчас!..

Игумнов шагнул, стараясь удержать бешеное дерганье ноги. В глазу появилось ставшее уже привычным в минуту волнения серое небольшое облачко.

Он сгреб Участника за китель, притянул.

Вагонные звуки внезапно исчезли, электричка катила совершенно бесшумно в ватном неслышном пространстве.

Время остановилось.

Крепкий когда-то армейский габардин старика пополз под пальцами.

Пелена в глазу поднялась выше, теперь она закрывала скамьи и сидящих; рука, прихватившая ветерана, налилась свинцовой тяжестью. Казалось, никакой силе ее уже не разжать.

Освобождение наступило неожиданно. Сначала появился стук колес, потом и общий звуковой фон.

Каким-то чудом Игумнову удалось удержать руки. Серое пятно в глазу замерло. Постепенно начало рассеиваться.

Он отпустил старика. Повернулся. Стараясь никого не задеть, вышел в тамбур.

Впереди слева показался Онкологический Центр — поднявшаяся на полнеба огромная литровая банка, расцвеченная огнями.

После Афгана ни разу еще не было так плохо.

«Бакланов, Никола... Теперь это!»

Начальство устраивало свои дела. Жулики воровали. Менты ловили воров.

Электричка, жестко набитая до предела, подрагивала на стыках.

«Сволочи! Вы нам верите, только когда в нас стреляют...»

ББК 84Р7 — 4
С48

К 4700000000—075 без объявления
Л66 (03)—94

ISBN 5-8498-0067-0

© Оформление СП «Квадрат», 1993
© Л. Словин

Леонид Словин
КОГДА В НАС СТРЕЛЯЮТ
Сборник повестей

Книга издается в авторской редакции

Художник Н. Бексентеев
Художественный редактор Т. Младшева
Технический редактор Т. Ильина
Корректор О. Пегова

Совместное российско-германское предприятие «КВАДРАТ»
111024, Москва, Е-24, СП «КВАДРАТ»

Изготовлено при участии Ассоциации «КНИГА.
ПРОСВЕЩЕНИЕ. МИЛОСЕРДИЕ».

ЛР № 090016 от 16.09.91.. Подписано в печать 14.01.1994.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура универс. Бумага типографская.
Печать высокая. Усл. печ. л. 33,60. Тираж 100 000 экз.
Заказ № 2399. «С» 075.

Отпечатано на бумаге Сыктывкарского ЛПК

Качество печати соответствует диапозитивам, предоставленным издательством.

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы
им. 50-летия СССР
Министерства печати и информации Российской
Федерации
170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

Ассоциация «КНИГА. ПРОСВЕЩЕНИЕ. МИЛОСЕРДИЕ», учрежденная Московскими городскими и областными обществами «КНИГА», СП «КВАДРАТ», фирмами «КНИЖНЫЙ ЗНАК», «ОПТИМУМ», «ОНИК», «КМК», корпорацией «Прогресс», журналом «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ АРХИВЫ», приглашает к сотрудничеству издательства, книготоргующие организации, областные, районные и городские общества книголюбов.

По всем вопросам реализации, закупок книжной продукции обращаться по телефону (095) 233-19-68, по приему в члены Ассоциации по телефонам: (095) 231-39-04, 233-52-25.

Мы ждем Вас!

Фирма «ОПТИМУМ», являющаяся официальным дистрибьютором издательства СП «КВАДРАТ», информирует, что по вопросам оптовой закупки книг издательства необходимо обращаться по телефону: (095) 233-19-68. Возможна отправка книжной продукции нашим автотранспортом и железнодорожным контейнером.

Желающим получить в 1994 году книги, объявленные издательством, наложенным платежом необходимо перечислить почтовым переводом оргвзнос в сумме 500 рублей на р/с 606918 в Мосбизнесбанке г. Москвы, МФО 201467 Ассоциации «КНИГА» и направить квитанцию о переводе денег вместе с заявкой по адресу: 115201, Москва, Каширское шоссе., д. 16.

Ваши данные будут внесены в компьютер, и весь 1994 год фирма «КОРПУС БЕТА» будет отправлять Вам книги. Оплата стоимости книг при получении на почте.

Для инвалидов, ветеранов культуры, полиграфии и архивного дела при предоставлении копии документов, подтверждающих принадлежность к этим группам, предоставляется 15%-я скидка.

Скидка предоставляется также книголюбам Ярославской, Владимирской, Орловской, Пензенской, Липецкой, Костромской, Московской областей и города Сызрани, с кем Ассоциация «КНИГА. ПРОСВЕЩЕНИЕ. МИЛОСЕРДИЕ.» имеет договоры о совместной деятельности. Книголюбам этих районов могут заказать необходимые издания в своих областных организациях или должны направить письмо-заявку вместе с квитанцией об уплате оргвзноса в сумме 300 рублей и копией членского билета в адрес фирмы «Оптимум».

Ассоциация «КНИГА. ПРОСВЕЩЕНИЕ. МИЛОСЕРДИЕ.»

предлагает широкий выбор литературы на любой вкус лучших издательств России.

Для приобретения книг в розницу или оптом следует обращаться в Агентство Ассоциации по телефонам:

в г. Москве

Бабушкинское	471-10-81
Волгоградское	371-64-03
Гагаринское	431-87-70
Железнодорожное	153-95-56
Кировское	979-14-09
Красногвардейское	112-32-61
Куйбышевское	963-08-33
Кунцевское	146-52-72
Люблинское	178-01-12
Москворецкое	233-07-20
Солнцевское	439-33-11
Севастопольское	120-00-69
Таганское	272-25-56
Черемушкинское	333-61-21
Хорошевское	198-76-11

По Московской области:

г. Видное	541-12-67
г. Воскресенск	2-05-10
г. Домодедово	3-06-28
г. Железнодорожный	527-62-73
г. Коломна	2-40-36
г. Красногорск	563-77-16
г. Лотошино	1-09-24
г. Мытищи	581-55-66
г. Наро-Фоминск	3-97-50
г. Ногинск	4-65-50
г. Орехово-Зуево	2-66-44
г. Пушкино	2-51-04
г. Сергиев-Посад	4-31-89
г. Ступино	2-16-86
г. Талдом	2-04-56
г. Чехов	6-13-43
г. Щелково	6-59-95
г. Электросталь	3-63-29

По вопросам вступления в члены Ассоциации «КНИГА. ПРОСВЕЩЕНИЕ. МИЛОСЕРДИЕ.» следует обращаться по телефону в г. Москве: 233-52-25, а по вопросам сотрудничества по реализации книжной продукции по телефону: 233-19-68.

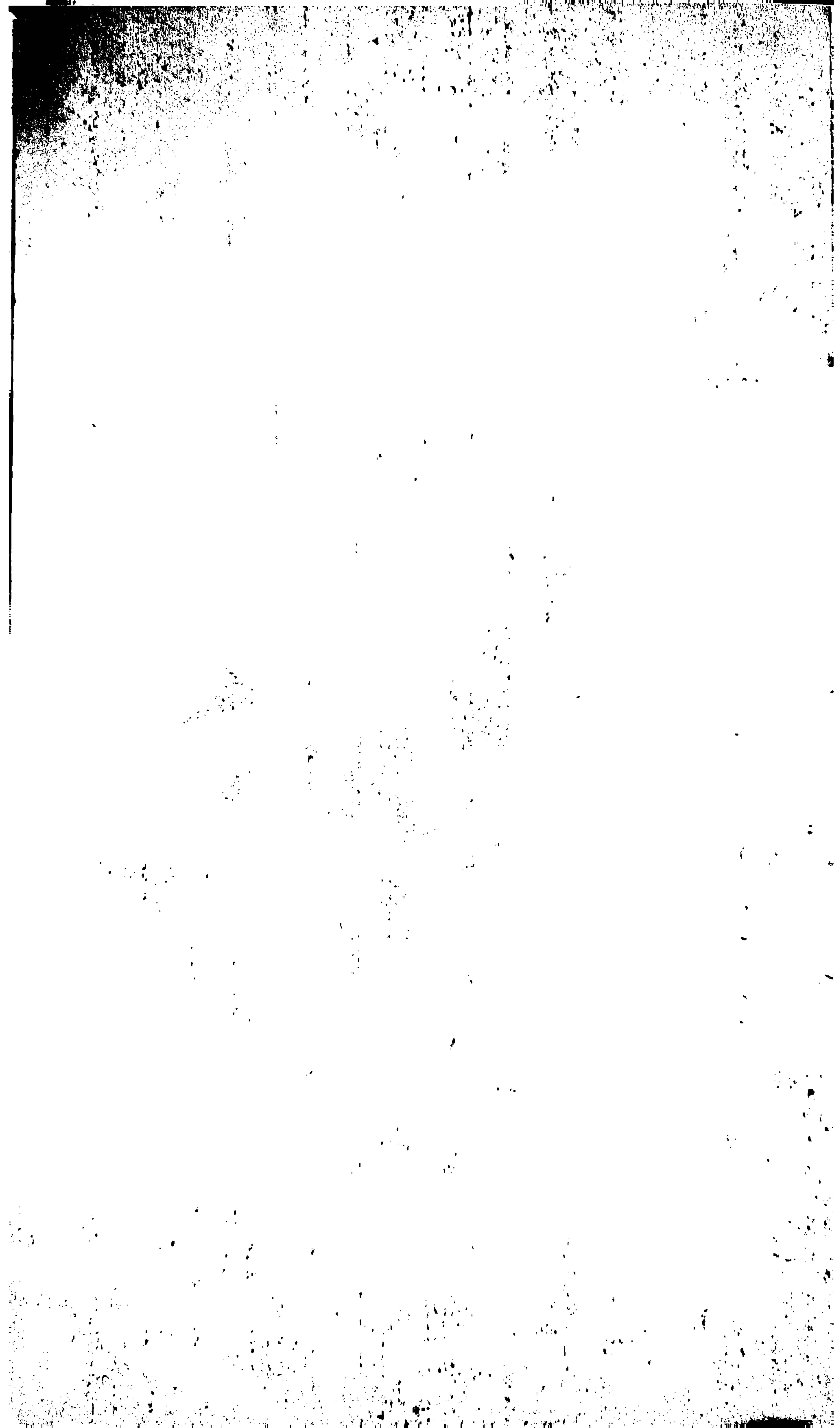
Правление Ассоциации «КНИГА. ПРОСВЕЩЕНИЕ. МИЛОСЕРДИЕ.» приглашает коммерческие банки Рос-

сийской Федерации к сотрудничеству по изданию книг. Обращаться по телефону: 233-52-25.

Ассоциация «КНИГА. ПРОСВЕЩЕНИЕ. МИЛОСЕРДИЕ.» обращается ко всем организациям и предприятиям внести свой вклад в благотворительную деятельность для оказания помощи семьям погибших сотрудников органов внутренних дел, ветеранам и пенсионерам полиграфии, культуры, народного образования, архивов.

Средства на эти цели просим направлять на расчетный счет Ассоциации: р/с № 606918 в Шаболовском отделении МББ г. Москвы, МФО 998037 для организаций г. Москвы; и р/с 606918 в Шаболовском отделении МББ г. Москвы, к/с 226161800 в РКЦ ЦБ РФ, МФО 201791 для иногородних.

МЫ ЖДЕМ ВАС!

ЛЕОНИД СЛОВИН

КОГДА В НАС СТРЕЛЯЮТ

СОВРЕМЕННЫЙ
РОССИЙСКИЙ
ДЕТЕКТИВ